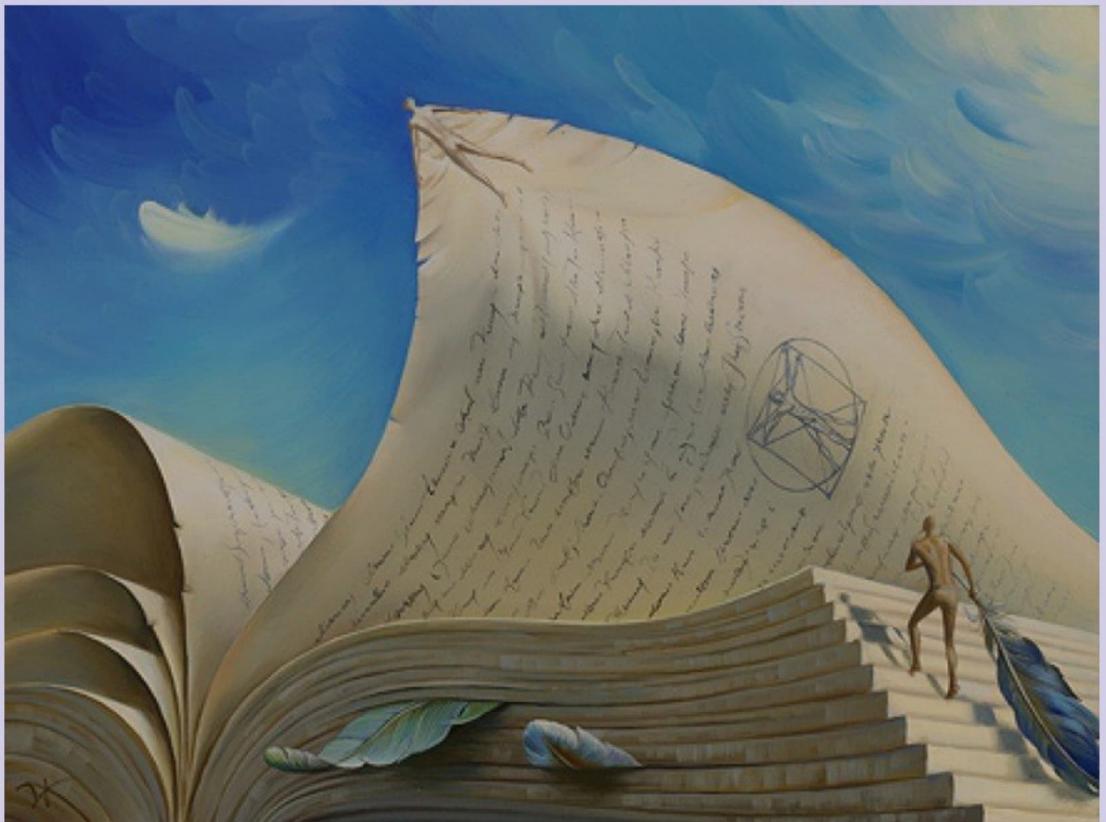

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Выпуск № 4 (45), 2025г.

ISSN 2587-7046 (print)
ISSN 2949-3765 (online)

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Философия
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 4 (45), 2025

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер СМИ серия ПИ № ФС 77 – 81152 от 25.05.21)

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, философии, социологии и политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж);

Бляхер Л.Е., доктор философских наук, профессор (г. Хабаровск);

Волкова Е.А., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж);

Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж);

Ильин М.В., доктор политических наук, профессор (г. Москва);

Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва);

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж);

Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва);

Ляпин Д.А., доктор исторических наук, доцент (г. Елец);

Ливенцев Д.В., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж);

Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва);

Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж);

Радугина О.А., доктор философских наук, доцент (г. Воронеж);

Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж);

Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

Адрес редакции: 394006, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Булавина А.А. СМЕНА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Г. ЕЛЬЦА ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1646 Г.....	5
Востриков П.В. НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ В АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПАТРИОТЫ, ЛОЯЛИСТЫ, ПАЦИФИСТЫ.....	10
Дорош А.А. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ БОРЬБЫ С ИУДАИЗМОМ СОВЕТСКИХ БЕЗБОЖНИКОВ НА РУБЕЖЕ 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «БЕЗБОЖНИК»).....	21
Иконников С.А. ПРОБЛЕМА СЛУЖЕНИЯ МИРЯН В ЦЕРКВИ И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	24
Кирчанов М.В. ГИМНЫ РЕСПУБЛИК СОЮЗА ССР: ИЗОБРЕТЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ.....	31
Котов Н.С. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЫ ОБЩЕСТВА (1949 –1951 гг.).....	40
Ливенцев Д.В. СБОРКА В 1893 Г. КОЛЕСНОГО ПАРОХОДА АМУРСКОГО ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ (АОПиТ) ВО ВЛАДИВОСТОКСКОМ ВОЕННОМ ПОРТУ.....	47
Попов П.А. ПОЧЕМУ НЕ РАСШИФРОВАНО СЛОВО «МОСКВА»?.....	54
Свиридова А.Н. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЕПИФАНСКОГО УЕЗДА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПОДВОРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1710 Г.....	77
Сиротин А.Н. СПОРТСМЕН МАКСИМИЛИАН КУУЗИК – ЧЕМПИОН И ОСНОВАТЕЛЬ ГРЕБНОГО СПОРТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	85
Шишлянникова Г.И. ПРИНЦИПЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ДЕТЕЙ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.....	92
Щукин Д.В., Широкова Н.Д. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И.А. БУНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДУХОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА.....	98

ФИЛОСОФИЯ

Ершов Б.А., Вотеичкин Е.А. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	105
Назаренко К.С. СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	112

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Гагин В.В. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КОНЦЕПЦИИ «ПЕРЕДОВОЙ ОБОРОНЫ» НАТО.....	117
Журбина Н.Е., Просняная А.М. ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ ИЗ ИНДИИ.....	130
Морозова В.Н., Бортников А.А. РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ В США.....	140
Морозова В.Н., Павлова А.А. ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЕВРОПЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС ИЛИ ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ?.....	147
Погорельский А.В. ВЛИЯНИЕ «ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА» НА ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И США.....	153
Щукин Д.В., Калитин И.Р. МУЗЕЙ КАК ПЛАТФОРМА СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ XXI ВЕКА.....	162

CONTENT

HISTORY

Bulavina A.A. CHANGE IN THE SOCIAL STATUS OF THE POSADS' POPULATION IN TOWN OF YELTS ACCORDING TO THE 1646 CENSUS.....	5
Vostrikov P.V. GERMAN COLONISTS IN THE AMERICAN REVOLUTION: PATRIOTS, LOYALISTS, PACIFISTS.....	10
Dorosh A.A. SOME EXAMPLES OF THE FIGHT AGAINST JUDAISM BY SOVIET ATHLETICS AT THE TURN OF THE 1920S AND 1930S XX CENTURIES (BASED ON MATERIALS FROM THE NEWSPAPER «BEZBOZHNIK»).....	21
Ikonnikov S.A. THE PROBLEM OF LAYMEN'S SERVICE IN THE CHURCH AND ITS COVERAGE IN SOCIAL DISCUSSION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.....	24
Kyrchanoff M.V. ANTHEMS OF THE REPUBLICS OF THE USSR: INVENTED TRADITIONS OF IDENTITY BETWEEN NATIONALISM AND IDEOLOGICAL LOYALTY.....	31
Kotov N.S. PUBLISHING ACTIVITIES OF THE VOLUNTARY SOCIETY FOR ASSISTANCE TO THE NAVY AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE SOCIETY'S WORK (1949–1951).....	40
Liventsev D.V. ASSEMBLY OF THE AMUR PADDLE STEAMER IN 1893 SOCIETIES OF SHIPPING AND TRADE (AOPiT) AT THE VLADIVOSTOK MILITARY PORT.....	47
Popov P.A. WHY WAS THE WORD «MOSCOW» NOT DECIPHERED?.....	54
Sviridova A.N. COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF EPIFANSKY DISTRICT BASED ON THE DATA OF THE HOUSEHOLD CENSUS OF 1710.....	77
Sirotin A.N. ATHLETE MAXIMILIAN KUZIK IS A CHAMPION AND FOUNDER OF ROWING IN THE RUSSIAN EMPIRE.....	85
Shishlyannikova G.I. PRINCIPLES OF FAMILY EDUCATION AND SOME DETAIL TO PORTRAITS OF THE CHILDREN OF EMPEROR NICHOLAS II.....	92
Shchukin D.V., Shirokova N.D. DIARY ENTRIES OF I.A. BUNIN IN THE SPACE OF HISTORICAL MEMORY AND SPIRITUAL IDENTITY OF 20TH-CENTURY RUSSIAN CULTURE.....	98

PHILOSOPHY

Ershov B.A., Voeichkin E.A. HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF RUSSIA AS A STATE-CIVILIZATION.....	105
Nazarenko K.S. SECULARIZATION OF EDUCATION DURING THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION.....	112

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Gagin V.V. CHARACTERISTIC FEATURES OF NATO'S «FORWARD DEFENSE» CONCEPT.....	117
Zhurbina N.E., Prosianaia A.M. UK POLICY TOWARDS MIGRANTS FROM INDIA.....	130
Morozova V.N., Bortnikov A.A. THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND SOCIAL MEDIA IN US ELECTION CAMPAIGNS.....	140
Morozova V.N., Pavlova A.A. RIGHT-WING POPULISM IN EUROPE: A POLITICAL REACTION TO THE MIGRATION CRISIS OR A MANIFESTATION OF A SYSTEMIC DEMOCRATIC CRISIS.....	147
Pogorelsky A.V. THE IMPACT OF THE "TAIWAN QUESTION" ON CHINA'S RELATIONS WITH EAST ASIAN STATES AND THE UNITED STATES.....	153
Shchukin D.V., Kalitin I.R. THE MUSEUM AS A PLATFORM FOR PRESERVING THE HERITAGE OF CULTURAL CODE AND HISTORICAL IDENTITY IN THE DIGITAL SPACE OF THE XXI ST CENTURY.....	162

ИСТОРИЯ
HISTORY

УДК 94(47)

Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
аспирант кафедры истории и историко-культурного
наследия
А.А. Булавина
Россия, г. Елец,
тел. 7 (47467) 6-00-90;
e-mail: camomila_a@mail.ru

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
graduate student of the department of History and
Historical and Cultural Heritage
A.A. Bulavina
Russia, Yelets,
tel. 7 (47467) 6-00-90;
e-mail: camomila_a@mail.ru*

А.А. Булавина

**СМЕНА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Г. ЕЛЬЦА
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1646 Г.**

Статья посвящена проблеме смены социального статуса посадского населения г. Ельца по данным переписной книги 1646 г. Автор отмечает отток неслужилого населения города, свидетельствующий о кризисе и о необходимости преобразований, защищавших посадское население. Такие преобразования были проведены в 1648-1649 гг. Также в статье показано негативное влияние на развитие Ельца действий приказчика боярина Н.И. Романова. Он переманивал служилых людей в бобыли, разорял торговцев и ремесленников. Очевидно, такие действия наносили урон Ельцу как экономическому центру.

Ключевые слова: посадские люди, Елец, бояре Романовы, служилые люди, «посадское строение», волнения 1648 г.

A.A. Bulavina

**CHANGE IN THE SOCIAL STATUS OF THE POSADS' POPULATION IN TOWN OF
YELTS ACCORDING TO THE 1646 CENSUS**

This article examines the changing social status of the posad population in Yelets, based on the 1646 census. The author notes the outflow of the city's non-servicemen, indicating a crisis and the need for reforms to protect the posad population. These reforms were implemented in 1648-1649. The article also demonstrates the negative impact of the actions of the boyar Nikita Romanov's steward on the development of Yelets. He lured servicemen into becoming peasants and ruined merchants and artisans. Clearly, such actions damaged Yelets as an economic center.

Key words: posad people, Yelets, Romanov boyars, servicemen, "posad structure," 1648 unrest.

Данная статья посвящена посадскому населению Ельца по данным первой подворной переписи 1646 г., а точнее, проблеме перехода местных посадских людей в другие категории населения. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения положения посадских людей накануне важных преобразований 1649 г. («посадского строения») и народных волнений в городах в 1648–1650 годах. Именно в этот период происходит накопление противоречий, связанных с экономическим и социальным статусом городского населения, что в конечном итоге приводит к обострению социальной борьбы и требует глубокого анализа причин и характера этих важных событий.

Слободой традиционно называли военное городское поселение, сформированное служилыми людьми (казаками, стрельцами, пушкарями). Жители слобод освобождались от уплаты прямых повинностей, но были обязаны нести военную службу.

Они также активно занимались ремеслами и вели мелкий торг. Под *посадом* обычно понимали отдельное экономическое поселение, где проживали исключительно торговцы и ремесленники. Тем не менее в некоторых документах XVII в. посад обозначал все слободы, расположенные за пределами центральной крепости. Согласно классическому определению П.П. Смирнова, автора крупнейшего исследования на эту тему, посадом считалось поселение, состоящее из торговых государевых людей, пользовавшихся правами города по общественному устройству и находившихся на службе [1, с. 192]. Мы полагаем, что отчасти это определение остается верным и сегодня, хотя было высказано в середине XX в., но, конечно, везде в России была своя специфика и региональные особенности, о которых необходимо помнить.

Возникновение на окраине огромной степи города-крепости Ельца в 1592 г., положило начало распространению служилой системы для защиты земель правого берега Среднего Дона в районе р. Быстрая Сосна. К 1615 г. вокруг города уже сложился уезд, состоящий из четырех станов. Вероятно, он был сформирован еще в начале XVII в. Посадское население в Ельце появилось в годы Смуты и достаточно быстро увеличилось по причине удачного географического положения города, находящегося между Воронежем, регионом казачьего Дона и городами по Оке. Через Елец традиционно также проходил один из путей на Москву [2, с. 134].

Источником для нашей статьи служит переписная книга Ельца и уезда 1646 г. Как известно, переписные книги преимущественно передавали сведения о мужском населении, которое уже способно и в состоянии нести тягло, приблизительно, начиная с 15 лет. Местонахождение анализируемой рукописи – Российский государственный архив древних актов (РГАДА, фонд 1209) [3]. Рукопись представляет собой чистовую копию, написанную чернильной скорописью. Согласно преамбуле документа, перепись была составлена по указу от 25 февраля 1646 г. Статистические данные о населении города-крепости содержатся на листах 36 об. – 60, то есть в целом занимают 24 листа.

Переписные книги, конечно, требуют критического подхода, поскольку достоверность их данных относительна [4]. В.Н. Глазьев, изучив материалы переписи 1646 г. по Воронежскому уезду, определили ее достоверность в пределах 70% [5, с. 23]. Д.А. Ляпин сделал вывод о том, что по Елецкому уезду эта цифра не может превышать 65% [6]. Однако для нашего исследования важнее проследить динамику социальных процессов, а не получить точные статистические данные. Нам важно зафиксировать процесс смены социального статуса, не исключая при этом, что весьма вероятны были случаи сокрытия этого.

Всего в Ельце, согласно переписной книге, находилось 10 слобод. Они имели следующие названия, отражающие их социальный состав: Новооброчная, Новооброчная Кузнецкая, Кузнецкая, Казачья, Пушкарская, Беломестная, Беломестная Казачья, Стрелецкая, а также слободка Троицкого монастыря и слободка боярина Н.И. Романова. Слободы имели укрепления и группировались вокруг крепости – военного и административного центра, огороженного особой стеной. В переписной книге указывалось месторасположение слобод. Например, Новооброчная слобода находилась за рекой Елец («Ельчанкою»), на берегу реки Быстрой Сосны располагалась слободка боярина Троицкого монастыря, а Беломестная слобода лежала за рекой Быстрой Сосной.

Слободы подразделялись на служилые и неслужилые в зависимости от состава населения. Всего было зафиксировано 6 неслужилых и 4 служилых слободы. Важно отметить, что служилые слободы значительно превосходили неслужилые по количеству жителей, поскольку Елец был важной военной крепостью. В нашу задачу не входит описание их местоположения; скажем только, что они располагались вокруг крепости, исключая северную сторону, отдаленную от источника воды. По-видимому, здесь играли роль два фактора: 1) защита от нападений, т.е. слобода должна была примыкать к городской стене, чтобы иметь свои ограждения, связанные с ней; 2) наличие источника воды, достаточного для хозяйственных нужд и позволяющего заниматься ремесленной деятельностью. Каждая слобода имела свой храм, который специально фиксировался в переписи. Вероятно, это было

связано со спецификой подсчета населения: местный священнослужитель хорошо знал дворовладельцев и мог уточнить информацию о них.

Главный интерес представляют пустые дворы слобод с указанием, куда именно перешло жившее здесь ранее население. Эта информация легла в основу статистических данных проведенного исследования.

Итак, 8 семей посадских людей перешли в Талецкий острог, где стали казаками, поменяв свое социальное положение. Это произошло примерно в 1640 г. (острог появился в 1638 г.). В город Козлов в служилые люди сошел один человек, а в Ефремов — 3 человека. Переход посадского населения в разряд военных групп был санкционирован государством, исходя из нужд обороны южного пограничья. Это, безусловно, плохо отражалось на развитии городов как экономических центров. Торговцы и ремесленники были вынуждены подчиняться военной дисциплине, а их хозяйственная деятельность зачастую отходила на второй план перед необходимостью несения службы. Такая трансформация меняла традиционный уклад их жизни.

Разберем несколько конкретных примеров на эту тему [7].

Посадский человек Трофим Иванов сын Болакин, в 1646 г. перешел добровольно в крестьяне к елецкому помещику Иван Алексеевичу Бехтееву. Бехтеев был хорошо известен в Елецком уезде, поскольку был одним из самых обеспеченных представителей местной элиты. Он входил в число дворовых детей боярских и занимал должность губного старосты — одну из главных выборных должностей в провинции. В последующие годы потомки Ивана Алексеевича также занимали высокие посты — служили стряпчими, стольниками и воеводами [8, С. 4]. Игнат, Михаил и Павел Григорьевы дети Москвалевы в 1642 г. ушли из посада и записались в церковные бобыли, поселившись у местного попа Григория, настоятеля храма Михаила Архангела. Показательно, что до этого они были его прихожанами. Точно также «Микишка Понтелеев, Иашка Родивонов, Гришка Микитин» «вышли» из посада в 1641 г., а «живут на церковной земли за тем же Михайловским попом Григорием в бобылях». Итого, 6 посадских жителей предпочли стать бобылями своего священника. Вполне вероятно, что он оказывал воздействие на них, известно, что церковные бобыли имели льготы. Показателен в этом отношении конфликт в Курске в 1648 г., где переход стрельцов в монастырские бобыли обернулся конфликтом между их начальником и монастырскими властями. Дело приняло крайний оборот и закончилось убийством стрелецкого начальника [9, с. 125-127]. Посадские люди были более свободны в своих перемещениях, хотя их переходы наносили урон экономике. Но никаких конфликтов по этому поводу нам не известно, во всяком случае, на елецких материалах.

Другой пример: Харлам Семёнов, сын Бурдукина, в 1639 г. перешел в служилые люди Чернавского острога. За ним последовали Родион и Абрам Васильевы. Опрошенные старосты заявили, что не знают, «в каком чину» они там живут, но понятно, что речь идет о служилых категориях.

Итоговые данные о переходах посадского населения в другие группы представлены в диаграмме 1.

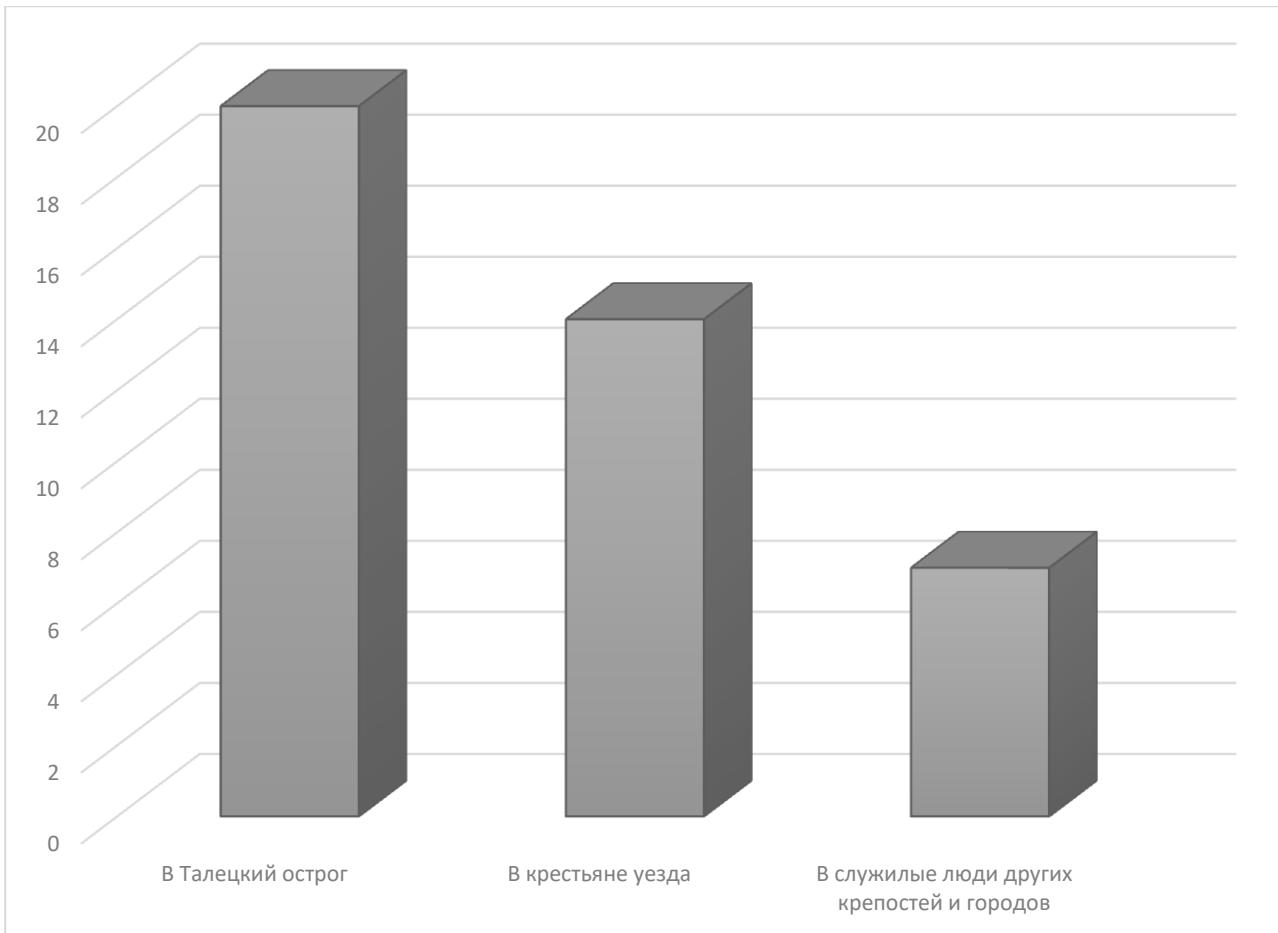

Диаграмма 1. Переход посадских людей Ельца в другие социальные группы по данным переписной книги 1646 г.

Обращает на себя внимание, что переписная книга регистрирует убыль населения только за семь лет, начиная с 1639 года. Точные причины этого явления остаются неясными. Предполагаем, что это может быть связано с указом 1637 г. о «заказных городах», который запрещал крупным землевладельцам (служилым людям думных и московских чинов) приобретать землю на южной окраине страны с целью сохранения обороноспособности.

По материалам переписной книги 1646 г. наибольшие потери понесла Новооброчная слобода, где было выявлено убывшее население в количестве 33 человек. Все запустевшие дворы были записаны как заброшенные. В Нооброчной кузнецкой было зарегистрировано 4 ухода.

Переписчики также отметили факт незаконного пребывания в слободе Н.И. Романова боязля Федора Серебренника (видимо, он занимался ювелирной работой с серебром). После досмотра он был отправлен в стрельцы, откуда незаконно перешел к Романову. Затем, после досмотра трех дворов Евстратова, Ромашкова и Тимошкина, им также было велено вернуться в стрельцы. Однако этого не произошло. Согласно донесению приказного человека Григория Верещагина, они были отправлены в вотчину боярина в Лебедянский уезд, в село Романово Городище, для охраны земель от набегов татар. Таким образом, влиятельный романовский приказчик сумел сохранить боязлей во владении своего патрона. Безусловно, такая политика вредила государственным интересам и вызывала недовольство со стороны елецкой общественности. Конфликт между боярами Романовыми и елецким населением случился еще в 1628 г. и привел к большому судебному разбирательству [10, с. 91-94]. Как видим с этого времени мало, что изменилось.

Преобладающей слободой по убывшему населению была Новооброчная: так, из числа проживавших там мужчин приблизительно 25 % покинули ее за 7 лет. В процентном

отношении из Новооброчной кузнецкой слободы вышло 12 %, из слободки Троицкого монастыря ушёл лишь один бобыль, 14 % населения покинуло Кузнецкую слободу. Обобщая данные, также в процентах, все посадские слободы покинуло приблизительно 15 % семей. В это число не входят романовские бобыли, отправленные в Лебедянский уезд, и один возвращенный в стрельцы.

Изучение данных елецкой переписной книги позволяет проследить изменения в социальном статусе посадского населения Ельца. С 1639 г. наблюдался отток неслужилого населения из города: торговцы и ремесленники переходили в разряд служилых людей или бобылей. Это явление имело двоякий эффект: государство укрепляло обороноспособность крепостей, а частные лица использовали этот процесс для личного обогащения. В совокупности, эти факторы негативно влияли на экономическое развитие и потенциал Ельца. Особую опасность представляли действия приказчика боярина Н.И. Романова, чьи люди пользовались льготами и привилегиями. Они создавали конкуренцию местным торговцам и ремесленникам, а также переманивали служилых людей, ослабляя военный потенциал региона. Хотя изучение аналогичных процессов в других городах Юга России может предоставить больше фактического материала, общая тенденция, на наш взгляд, очевидна. Появившийся в Смутное время елецкий посад столкнулся в 1630-е годы с серьезными трудностями в своем развитии.

Дальнейшее исследование этих процессов позволит глубже понять причины реформирования посадов и попытки их превращения в замкнутые группы. Однако можно отметить, что рассмотренные выше проблемы приводили к росту социальной напряженности, недовольству среди городского населения и, как следствие, к ослаблению лояльности к центральной власти, что в условиях постоянных внешних угроз было крайне нежелательным.

Библиографический список

1. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. – Москва: Академия наук СССР, 1948. — 736 с.
2. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения (1598-1619). М.: Весь мир, 2024. – 360 с.
3. РГАДА. Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 135.
4. Водарский Я.Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 133–143.
5. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 208 с.
6. Ляпин Д.А. Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг. // Вестник архивиста. – 2024. – № 1. – С. 43–56.
7. РГАДА. Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 39 об. – 40 об.
8. Ляпин Д.А., Акиньшин А.Н., Лильп И.Г. Бехтеевы: родословная роспись. Второе издание. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2020. – 352 с..
9. Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. – 336 с.
- 10.Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. – Тула: Гриф и Ко, 2011. – 208 с.

Воронежский государственный лесотехнический университет
кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры иностранных языков
П.В. Востриков
Россия, г.Воронеж,
тел. 8-910-245-65-79
e-mail: Sortavala2015@inbox.ru

Voronezh State Forest Engineering University
PhD in History, Lecturer in the Department of Foreign Languages
P.V. Vostrikov
Russia, Voronezh
tel. 8-910-245-65-79
e-mail: Sortavala2015@inbox.ru

П.В. Востриков

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ В АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПАТРИОТЫ, ЛОЯЛИСТЫ, ПАЦИФИСТЫ

В ходе Американской войны за независимость этнические немцы принимали участие в составе вооруженных сил по обе стороны конфликта. Немецкие колонисты, составляющие вторую по численности этническую группу переселенцев после англичан, имели большой вес в экономической жизни колоний. В ходе революции они, как правило, поддерживали дело патриотов. Некоторые принадлежали к пацифистским сектам, таким как амиши, но так или иначе большинство были вовлечены в революционное брожение или даже боевые действия.

Ключевые слова: Американская революция, Война за независимость, иммиграция, немецкий язык, немецкая пресса, военные операции, пацифизм, сектанты, амиши, меннониты, швянкфельдеры, лютеране, гессенцы, лоялисты, патриоты.

P.V. Vostrikov

GERMAN COLONISTS IN THE AMERICAN REVOLUTION: PATRIOTS, LOYALISTS, PACIFISTS

During the American Revolutionary War, ethnic Germans participated in the armed forces on both sides of the conflict. As the second-largest ethnic group of settlers after the English, German colonists played a significant role in the economic life of the colonies. During the revolution, they generally supported the cause of the patriots. While some belonged to pacifist sects like the Amish, most were involved in the revolutionary movement or even combat.

Key words: American Revolution, War of Independence, immigration, German language, German press, military operations, pacifism, sectarians, Amish, Mennonites, Schwankfelders, Lutherans, Hessians, loyalists, patriots.

В 1682 году лидер английской секты квакеров Уильям Пенн совершил несколько путешествий в Германию с целью привлечения немецких протестантов в Пенсильванию, где они в дальнейшем создали преуспевающие хозяйства. Дальнейшие стимулы к дальним путешествиям исходили уже других проповедников, рекрутеров и от обосновавшихся в колонии родственников, которые в письмах сообщали, что заработка плата была высокой, а земля и еда дешевыми. Средняя ферма в Пенсильвании площадью 125 акров была в шесть раз больше, чем типичное крестьянское хозяйство в юго-западной Германии, а колониальная почва была более плодородной, давая в три раза больше пшеницы с акра. Не имея принцев и аристократов или официальной церкви, Пенсильвания почти не требовала налогов, не призывала своих жителей на войну.

Первым постоянным немецким поселением на территории современных Соединенных Штатов был поселок Германтаун в Пенсильвании, основанный недалеко от Филадельфии 6 октября 1683 года (сейчас один из районов Филадельфии).

Большое количество немцев мигрировало с 1680-х по 1760-е годы, Пенсильвания была преимущественным местом назначения. Факторами, способствовавшими иммиграции были: ухудшение возможностей для фермерского хозяйства в Центральной Европе, преследование некоторых религиозных групп и военная повинность; с другой стороны факторами притяжения со стороны Америки были лучшие экономические условия, особенно возможность владеть землей и религиозная свобода [6, р. 18-19].

В 1709-1710 гг. при администрации королевы Анны имела место плохо организованная (несмотря на благие намерения по содействию протестантам-единоверцам) кампания по привлечению немецких переселенцев в Америку. Большие партии немцев отправилась из Пфальца (или Палатина) в Германии сначала в Роттердам, а затем в Лондон. Выяснилось, однако, что количество желающих было столь велико, что не хватало ни палаток или домов для их временного размещения, так и кораблей для трансатлантического путешествия. Многим пришлось возвращаться в Германию. Часть желающих попали на корабли и смогли добраться до американских колоний. Путешествие было долгим, трудным из-за плохого качества еды и воды на борту кораблей и сыпного тифа. Многие иммигранты, включая детей, не выдерживали путешествия, не добрались до американских берегов. Тем не менее, эта волна немецкой иммиграции, насчитывавшая около 2100 переселенцев, была крупнейшей единовременной иммиграцией в Америку в колониальный период. Всего переселенцев из Германии было 100 000 тысяч, немцы уступали только шотландцам по числу иммигрантов в Британскую Америку в XVIII веке. Большинство из них были протестантами, разделенными на несколько конфессий: лютеране, реформаторы, моравцы, баптисты и пietисты многих деноминаций. Набранные как из бедных, так и из средних слоев, они эмигрировали, в основном, семьями. Почти все они прибыли из долины Рейна и его основных притоков на юго-западе Германии или с севера Швейцарии. Протекая на север и восток, судоходный Рейн направлял эмигрантов вниз по течению в голландский порт Роттердам, их ворота через Атлантику в Британскую Америку [11, р. 5-6]. Через несколько лет наиболее удачливые уже пожинали плоды своего труда, сообщали о своих успехах родственникам и знакомым в Германии, такие новости убеждали многих искать счастья за океаном. А на самом высшем уровне династическая уния Великобритании с Ганновером, заключенная в 1714 г. также способствовала в определенной степени усилению потока иммиграции.

Около трех четвертей немцев высаживались в столице Пенсильвании. В конце 1720-х годов около трех кораблей, перевозивших в общей сложности 600 немцев, ежегодно прибывали в Филадельфию. К началу 1750-х годов около двадцати кораблей и 5600 немцев прибывали каждый год. В поисках ферм большинство эмигрантов просочились в сельскую Пенсильванию. Оттуда некоторые семьи направились на юг, чтобы поселиться на границах Мэриленда и Вирджинии. Вторая, гораздо меньшая и менее устойчивая миграция потекла из Роттердама в Чарльстон, Южная Каролина, который служил воротами к границе Джорджии и Каролины. Большая часть немцев из прибывших в Нью-Йорк в качестве законтрактованных слуг поселились вдоль реки Гудзон, чтобы оплатить проезд, на территории поместья Роберта Ливингстона было основано семь деревень. Почва была превосходной; было построено около 500 домов, в основном из камня, и регион процветал, несмотря на набеги индейцев. Херкимер был самым известным из немецких поселений в регионе, долгое время известном как «Немецкие равнины».

Немцы держались особняком, женились на своих, говорили по-немецки, посещали лютеранские, реформатские церкви и сохраняли свои обычаи. И большинство из них английский почти не знали, полагаясь на нескольких двуязычных лидеров, обычно священников и школьных учителей, для более сложных взаимодействий с посторонними, например, для решения юридических и деловых вопросов. Их численность и клановость способствовали созданию сети церквей и школ, организованных и финансируемых за счет добровольных пожертвований. Немцы Пенсильвании обладали высоким уровнем

грамотности, также поддерживали своих печатников и прессу, что выпускала альманахи, книги и газеты на немецком языке [16, р. 20].

Бенджамин Франклайн, который в других отношениях выражал сдержанность или тревогу в отношении немцев Пенсильвании, положительно отзывался об их сельскохозяйственной практике: «Я не против приема немцев в целом, поскольку у них есть свои добродетели, их трудолюбие и бережливость являются образцами; Они отличные земледельцы и вносят большой вклад в улучшение страны» [13, р. 30]. Другой выдающийся житель Филадельфии, доктор Бенджамин Раш, был особым поклонником немецких жителей своего штата и их методов экономической деятельности, как он изложил в трактате 1789 года. Он особенно хвалил интенсивный и продуктивный стиль ведения сельского хозяйства, что практиковали немцы, ту заботу, которую они проявляли о своем скоте, их бережливость и то, как они ценили «родовую собственность», которая «должна принадлежать преемственности поколений».

По его словам, немецкие фермы «легко отличались от других по хорошим заборам, размерам фруктовых садов, плодородию почвы, урожайности полей и пышности лугов». Раш, несомненно, преувеличил эти немецкие добродетели, и все же в них есть определенная доля правды. Производительность их ферм помогает объяснить, почему накануне революции в Пенсильвании производился 50-процентный излишек продовольствия, самый большой избыток во всех колониях. Немцы также активно занимались различными ремеслами – то были слесари, плотники, столяры, сапожники, оружейники. Немцы изготавливали большое количество ружей, что стали одним из основных видов оружия в бурную эпоху перемен. Еще одной характерной чертой, которая сохранилась на протяжении двух веков и по всему континенту, была решимость немцев передать свои навыки следующему поколению, которое бы придерживалось тех же мест проживания, так что их поселения со временем часто становились более однородными [21, р. 24-25].

Успехи немцев вызывали зависть и даже опасения. Еще в 1750-х годах Бенджамин Франклайн разразился гневной критикой пенсильванских немцев: «Почему пфальцским хамам следует позволять наводнять наши поселения? . . . Почему Пенсильвания, основанная англичанами, должна стать колонией чужаков, вскоре их станет так много, что они германизируют нас вместо того, чтобы мы повлияли на них, чтобы они стали, как англичане, и они никогда не примут наш язык и обычай?» Далее он заметил, что «немногие из их детей в нашей стране изучают английский язык», жалуясь, что многие книги были импортированы из Германии, а немецкая типография конкурировала с английской печатью в Пенсильвании, где даже акты и другие юридические документы часто записывались на немецком языке, а многие вывески и реклама были двуязычными. Одной из причин, по которой немцы вызвали гнев Франклина, была их растущая политическая независимость: «Я помню время, когда они скромно отказывались вмешиваться в наши выборы, но теперь они приходят толпами и побеждают всех, за исключением одного или двух графств». Раньше большинство немцев были политически пассивными, но теперь они в основном поддерживали партию собственника, против которой выступал Франклайн [12, р.10].

Впрочем, опасения Франклина были необоснованными, никогда не надвигалось реальной угрозы, что немецкий язык вытеснит английский, даже в Пенсильвании. Тем не менее, существует легенда о том, что Соединенные Штаты почти приняли немецкий язык в качестве второго официального языка во время обсуждения в Конгрессе в 1795 г.

Этому якобы помешал единственный голос против, отданный не кем иным, как американцем немецкого происхождения, первым спикером Палаты представителей Фредериком Мюленбергом, который встал со своего кресла спикера, чтобы отдать решающий голос против («пусть они становятся американцами») и нарушил равновесие. Но в действительности речь шла не об официальном языке страны и не о повышении статуса немецкого языка до равного английскому. Сам численный состав населения страны делает очевидным невозможность такого поворота событий. Речь, скорее, идет о просьбе некоторых граждан Огасты (штат Вирджиния), о переводе и публикации федеральных законов на

немецком языке за государственный счет. Законопроект, очевидно, был отклонен одним голосом Мюленберга, но его влияние не следует преувеличивать. Немецкий язык в качестве официального языка никогда не был возможен, но, особенно на уровне штата и на местном уровне, а иногда и на федеральном уровне, имелись многочисленные случаи, когда государственные средства тратились на то, чтобы пойти навстречу носителям немецкого (и других языков). К середине XVIII столетия около 10 % колонистов разговаривали на немецком языке [5, р. 41]. Немцы были крупнейшим небританским европейским меньшинством в Британской Северной Америке, их степень ассимиляции была различной [29, р. 263]. Немцы из Пфальца более позднего периода иммиграции были разбросаны по границе, противостоя индейцам и французам в Нью-Йорке и Пенсильвании. Первые поселенцы в Южной и Северной Каролине и Джорджии также в основном набирались из немцев, и им также пришлось столкнуться с еще одной враждебной силой, а именно с испанскими войсками и индейцами, чьи хозяева не хотели видеть свою территорию под угрозой и урезанной. Добрые моравцы отказались от своих пограничных поселений в Джорджии, чтобы не сражаться, и, таким образом, потеряли плоды нескольких лет труда в своих школах и церквях. А во стойкие лютеране, выходцы из Пфальца, брались за оружие для защиты своих домов. Во время Франко-индийской войны в 1756 г. Великобритания сформировала Королевский американский полк, солдатами которого в основном были немецкие колонисты. Эта сила должна была состоять из четырех батальонов, по тысяче человек в каждом. Пятьдесят офицеров должны были быть иностранными протестантами, в то время как рядовые должны были набираться в основном из числа немецких поселенцев в Америке. Непосредственным их командиром был швейцарец Даниэль Буке [19, р. 11]. Среди иммигрировавших позднее немцев был барон де Вайсенфельс Фредерик, который поселился в Нью-Йорке в качестве британского офицера. Когда началась Война за независимость, он дезертировал и с 1775 года служил в рядах американцев, дослужившись до подполковника [2].

К 1770 г. Пенсильвания насчитывала 240 тыс. жителей, в сравнении с 1710 г. это было десятикратное увеличение. Почти 80 процентов немцев отправлялись в эту провинцию, где они использовали свои прежние связи, следовали старым привычкам. Многие стремились обосноваться, приобрести землю в немецких районах. Но если это им не удавалось, они быстро приспособливались к своему англоязычному окружению, устанавливали взаимоотношения с людьми разных рас [11, р. 12].

Американская революция вызывала разногласия среди колониальных немцев, как и среди других общественных групп, иногда споры имели место даже в семьях. Фредерик Август Мюленберг первоначально возражал против своего брата Питера, обвиняя его в сочувствии бунтовщикам и неповиновении властям, а Питер обвинял его в противоположной позиции – в том, что он сочувствует тори, но британский обстрел Нью-Йорка вынудил Фредерика покинуть город и перейти на сторону патриотов. Майкл Шлаттер ранее служил капелланом в британском полку и снова был нанят ими в начале революции. Но когда британцы заняли Германтаун в 1777 году, он отказался повиноваться приказам и был заключен в тюрьму, а его дом был разграблен британцами. Генерал Николас Херкимер, сын пфальцских иммигрантов в Нью-Йорке, известен тем, что командовал немецким патриотическим ополчением и отдал свою жизнь за это дело в 1777 году. А его младший брат, капитан-лоялист Йохан Йост Херкимер, нашел постоянное убежище в Канаде.

В 1775 г. советы прихожан лютеранских и реформатских церквей в Филадельфии составили памфлет о создании ополчения и стрелковых подразделений и разослали его немцам в Нью-Йорке и Северной Каролине с призывом присоединиться к этим силам – «а те, кто в силу каких-либо причин не могут это сделать, пусть внесут свой посильный вклад в общее дело» [9, р. 287]. К началу американской революции в Пенсильвании уже существовало три немецких газеты. Одна из них, *Pennsylvanischer Staatsbote*, была первой американской газетой, объявившей 5 июля 1776 года о принятии Декларации независимости

[16, р. 114]. Эта газета, издаваемая Генри Миллером (Генрихом Мюллером), позже ставшим печатником Конгресса, явилась рупором патриотизма. Подписчики газеты проживали не только в Пенсильвании, среди них было много известных виргинских немцев, среди которых распространялось возвзание: «Помните, что ваши пращуры иммигрировали в Америку, спасаясь от тирании, стремясь к свободе». Собрания граждан созывались в разных небольших городках и принимали резолюции, в которых выражалось общее стремление избежать налогообложения без представительства.

Немецкие обитатели фронтира тем более склонялись к революционным настроениям, хотя многие из них и прошли уже боевую школу во время Семилетней войны, выступая за Британскую корону. Но сейчас они уже были настроены оппозиционно как к королю, так даже и к обитателям восточных графств, среди которых больше распространены были лоялистские настроения. По мнению Джона Адамса, жители Нью-Йорка и Пенсильвании раскололись надвое, одна треть населения колоний были тори [3, р. 110]. Некий гессенский офицер так оценивал ситуацию в 1777 г., что «одна шестая населения была лояльной режиму, одна шестая – нейтральна, две трети были бунтовщиками». Если судить по другим сохранившимся свидетельствам, количество лоялистов среди немцев было меньшим, чем демонстрировали общие тенденции. Историк Германн Шурихт отмечал, что среди этнических немецких колонистов не было такого раздвоения, внутренней борьбы и сомнений, как среди англичан, которые с трудом расставались со своим подданством и политическими привязанностями к метрополии, короне [24, р. 114].

С самого начала военных действий несколько боевых подразделений, состоявших из этнических немцев, были организованы по решению Второго континентального конгресса 22 мая 1776 года. То был 8-й Мэрилендский полк (он же Немецкий батальон или Немецкий полк) в составе Континентальной армии. В отличие от большинства континентальных линейных подразделений, он набирался из нескольких штатов, изначально в него входило восемь рот: четыре из Мэриленда и четыре (позже пять) из Пенсильвании. Николас Хауссеггер, майор под командованием генерала Энтони Уэйна, был произведен в чин полковника. Этот полк участвовал в битве при Трентоне и в битве при Принстоне и Брендивейне, а также принимал участие в обороне Филадельфии и кампаниях вдоль фронтира – против индейцев [9, р. 296-297]. Немцы из Пенсильвании были набраны в Американский корпус жандармерии под командованием капитана Бартоломея фон Хеера, пруссака, служившего в аналогичном подразделении в Европе до иммиграции в Рединг, штат Пенсильвания [9, р. 299]. Это подразделение занималось разведкой, обеспечением безопасности Джорджа Вашингтона и его штаба, других высоких должностных лиц, они отвечали за содержание пленных под стражей и принимали участие в боевых действиях (битвы при Спрингфилде). Встречались среди этого подразделения и плененные гессенцы, а также и другие немцы, плохо знающие английский или совершенно не говорящие на нем. Это обстоятельство, а также особенности служебных задач вызывали подозрительность среди многих офицеров Континентальной армии. Это подразделение жандармерии считается предшественником нынешнего корпуса военной полиции [27].

Несколько провинций также сформировали немецкие полки или пополнили ряды местных ополчений американцами немецкого происхождения. Так, немецкие колонисты из Чарльстона в Южной Каролине сформировали фузилерскую роту в 1775 г., а некоторые немцы в Джорджии вступили в армию под командованием генерала Энтони Уэйна [18, р. 18].

Среди примеров немецких патриотов можно среди наиболее ярких личностей выделить священника и полковника Питера Мюленберга, пекаря Кристофера Людвига и капитана-брюве Марию Людвиг. Широко известен драматический эпизод, когда Питер Мюленберг произнес проповедь о том, что «есть время для проповеди и молитвы, а есть время для битвы, и такое время пришло сейчас», снял с себя священническое облачение и предстал перед собранием в форме полковника Континентальной армии. Вскоре после проповеди около трехсот добровольцев присоединились к делу патриотов, а на следующий день – еще четыреста. Он был из известной семьи, в которой были как военные, так и

священники, ему удалось получить образование в обеих сферах деятельности. Он был знаком с Патриком Генри и Вашингтоном и по их предложению принял командование Восьмого виргинского полка. Этот полк воевал в Южной и Северной Каролинах, а в феврале 1777 г. Конгресс повысил Мюленберга – он стал бригадным генералом, командующим несколькими виргинскими полками. Мюленберг вместе с Джорджем Уидоном (Герхардт фон дер Виден) входил в дивизию Натаниэля Грина, отличившуюся при сражениях в Германтауне и Брэндивайне. Братья Питер и Фредерик Мюленберги были избраны в Конгресс [28, р. 219].

Кристофер Людвиг, родившийся в Германии, много путешествовал, принимал участие в боевых действиях, семь лет провел в море, сменил много занятий, но так как он был из простой семьи, не имел возможностей для получения хорошего образования. В определенный момент своей жизни старый солдат Фридриха Великого оказался в Пенсильвании, где начал тихую карьеру пекаря и кондитера, надеясь благополучно встретить спокойную старость. Но с началом известных событий он стал их активным участником – его можно было видеть на разных собраниях. Он опубликовал объявление в *Staatsbote* – «Кристоф Людвиг из Летиция Корт ищет человека, который знает, как изготавливать порох». Он выступил с предложением собрать деньги по подписке, но оно было отвергнуто местным конвентом, тогда он выдал председателю собрания двести фунтов и направился волонтером в подразделение «Летающий лагерь» (*Flying Camp*), где служил, не требуя платы. И во время службы там он потерял глаз. В дальнейшем он добился назначения Конгрессом в мае 1777 г. на должность главного пекаря в Континентальной армии, где своей честностью и трудолюбием заслужил уважение самого Вашингтона, который всегда его так и называл – наш «честный друг». После сражения при Йорктауне, Вашингтон поручил ему напечь хлеба для армии Корнуоллиса – шесть тысяч фунтов хлеба за день [9, р. 248-250].

Мария Людвиг, известная более как Молли Питчер, была простой служанкой в семействе доктора Ирвина из Карлайла, а когда Ирвин отправился на войну, муж Марии, Хейс, также записался добровольцем. Хейс получил ранение, и Мария, начав ухаживать за ним, помогала и другим раненым бойцам. Она также носила воду в кувшине на боевые позиции. О ней стали говорить: «Вот идет Молли со своим кувшином». Так она обрела прозвище – Молли Питчер (*pitcher-графин*). Она проявила недюжинный героизм в битве при Монмуте, когда артиллерист, ее муж был ранен и упал тут же, рядом с пушкой – она заменила его. Ее геройзм был оценен – она получила воинское звание и впоследствии ей была назначена пенсия от Конгресса [4, р. 251].

Многие европейские офицеры приняли участие в Войне за независимость на стороне армии Джорджа Вашингтона. И среди них было немало немцев. Гюстав Розенталь был балтийским немцем из Эстляндии, вернувшимся в Европу после войны, в то время как другие немецкие офицеры, такие как Дэвид Циглер, предпочли остаться и стать американскими гражданами.

Самым известным немцем, поддержавшим дело патриотов, был Фридрих Вильгельм фон Штойбен из Пруссии, который служил генеральным инспектором Вашингтона. Генерал фон Штойбен подготовил Континентальную армию в Вэлли-Фордж, и позже он написал первое руководство по строевой подготовке для армии Соединенных Штатов. В июне 1780 года он сражался при Морристауне, штат Нью-Джерси, противостоя генералу Книпхаузену — битву, которую возглавляли два противоборствующих немецких генерала. Фон Штойбен получил гражданство и оставался в Соединенных Штатах до своей смерти в 1794 году [14, р. 78-80].

Хорошо известно, что британцы привлекали немецких наемников для поддержки своей армии. Европейские немцы жили в многочисленных отдельных государствах, многие из которых были в союзе с Британией во время Семилетней войны, что часто использовала вспомогательные силы в своих войнах XVIII столетия. Но в колониальных спорах следование прежней политике уже вызывало сильное возражение британских вигов.

Несмотря на такую оппозицию, парламент подавляющим большинством голосов одобрил эту меру, чтобы быстро собрать силы, необходимые для подавления восстания.

Потребность в наборе тысяч воинов для вспомогательных войск стала бременем для рекрутеров. Необходимо было соблюдать базовые стандарты, включая минимальный рост и количество зубов, что было необходимо для способности стрелять из кремневых мушкетов. Рекрутеров могли заставить возместить убытки из-за дезертирства или потери снаряжения. В Северной Америке немецкие подразделения составляли более трети британских войск.

Американцы были встревожены, возмущены известиями о прибытии наемных немецких бойцов. Такая мера со стороны короля Георга III (который также являлся курфюрстом Ганновера) ускорила разговоры о независимости среди делегатов в провинциальных собраниях. И это возмущение отразилось и в Декларации независимости, среди перечисленных королевских злоупотреблений: «В настоящее время он [король] переправляет большие армии иностранных наемников, чтобы завершить дела смерти, опустошения и тирании. Эти действия сопровождаются жестокостью и вероломством, что несопоставимы даже с самыми варварскими временами, и это совершенно недостойно главы цивилизованной нации»[26, р. A-1, A-2].

Законоведы колониальной эпохи проводили различие между вспомогательными войсками и наемниками – вспомогательные войска служили своему принцу, когда их отправляли на помочь другому сузерену, а наемники служили принцу другого государства как отдельные лица. Согласно этому различию, войска, которые служили в Американской революции, были не наемниками, а вспомогательными войсками. Но для патриотов они только были наемниками (помимо этого еще их называли и варварами и жертвами тирании), тем проводилось отличие иностранных профессиональных военных от идеализированных солдат-граждан, которые бескорыстно боролись за независимость, за свободу в составе местных милицийских подразделений.

На протяжении всей войны патриоты пытались убедить наемников прекратить сражаться. В апреле 1778 года Конгресс издал письмо «Офицерам и солдатам на службе короля Великобритании», в котором предлагались земли и скот дезертирующим немецким подразделениям, в дополнение к повышению в звании. По окончании войны Конгресс предложил стимулы — в частности, бесплатную землю для этих заморских немцев, чтобы те остались в Соединенных Штатах. Великобритания, со своей стороны, также предлагала земельные и налоговые льготы своим солдатам-лоялистам, желающим поселиться в Новой Шотландии.

Одной из важных финансовых основ небольших германских государств была регулярная сдача в аренду своих полков для сражений за более крупные государства. Тем более, что в остальных отраслях хозяйства дела обстояли не лучшим образом. Ландграфство Гессен-Кассель сдавало внаем профессиональные армии с XVII века. Это не вызывало возражений среди массы населения, ибо иного средства заработать не было.

Срок службы для физически годных мужчин доходил до 20 лет, вполне достаточное время, чтобы приобрести высокий профессионализм. С 1776 года гессенские солдаты были включены в состав британской армии; первые прибывшие войска страдали от заразных болезней, что влияло на ход боевых действий и, например, заставило британское командование отложить атаку на Лонг-Айленд. Немцы принимали участие в большинстве крупных сражений, включая кампании в Нью-Йорке и Нью-Джерси, битву при Германтауне, осаду Чарльстона и последнюю осаду Йорктауна, где было взято в плен около 1300 немцев[10, р. 566].

Поскольку большинство немецкоговорящих войск прибыли из Гессена, современные американцы иногда называют все такие войска этой войны обобщенно «гессенцами» [15]. Но было много прибывших из других земель: Вальдека, Брауншвейга, Англальт-Цербста, Ганновера. В немецких подразделениях служило 115 чернокожих солдат, большинство из них были барабанщиками или флейтистами [23].

Возможно, самым известным офицером из Гессен-Касселя является генерал Вильгельм фон Книпхаузен, который командовал своими войсками в нескольких крупных сражениях. Герцогство Брауншвейг-Люнебург было первым немецким государством, подписавшим договор в поддержку Великобритании 9 января 1776 года[17, р. 42]. Офицеры и унтер-офицеры путешествовали по всей Священной Римской империи, вербую новобранцев для пополнения своих рядов, предлагая им финансовые поощрения, поездки в Северную Америку с потенциальными экономическими возможностями в Новом Свете. Эти немцы воевали под началом генерала Джона Бергайна в Саратоге 1777 года. Брауншвейг отправил 5723 солдата в Северную Америку, из которых 3015 не вернулись домой осенью 1783 года. Многие из них умерли от болезней, некоторые дезертировали или были взяты в плен, а когда война закончилась, Конгресс предоставил им свободу выбора и разрешил остаться [8, р. 258].

В итоге боевые потери у немцев/гессенцев были относительно невелики – около 1200 человек. Гораздо больше было потерь от болезней или других причин – 6 354 человека. 17 313 немецких военных вернулись в Европу, А в Америке решили остаться около пяти тысяч воинов, таким образом, они сами пополнили число колонистов и в дальнейшем стали американскими гражданами.

Представители различных сект: менониты, квакеры, баптисты седьмого дня много претерпели бед из-за своего пацифизма во время Семилетней войны. Тем не менее, пацифисты, внесли свой вклад в революцию, который заключался в подрыве морального духа гессенских наемников и убеждении их дезертировать или перейти на другую сторону. Дезертиры могли легко раствориться в немецких общинах, а гессенских пленников содержали в Ланкастере и нескольких других немецких поселениях Пенсильвании, где их часто нанимали в качестве чернорабочих. К части местных немцев, их пропаганда оказала влияние, очевидно – целых пять тысяч гессенцев решили остаться в Америке после обретения независимости.

Госпитали патриотов в срединных колониях располагались преимущественно в немецких поселениях: Вифлееме, Литице, Ефрате, Аллентауне, Рединге, Ланкастере. Под госпитали моравские братья выделяли общественные здания. Община в Ефрате после битвы при Брендивайне приняла около 500 раненых, выделила два монастырских здания, добровольцы давали пищу больным, ухаживали за ними как могли, хоронили умерших [4, р. 251-253]. Медицинские проблемы были весьма серьезными. Прививки спасали от оспы, но не было средств от тифа, цинги и дизентерии. Не было и специалистов. 27 июля 1775 г. Конгресс принял постановление об организации госпитальной службы. На 20-тысячную армию приходилось только четыре хирурга, двадцать их ассистентов, один аптекарь, по одной сестре на 10 больных и главный врач[1, р. 449].

В Северной и Южной Каролинах, где лоялисты во многих местах превосходили патриотов, быть приверженцем независимости было рискованно. Многие немецкие колонисты центральных и западных графств страдали от рейдов роялистов. Были среди них и колеблющиеся. Например, кальвинистский священник Иохим Зубли. В сентябре 1775 г. он был выбран членом Континентального конгресса, но, по неизвестным причинам, стал лоялистом. О нем сообщалось, что «память о нем исчезла», то есть дальнейшая судьба его после принятия подобного решения неизвестна[9, р. 294-295].

Но видные открытые лоялисты были относительно редки среди немцев. Кристофер Заэр-младший был скорее пацифистом, чем лоялистом, но в 1777 году его типография была уничтожена силами патриотов, потому что он печатал брошюры для обеих сторон. Его сыновья, Кристофер III и Питер, более активно поддерживали дело лоялистов и сопровождали британцев, когда они отступили.

Кристофер Заэр (также «Сеятель» или «Заур») III был колонистом в третьем поколении, но полвека в Пенсильвании не ослабили семейные предания. Заэры были редакторами весьма успешной типографии в Германтауне, которая издавала еженедельную газету *Die Germantowner Zeitung*. Кристофер II и III оба принадлежали к немецкой

радикальной секте под названием «Братья» или «Данкарды/Данкеры» (так их называли из-за их веры в крещение погружением). Это был тип религиозной организации, которая поддерживала особую общину и не поощряла участие своих членов в светских делах. В 1790 году Зауэр основал поместье в двенадцати милях от города Сент-Джон, Нью-Брансуик, что в Канаде, это позволило ему работать в этом же городе, где не слишком тесно сотрудничал с его жителями. Это чувство отчужденности в конечном итоге заставило его закрыть свою мастерскую в 1799 году. Он вернулся в свою немецкую общину в Соединенных Штатах, где он внезапно умер от инсульта.

Зауэр III был самопровозглашенным лоялистом. Его заявление перед Комиссией по претензиям лоялистов, британским комитетом, ответственным за компенсацию лоялистам потерь военного времени, свидетельствует об этом. Зауэр заявляет: «Я был привязан к британскому правительству как из чувства своего долга, так и из глубокой убежденности в его превосходстве, противостоял нарастающему мятежу всеми доступными ему средствами...».

Каковы были «средства», с помощью которых Зауэр противостоял «нарастающему мятежу»? Его деятельность печатника наиболее очевидна. В 1776 году патриотический комитет попытался подвергнуть цензуре лоялистские настроения, запретив Зауэру печатать «любую политическую газету вообще». В выпуске его газеты 1778 года было заявлено, что Америка больна и может быть вылечена только «таблетками», сделанными из пуль. В 1780 году Зауэр опубликовал опровержение патриотического трактата Томаса Пейна «Здравый смысл». Даже его послереволюционная газета была несомненно лоялистской; в ней публиковались только материалы, «рассчитанные на поощрение верности нашему всемилостивейшему государю» [20].

Его торийская риторика сопровождалась соответствующими действиями. Зауэр собирал информацию для британских командиров. Некоторое время он сопровождал британские войска в Пенсильвании и был схвачен американскими войсками, которые ранили его, украли его лошадь и заключили в тюрьму на пять недель. Самое главное, что Зауэр был частью движения «Объединенные лоялисты Пенсильвании и Мэриленда», которое помогало организовывать лоялистское сопротивление на территории патриотов.

Данкеры выступали против революции и любого насилия в принципе. Первые американские братья пережили Тридцатилетнюю войну в немецком Пфальце. Они знали ужас гражданской войны и, как и лоялисты, отвергали ее как средство достижения социальных изменений. Данкеры также были связаны с Британией историческим долгом: когда они бежали от религиозных преследований в Европе, именно британская корона приветствовала их и способствовала их иммиграции. Ключевым моментом было понимание радикальной сектой светской власти. Братья верили, что британский монарх был надлежащей властью, установленной Богом. Соответственно, они должны были подчиняться божественному правителю. Годовое собрание братьев 1779 года заявило: «Поскольку Господь Бог наш устанавливал царей и низлагал королей и назначал правителей по Своему благоволению, и мы не можем знать, отверг ли Бог короля и избрал ли [американское] государство, в то время как король имел свое добное правительство; поэтому мы не могли с чистой совестью отречься от государя и присягнуть новому государству» [7, р. 149]. Пока британский монарх оставался у власти, у немецких данкеров не было никаких доказательств того, что Бог был недоволен им. Наоборот, единственным логическим выводом было то, что его правление было божественной волей. Поэтому они были обязаны поддерживать его правление. Лоялизм Кристофера Зауэра, далекий от того, чтобы быть несовместимым с его семейным наследием, на самом деле был прочно связан с радикальной немецкой сектой и ее пониманием светской власти [22].

11 июля 1775 г. листовка, написанная Комитетом по переписке округа Ланкастер, призывала немецких иммигрантов, многие из которых были пацифистами с религиозными возражениями против Американской революции, жертвовать деньги на поддержку патриотического дела. Тех, чьи религиозные убеждения не позволяли им взяться за оружие,

призывали вносить вклад в «необходимые и неизбежные» расходы города. Во время революции в Пенсильвании было опубликовано несколько листовок такого рода. Эта колония была полна немецкими иммигрантами анабаптистского толка. Например, 29 мая 1775 года комитет Ланкастера опубликовал предупреждение для тех, кто преследовал своих соседей-пацифистов: «Комитет получил информацию о том, что различные лица, чьи религиозные убеждения запрещают им объединяться в военные части, подвергались жестокому обращению и угрозам со стороны некоторых жестоких и недоброжелательных людей в графстве Ланкастер, несмотря на их готовность с радостью внести свой вклад в общее дело, не боясь за оружие. Данный комитет, рассмотрев этот случай, самым искренним образом рекомендует добрым жителям графства использовать все возможные средства для того, чтобы препятствовать и предотвращать такие безнравственные действия, и усердно развивать гармонию и единение, столь необходимые в нынешнем тревожном кризисе общественных дел....» [25, р. 217-218].

В своей знаменитой речи Патрик Генри провозглашал: «Я больше не виргинец, я американец...». Американская революция завершала процесс слияния колоний, что медленно протекал десятилетиями, был ускорен Войной с индейцами и французами, потребительской революцией, Великим пробуждением. Она привела к созданию нового информационного пространства и политической нации нового типа, принадлежность к которой определялась не этническими или религиозными факторами, а зачастую политическим выбором, который делали участники этих событий. Этническая принадлежность, язык могли быть разными. Американцами становились немецкие и французские колонисты, предки которых могли проживать в нескольких поколениях среди англоязычного большинства, а также бывшие немецкие наемники и добровольцы, предпочитавшие после завершения боевых действий остаться в Америке. Часть из них претерпела ассимиляцию, а другие, сопротивляясь окружающему большинству, неизбежному, стремились сохранить память о своем происхождении, держась за свое сообщество, культурные традиции, язык, стремясь передать все это и последующему поколению. Помнил ли кто потом о своих корнях или нет – они становились американцами. Но англичане, предпочитавшие сохранить верность присяге, верность королю, терпели лишения, вынуждены были покидать родные места. Американская революция совершила переход от этносов к нации – это одно из самых радикальных ее проявлений.

Библиографический список

1. Филимонова М.А. Повседневная жизнь американцев во времена Джорджа Вашингтона. СПб, 2024.
2. A brief memoir of the late Colonel Frederick Baron de Weissenfels. One of the heroes of the revolution. Compiled from authentic papers left by his daughter and only heir, the late Mrs. Harriet De la Palm Baker, deceased ... A friend of the heirs: <https://www.loc.gov/resource/rbpe.20901100/> Дата обращения: 07.04.2025.
3. Adams J. Letter to James Lloyd//Works of John Adams. NY, 1815.
4. Bittinger L.F. The Germans in Colonial Times. Philadelphia, 1901.
5. Bobrick B. Angel in the Whirlwind. The Triumph of the American Revolution. — NY, 1997.
6. Cronau R. German Achievements in America. NY, 1916.
7. Durnbaugh D.F. Fruit of the Vine: A History of the Brethren, 1708–1995. Elgin, 1997.
8. Eelking M. The German Allied Troops in the North American War of Independence, 1776-1783. NY, 1893.
9. Faust A.B. German Element in the United States. Boston and NY, 1909.
10. Ferling J. Almost a Miracle. The American War of Independence. NY, 2007.

11. Fogelman A.S. *Hopeful Journeys*. Hopeful journeys: German immigration, settlement, and political culture in colonial America, 1717-1775. Cambridge, 1992.
12. Franklin B. *Observations Concerning the Increase of Mankind, peopling of Countries, &c.* Boston, 1755.
13. Franz J. B. Franklin and the Pennsylvania Germans//Pennsylvania History Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies , Vol. 65, No. 1. 1998.
14. Greene G.W. *German Element in the War of American Independence*. NY, 1876. P. 78-80.
15. Hessians. *German Soldiers in the American Revolution*. American Battlefielt Trust <https://www.battlefields.org/learn/articles/hessians> Дата обращения: 25.03.2025.
16. Kampfhoefner W. D. *Germans in America. A Concise History*.NY, 2021.
17. Krebs D. *A Generous and Merciful Enemy. Life for German Prisoners of War during the American Revolution*. Norman, 2013.
18. Rosengarten J.G. *Frederick the Great and the United States*. — Harvard University, 1906.
19. Rosengarten J.G. *The German Soldier in the Wars of the United States*. Philadelphia, 1886.
20. Royal Gazette and New Brunswick Advertiser, 18 October 1785. (Microform Newspapers, Archives & Special Collections, UNB Libraries, reel 1).
21. Rush B. *An Account of the Manners of German Inhabitants of Pennsylvania written in 1789*. Philadelphia, 1875.
22. Savidge R. *Radical German Loyalism in the American Revolution* <https://loyalist.lib.unb.ca/atlantic-loyalist-connections/radical-german-loyalism-american-revolution> (Дата обращения: 11.04. 2025)
23. Selig R.A. *The Revolution's Black Soldiers*. <https://www.americanrevolution.org/black-soldiers/> Дата обращения: 23.03.2025.
24. Schuricht H. *History of the German Element in Virginia*. Baltimore, 1900.
25. Stievermann J.P. *Defining the Limits of American Liberty: Pennsylvania's German Peace Churches During the Revolution // A peculiar mixture : German-language cultures and identities in eighteenth-century North America / edited by Jan Stievermann and Oliver Scheiding*. Philadelphia, 2013.
26. U.S. Declaration of Independence//American Journey. A History of the United States. Upper Saddle River, 2003.
27. Valuska D. *Von Heer's Provost Corps Marechausee: The Army's Military Police An All Pennsylvania German Unit*. <https://www.continentalline.org/CL/article-070201/> Дата обращения: 23.03.2025.
28. Wilson J. M. *God on Three Sides. German Pietists at War in Eighteenth-Century America*. — Pickwick Publications, 2019.
29. Wolf S.G.. *As Various As Their Land: The Everyday Lives of Eighteenth-Century Americans*. — NY, 1993.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
А.А. Дорош
Россия, г. Воронеж
тел. 89601185552;
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

Voronezh State Technical University
PhD in history. Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History,
A.A. Dorosh
Russia, Voronezh,
tel. 89601185552;
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

А.А. Дорош

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ БОРЬБЫ С ИУДАИЗМОМ СОВЕТСКИХ БЕЗБОЖНИКОВ НА РУБЕЖЕ 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «БЕЗБОЖНИК»)

В данной статье автор раскрывает специфические особенности борьбы советских безбожников с иудаизмом на рубеже 20-30-х веков XX века. В ходе проведения исследования автор приходит к выводу, что борьба с иудаизмом в СССР, в исследуемый период, велась советской властью и Союзом воинствующих безбожников СССР аналогичными методами, широко применяемыми в деле борьбы с иными религиозными культурами, которые традиционно исповедовали национальные меньшинства СССР.

Ключевые слова: антирелигиозная деятельность, советские безбожники, Союз воинствующих безбожников СССР, иудаизм, раввин, синагога.

A.A. Dorosh

SOME EXAMPLES OF THE FIGHT AGAINST JUDAISM BY SOVIET ATHETICS AT THE TURN OF THE 1920S AND 1930S XX CENTURIES (BASED ON MATERIALS FROM THE NEWSPAPER «BEZVOZHNIK»)

In this article, the author explores the specific aspects of the Soviet atheist struggle against Judaism at the turn of the 20th and 30th centuries. In the course of her research, the author concludes that the struggle against Judaism in the USSR during the period under study was waged by the Soviet government and the Union of Militant Atheists of the USSR using methods similar to those widely used in combating other religious cults traditionally practiced by national minorities in the USSR.

Key words: anti-religious activity, Soviet atheists, the Union of Militant Atheists of the USSR, Judaism, rabbi, synagogue

На сегодняшний день в отечественных оклонакальных кругах и в обывательской среде, сложилось ложное предубеждение о том, что советские безбожники преследовали, по большей части, только православное духовенство и верующих, акцентируя все свое внимание на искоренении православного христианства, при этом снисходительно относясь к иным религиозным культурам и течениям, которые исповедовали национальные меньшинства СССР.

Так, в частности, существует ложное предубеждение, что представители иудаизма фактически, не преследовались ни атеистической большевистской властью, ни членами Союза воинствующих безбожников СССР, которые относились к ним весьма благосклонно.

© Дорош А.А., 2025

На самом деле антирелигиозная борьба велась и с иудейской религией. Так, вполне обыденными, в изучаемый нами период времени, для советских антирелигиозных периодических изданий, были статьи направленные на дискредитацию иудаизма в глазах его последователей: «Притон разврата в синагоге» [4], «Раввины агитируют против СССР» [6], «Процесс врачей Иссерсона и Баранова в Петрозаводске» [5] и т.п.

В период активного богооборчества в СССР, массовому закрытию подлежали не только православные храмы, но и иудейские синагоги. Так, по имеющейся информации, только в 1929 году, по неполным сведениям, было закрыто не менее 59 синагог на территории СССР [3].

Так, в городе Новосибирске 6 октября в здании бывшей синагоге был открыт клуб.

В городе Киеве 10 апреля была передана под клуб одна из самых больших синагог (бывшая синагога Розенберга).

В городе Сталине (современное название город Донецк – Авт.) 6 октября в здании бывшей синагоги был открыт рабочий клуб.

В Ревеле (Великолуцкого округа), ранее закрытая синагога, была передана райкому КСМ под клуб молодежи.

В городе Чернигове 5 октября был открыт клуб в здании бывшей синагоги.

В Почепе, Клинцовского округа, синагога была также передана под клуб.

В городе Артемовске 25 октября были закрыты сразу две синагоги: одна была передана под школу, другая под дом Союза воинствующих безбожников СССР.

В местечке Смысловичах синагога в конце ноября была передана под дом культуры.

В городе Березовке, Одесского округа, было начато переоборудование здания синагоги под рабочий клуб.

В поселке Богатом, Новосибирского округа, синагога была передана под комсомольский клуб.

Синагога в городе Таганроге была передана под общежитие для учащихся.

Синагога города Томска была переоборудована под кинотеатр.

В городе Сталинграде вторая синагога была передана для учреждений культуры города.

В городе Москва под общежитие для демобилизованных красноармейцев, была передана синагога, расположенная на Трубной улице.

В бывшей синагоге «Паалей-Цадик», в местечке Шумячи была открыта школа.

В городе Минске синагога находившаяся на Ново-Московской улице была закрыта и передана трикотажной артели и т.п. [3]

Советские безбожники, на страницах своей печати, в качестве подтверждения эффективности своей безбожной деятельности и государственной антирелигиозной политики сообщали, что иудейские раввины, также, как и православные священники [1], активно снимают с себя сан и отрекаются от Бога.

Так, сообщалось, что 1 января 1930 г. в городе Черново, Белоруссии от Захавицкого Израиля Хэимовича поступило заявление следующего содержания: «Ставлю в известность горсовет, что состоял духовным раввином в городе Черново 15 лет, за сохранением в настоящее время религиозных обрядностей и в связи с проведением сплошной коллективизации района, я отказываюсь от служения сему культу и звания духовного раввина, о чем мною объявлено уполномоченному местных синагог и еврейскому религиозному населению. Б. раввин И.Х. Зухавицкий» [7].

Духовный раввин Бер Мовшевич Гольдман (местечко Яновичи, Витебского округа, Белоруссия) в своем заявлении писал: «Я занимал раввинский пост 24 года, родился в очень фанатичной семье. Отец мой и братья его являются раввинами еще до сих пор. Октябрьская революция оказала на меня огромное влияние и внесла в моё религиозное мировоззрение большое колебание. Чем больше я знакомился с современной литературой, тем больше я стал открывать глаза и увидел весь обман и мошенничество иудейской религии».

Довожу до всеобщего сведения, что в я дальнейшем отказываюсь служить иудейскому культу и стяживаю с себя всю плесень религии. Приветствую Союз воинствующих безбожников в их борьбе с религией и сам готов принять активное участие в этой борьбе» [7].

Также, отказались от звания резников С. Болотин из местечка Поддобрянка Гомельского округа, Белоруссии, Л. Реавия (Житомир, УССР), С. Кац (Минск, БССР) и многие другие иудейские священнослужители [7].

Помимо этого, советские безбожники приводили многие имена и фамилии иных лиц, непосредственно задействованных в проведении иудейского богослужения, которые добровольно согласились сложить с себя свои обязанности, мотивируя это причинами своего неверия в Бога, возникшего в ходе более близкого знакомства с советским с антирелигиозным социумом и влиянием на них безбожной пропаганды [7].

Отметим, что зачастую причиной вынужденного отречения от своей должности в синагоге и религиозной еврейской общине, являлось преследование подобных элементов активистами и уполномоченными представителями советской власти.

Так, в статье «Изгнать раввинов из коллектива», помещенной в № газеты «Безбожник» с негодованием повествовалось, что в Одесском округе уже несколько лет, существует этническая еврейская колония – колхоз Берданов, в котором, видимо по недосмотру местных безбожников, действовала синагога, наличествовал резник (в обязанности которого входило убийство скота в соответствии с нормами кашрута). Советские безбожники негодовали: «Религиозники окопались в колхозе и препятствуют его расширению (как именно – автором не отмечено – Авт.). Нужно изгнать религиозных вредителей из колхоза [2]

Таким образом, на основании вышеизложенного, следует сделать следующие выводы:

1. Мнение о том, что иудаизм не подвергался гонениям со стороны советских безбожников СССР, в изучаемый нами период времени, является ошибочных.
2. Иудаизм и его активные последователи преследовались также советской властью, как и любые религиозные меньшинства СССР.

3. Формы и методы борьбы советских безбожников с иудаизмом во многом были сходны с антирелигиозными методами, применяемыми в отношении Православной церкви и её последователей.

4. Масштабы проводимых гонений на иудаизм, со стороны советских безбожников, были в значительной мере менее скромными, в отличии от борьбы советских безбожников с Православным христианством, по ряду объективных причин.

Библиографический список

1. Дорош, А. А. Образ православного священнослужителя-ренегата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922-1923 гг / А. А. Дорош // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 3(68). – С. 57-63.
2. Изгнать раввинов из коллектива // Безбожник. 1930. 6 февраля. № 8 (366). – С.2.
3. Ликвидация синагог // Безбожник. 1930. 16 января. № 4 (362). – С. 2.
4. Притон разврата в синагоге // Безбожник. 1930. 11 января. № 3 (361). – С.6.
5. Процесс врачей Иссерсона и Баранова в Петрозаводске // Безбожник. 1930. 26 января. № 6 (364). – С. 8.
6. Раввины агитируют против СССР // Безбожник. 1930. 26 января. №6 (364). – С. 2
7. Раввины снимают сан // Безбожник. 1930. 11 февраля. № 9 (367). – С. 2

Воронежский государственный педагогический университет
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории России
Иконников С.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-908-136-28-16;
e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
D.Phil. in History, Associate Professor, Professor at the Department of Russian History
Ikonnikov S.A.
Russia, Voronezh,
tel. 8-908-136-28-16;
e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

С.А. Иконников

ПРОБЛЕМА СЛУЖЕНИЯ МИРЯН В ЦЕРКВИ И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается церковно-общественная дискуссия второй половины XIX – начала XX века, посвященная проблеме служения мирян в Православной Российской Церкви. Синодальная система управления привела к обмирщению религиозной жизни, превратив священнослужителей в служащих Ведомства православного исповедания. В пореформенный период все чаще стали раздаваться голоса о необходимости реформы сложившейся традиции функционирования приходов. Предполагалось, что привлечение мирян и расширение их полномочий внесет оживление, даст новый импульс развитию религиозности в стране. Между тем высказывались опасения по поводу того, что чрезмерное увлечение либеральными реформами может привести не к оживлению духовной жизни, а к обмирщению Церкви.

Ключевые слова: Православная Российская Церковь, приходское духовенство, церковная реформа, миряне, приход.

S.A. Ikonnikov

THE PROBLEM OF LAYMEN'S SERVICE IN THE CHURCH AND ITS COVERAGE IN SOCIAL DISCUSSION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

This article examines the church and public debate of the second half of the 19th and early 20th centuries, centered on the issue of lay ministry in the Russian Orthodox Church. The Synodal system of governance led to the secularization of religious life, turning clergy into employees of the Department of Orthodox Confession. In the post-reform period, voices increasingly called for reform of the established parish practices. It was hoped that involving laypeople and expanding their powers would revitalize and give new impetus to the development of religiosity in the country. However, concerns were also expressed that excessive enthusiasm for liberal reforms could lead not to a revival of spiritual life, but to the secularization of the Church.

Key words: Russian Orthodox Church, parish clergy, church reform, laity, parish.

Проблема участия мирян в церковной жизни – одна из наиболее сложных и дискуссионных в истории русского православия. Приняв вероучение от греков, наши предки получили уже сформированную структуру административного управления, готовую иерархию, корпус канонического права и богатое святоотеческое наследие. Многие реалии религиозной жизни были восприняты нашими предками как некая незыблемая данность, оспаривать которую никому не следовало. Священнослужители обладали полученными от греков знаниями, совершали таинства и обряды, учили население основам христианского благовестия. Участие мирян в жизни Церкви заключалось в исполнении положенных предписаний, послушании, ревностном участии в богослужении.

Между служителями алтаря и верующими исторически образовалась определенная дистанция, которая со временем все более увеличивалась, став настоящим средостением.

Однако в Древней Церкви, в период формирования христианских институтов, иерархии и традиций, положение мирян, по мнению целого ряда исследователей, являлось более значимым. Верующие являлись активной частью живой общины, занимались проповедью, хозяйственными вопросами и участвовали в богослужении не только как наблюдатели, но и как деятельные помощники священнослужителей. Служение лаиков (от греч. λαϊκός – «из народа»), как, к примеру, показал протопресвитер Николай Афанасьев, простиралось далеко за пределы обыденного представления о мирянах. Им доверялись не только чтение текстов за богослужением, проповедь, но и участие в тайносовершении [1, с. 51]. Однако со временем под влиянием исторических обстоятельств, миряне утратили свои былые функции, превратившись из активных членов Церкви в пассивных наблюдателей. «Это один из парадоксов церковной жизни: те, кто призваны Богом и поставлены в Церкви на царственно–священническое служение, оказались в ней без этого служения», – констатировал протопресвитер Николай Афанасьев.

Во второй половине XIX – начале XX века в России проблема участия мирян в жизни Церкви приобрела новое звучание. В 1860-е гг. в рамках деятельности Присутствия по делам православного духовенства и общей либерализации общественного уклада в империи, вызванной масштабными внутриполитическими преобразованиями правительства Александра II, поднялся вопрос о необходимости оживления церковной жизни в стране. Многим стало ясно, что господствующий уклад церковной жизни приводил к формальному исполнению религиозных предписаний, тогда как для полноценного возрождения духовных традиций требовалось реальное привлечение мирян к участию в делах Церкви. Кризис прихода в России к концу XIX века стал настолько очевидным, что о нем писали как миряне, так и представители белого и черного духовенства. Правящие архиереи били тревогу, понимая, что клирики превратились в земских служащих, потеряв реальное доверие народа.

Выдающийся церковный иерарх епископ Орловский Серафим (Чичагов), обращаясь к духовенству в ходе епархиального собрания 21 февраля 1906 г., отметил: «Вернуть народ русский к великому прошлому – это святая обязанность. Но возрождение возможно только тем же путем, каким совершилось рождение наше. Надо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода. Эта жизнь отличалась большим оживлением, большою силою, любовью, самостоятельностью и сплоченностью или единением» [2, с. 9].

Из-за того, что миряне были исключены из духовной жизни приходов, взаимоотношения между клириками и верующими становились все напряженнее. С этим необходимо было что-то делать. Даже когда ревностные пастыри пытались установить контакт с мирянами, привлечь их к реализации значимых для храма мероприятий, наблюдалась открытая неприязнь. Особенно заметно подобные ситуации проявились в годы первой русской революции, показавшей всю глубину накопившихся противоречий. Епископ Курский Питирим (Окнов) в отчете за 1906 г. так описывал сложившееся положение дел: «То недоверие, с которым весьма часто прихожане негативно относятся к попыткам духовенства сблизиться с пасомыми, та неприязнь, граничащая часто с открытой враждой, какую нередко проявляют прихожане к духовенству, свидетельствует о том, что духовенство начинает утрачивать былую любовь и авторитет среди прихожан, легко поддающихся в то же время влиянию всяких проходимцев, именующих себя «освободителями» [3, л. 24 об.].

Синодальная система управления оказала негативное влияние на состояние религиозной жизни в Российской империи. Церковь стала частью государственного механизма, на нее было возложено выполнение целого ряда общественных задач. Клирики вели регистрацию рождений, браков, организовывали просветительскую работу, создавали народные школы, транслировали официальные нарративы коронной администрации, выполняя роль идеологической опоры монархической власти. Приходская жизнь текла своим чередом, однако духовные лица с течением времени все больше воспринимались не столько

как пастыри, призванные совершать таинства и проповедовать Евангельское Благовествование, сколько как очередные земские служащие, в обязанность которых входили ведение религиозной документации и требоисполнение. Роль служителя алтаря как тайносовершителя, духовного наставника постепенно угасала под тенью возложенных на духовенство мирских обязанностях. Приход перестал быть для мирян средоточием мистической жизни Церкви, превратившись в культурный и образовательный центр. Прихожане не воспринимали себя частью единого организма, нередко, особенно в городах, вообще не знали друг друга. Благочинные жаловались на то, что им с трудом удавалось собрать хотя бы небольшое число верующих для выбора церковного старосты, проверки ежемесячного отчета церковных сумм и по другим значимым для жизни приходов вопросам.

В конце XIX – начале XX все чаще стали раздаваться голоса о необходимости проведения приходской реформы. «В последнее время все более и более выясняются настоятельные нужды и потребности приходской жизни. То, с чем мерилось православное население еще в столь недавнее время, теперь уже признается одним из сильных препятствий к установлению нормального хода и течения церковно-приходской жизни», – писал православный публицист М.А. Куплетский на страницах журнала «Церковные ведомости» за 1899 г. [4, с. 1189]

Как видно из приведенных примеров, в пореформенный период кризис приходской жизни стал ощущаться все более отчетливее. Одну из причин видели в отсутствии конструктивной связи между пастырями и пасомыми и, как следствие, в недостаточной роли мирян в религиозной жизни. Вот почему в церковно-общественной дискуссии в предреволюционное время широко обсуждался вопрос о роли мирян в жизни Церкви. Верующие и духовенство понимали, что сложившийся порядок вещей нужно менять. Однако возникал вопрос, каким образом? Насколько широкими правами и обязанностями следовало наделить мирян в контексте проблемы реформирования приходского строя? Они должны были стать помощниками служителей алтаря или равноправными с ними членами причтов?

С одной стороны, раздавались голоса о необходимости как можно более широкого вовлечения мирян в церковную жизнь. С другой, высказывались опасения в том, что увлечение духом демократизации могло привести к обмирщению Церкви, десакрализации ее функций и еще большему ее превращению в очередной общественный институт.

В ходе собрания московского духовенства, проходившего в рамках подготовки к Предсоборному Совещанию 22 апреля 1905 г., был прочитан доклад о роли мирян в жизни Церкви. В докладе прозвучала следующая мысль: «Живое участие в церковной жизни необходимо для мирян. Оно вытекает из основных начал церковной жизни, раскрытых святым апостолом Павлом. Недостаток забот о благе Церкви со стороны всех ее членов вызывает неправильное течение церковной жизни. Насколько важно теперь деятельное участие мирян в делах Церкви, можно видеть, например, при уяснении современной церковной потребности – содействовать возвращению в церковь многих от нее отпавших и вести борьбу с антихристианским духом века, вооруженною мыслью, стоящею в уровене с современным знанием и культурой. Все это едва ли может быть успешно выполнено одним духовенством» [5, л. 1]. Из приведенного отрывка реферата, прочитанного в ходе общественного обсуждения документов к предстоящему Поместному Собору Православной Российской Церкви, видно, что стремление привлечь мирян к активной приходской жизни аргументировалось древними традициями.

В качестве аргумента в пользу привлечения мирян звучала также необходимость ограничения возможного произвола церковной власти на местах. Ни для кого не было секретом, что некоторые архипастыри, благочинные и настоятели злоупотребляли своим должностным положением. Приходские клирики порой не могли обратиться к священноначалию за разрешением текущих проблем. Фиксировались факты злоупотреблений со стороны чиновников духовных консисторий, в том числе и эпизоды коррупции. Прихожане могли стать своего рода опорой для пастырей, избавить их от чрезмерного надзора вышестоящих инстанций. «Сама идея соборности, которая должна быть

положена в основание всех церковных преобразований, требует участия в них и мирян. Ожидаемые коренные реформы в нашем государственном и общественном строем должны сопровождаться оживлением и церковной жизни. Русская Церковь должна начать жить всей полнотой своей жизни и обязанность мирян – перестать довольствоваться в ней прежней чисто пассивной ролью», – констатировал автор реферата.

Знаменитый философ и публицист Сергей Булгаков выступал с опасениями по поводу того, что предоставление мирянам чрезмерных прав и полномочий может привести к падению духовного авторитета Церкви, ведь состояние мирян в древние времена и в предреволюционной России нельзя было даже пытаться сравнить. «Что такое есть эта демократия, в которой желает во что бы то ни стало приблизиться часть нашего церковного общества? Что представляет собой в религиозном смысле эта «воля народная», на которую теперь ссылаются как на высший и непререкаемый авторитет? Есть ли народ демократии именно тот самый народ, о котором говорит апостол, обращаясь к своей пастве: вы «род Божий, царственное священство, народ святой»?», – задавался вопросом известный общественный деятель [6, с. 10].

Однако, несмотря на опасения, призыв о как можно более активном привлечении мирян к приходской жизни в начале XX века раздавался все громче. Многие архиереи стремились идти по пути демократизации старых порядков. К примеру, епископ Орловский Серафим (Чичагов) в декабре 1907 г. распорядился привлекать в алтарь в качестве прислужников мальчиков. Для усиления торжественности богослужения архиерей благословил разрешать использовать им стихари. Чтобы поощрить старание мальчишек владыка распорядился также поощрять их суммами из церковных доходов [7, с. 284]. Подобное решение правящего архипастыря вызвало отклик на местах. На его имя приходили отзывы от церковных старост, пытавшихся ранее самостоятельно привлекать мирян к богослужению. Однако, ввиду отсутствия поддержки со стороны священноначалия, начинания сталкивались с осуждением со стороны клириков и некоторых прихожан. Так, один из церковных старост Орловской епархии писал епископу Серафиму: «Ранее в престольные праздники я из церковных сумм давал поющим детям каждому по десять-пятнадцать копеек на пряники, и даже за такую ничтожную раздачу от некоторых прихожан слыхал укоры, а ныне я душевно праздную и радуюсь тому, что высшее начальство признает и малое улучшение для торжественности при богослужении полезным и желательным» [там же].

Особенно остро дискуссия о целесообразности расширения прав и полномочий мирян в Церкви разразилась в ходе подготовки к созыву Поместного Собора Православной Российской Церкви. Не секрет, что сама подготовка проходила в условиях либерализации общественно-политической жизни. Проекты делегирования членов и их дифференциация по отделам предполагала широкое привлечение светских лиц, не имевших духовного сана.

Священноначалие инициировало сбор мнений правящих архиереев, чтобы более детально сформировать повестку к предстоящему Собору. Как известно, отзывы правящих архипастырей были опубликованы в виде отдельного издания. Особый интерес представляет мнение преосвященного епископа Архангельского Иоанникия (Казанского). Архипастырь разделял призывы приходского духовенства обновить религиозную жизнь посредством вовлечения мирян в деятельность приходской общины. Архипастырь отмечал, что в российской действительности делами прихода в основном заведовали причт и церковный староста. Если же в некоторых храмах старосте помогали еще один или два прихожанина, то, как правило, их деятельность сводилась лишь ко контролю приходно-расходных сумм, помочи в составлении и ведении отчетной документации и решению хозяйственных вопросов. Основная масса прихожан не участвовала в жизни прихожан, находясь вдали от реальной жизни общины. От этого в итоге страдали и сами члены причта, ведь у пассивно наблюдавших мирян не имелось совершенно никакого интереса к нуждам священно- и церковнослужителей. Поэтому, когда пастыри жаловались на безучастие и равнодушие

прихожан в деле улучшения источников материального обеспечения, неразумно было искать решение проблемы лишь в устоявшихся традициях и закоренелости паства [8, с. 452].

Духовенство Архангельской епархии, как и архиерей, полагало, что именно на мирян следовало возложить весь круг экономических и хозяйственных вопросов в приходах. Клирики, обремененные пастырскими и просветительскими обязанностями, не могли полноценно и, самое главное, эффективно распоряжаться финансами. Отсюда возникали дополнительные трудности. Каждый причт испытывал проблемы с разделением доходов, настоятели стремились взять большую часть братских доходов, тогда как дьяконы и причетники нередко недополучали причитавшиеся им суммы [9, с. 240–245].

Причты, вынужденные зарабатывать требоисполнением, нередко встречали противодействие со стороны крестьян. Последние стремились снизить плату за совершение обрядов и чинопоследований, вступали в споры с духовными лицами. Нередко из-за недопониманий возникали конфликтные ситуации. В отношениях пастырей и пасомых наблюдалось напряжение, которое не позволяло священнослужителям в полной мере исполнять свои духовные обязанности. Вот почему проблема материального обеспечения духовенства сыграла не последнюю роль в выхолащивании религиозной жизни. Архиепископ Воронежский Иосиф (Богословский) в 1863 г. писал в Синод о том, что трудности в финансовом обеспечении духовенства напрямую влияют на положение дел в приходе: «Ибо вопиющая нужда заставляет духовенство брать от прихожан своих за каждую требу вознаграждение и даже иногда, что бывает преимущественно в сельских приходах, хотя с стеснением совести напоминать об оном; в известные же времена года по заведенным обычаям, к обеспечению нужд своих делать сборы разными жизненными припасами, а при таком столкновении нужд духовенства с интересами прихожан, в прихожанах постоянно бывает заметно какое-то затаенное недовольство на нынешние сборы духовенства и вообще на способ добывания им средств к материальному своему обеспечению, и, в следствие сего же, духовенство подвергается разным нареканиям, укорам, и часто несправедливому подозрению прихожан в корыстолюбии и алчности.

Зависимость от прихожан поставляет духовенство в тягостную зависимость от прихожан, нередко подчиняет его частому их произволу, капризам и незаконным требованиями, и что хуже всего, стесняет иногда пастырскую обязанность исправлять нравственные недостатки прихожан, от которых зависит материальное обеспечение православного духовенства» [10, л. 5 об.–6].

Если бы мирянам полностью передали контроль над финансовой частью функционирования прихода, то тогда подобных конфликтных ситуаций удалось бы вовсе избежать. Пастырям следовало дать возможность сосредоточиться на выполнении богослужебных и социально-просветительских задач.

Как известно, одной из наиболее дискуссионных тем в церковной жизни дореволюционной России являлась выборность духовенства. В контексте обсуждения роли мирян в Церкви данная проблематика привлекла дополнительное внимание. Приходские клирики и даже сами правящие архиереи все больше склонялись к необходимости избрания клириков мирянами.

К примеру, епископ Таврический Алексий (Молчанов) полагал, что прихожане со своими священнослужителями должны находиться в самой тесной связи посредством выборного начала. Если приходского пастыря избрали сами прихожане, то впоследствии, при возникновении конфликтных ситуаций, просить священническое убрать такого клирика будет просто безосновательно, ведь они сами его избрали. Выборность позволила бы активизировать мирян, придала бы им дополнительную ответственность за свои действия [11, с. 216–217].

О том, что вопрос о степени участия мирян в приходской жизни привлекал большой интерес в начале XX века, свидетельствуют дневники митрополита Североамериканского Леонтия (Туркевича). Последний, будучи протоиереем американской духовной миссии, посетил Россию в 1917 г. [12, с. 75–76]. В дневниках он описал свой путь в Москву на

заседания Поместного Собора. Остановившись на несколько дней в Ельце Орловской губернии, он выступил перед горожанами с лекцией о состоянии православия в США. После лекции жители задали ему следующие вопросы: «Только ли участие прихожан в устроении приходской жизни ограничивается их ежегодными взносами на содержание храма, школы и причта, или, быть может, они участвуют и в других отраслях жизни прихода? Как устроена система платы за требы священнику? Существует ли на практике визитация пастырем домов прихожан? Насколько сильную роль в жизни прихода принимает интеллигенция, если только таковая в приходах Америки есть? Насколько почитают священника прихожане? Не является ли чем-либо соблазнительным для мирян хождение священника в светской костюме, и, наоборот, удобно ли ему ходить среди американцев в принятой у нас, русских, священнических одеждах?» [13, с. 47].

Из приведенного перечня вопросов видно, что жителей Ельца интересовали проблемы организации приходской жизни заграницей, а именно степень вовлеченности прихожан в деятельность религиозных общин.

Таким образом, дискуссия о роли мирян в жизни Церкви беспокоила широкие слои общества, получив обострение в контексте обсуждения предстоящих реформ религиозной жизни в России. Подавляющее большинство изданий, церковных авторов, общественных и политических деятелей говорили о необходимости расширения полномочий мирян. Причиной упадка приходов во второй половине XIX – начале XX века многим казался разрыв между пастырями и пасомыми. Клириков воспринимали как представителей коронной администрации, мелких земских служащих, доводивших официальные новости до прихожан посредством церковной кафедры, а также выполнявших ряд богослужебных функций. Преодолеть сложившийся порядок вещей могло расширение прав прихожан, вовлечение их в подлинную церковную жизнь. Миряне могли избавить духовных лиц от совершенно ненужных им обязанностей по ведению хозяйства, организации финансовой деятельности приходов. Однако у звучавших предложений была и обратная сторона. Серьезные опасения вызывала чрезмерная демократизация религиозной жизни, которая могла привлечь в Церковь людей, совершенно далеких от христианского вероучения. Зараженные духом секуляризма (не следует забывать о предреволюционном времени и общем протестном настроении масс) миряне могли дестабилизировать обстановку в Церкви, внести в нее совершенно чуждые традиционному православному укладу настроения. Сторонники данной точки зрения полагали, что привлечение мирян в приходскую жизнь должно было быть постепенным. В любом случае, разразившая в конце XIX – начале XX века дискуссия сформировала определенный контекст, в котором отцы Поместного Собора Православной Российской Церкви принимали свои решения. Как известно, в определениях Собора удалось зафиксировать значительные права и обязанности мирян в приходской жизни, что дало возможность в последующем активно привлекать их не только к хозяйственной, но и общественно-просветительской деятельности.

Библиографический список

1. Афанасьев Н.Н., протопресвитер. Церковь духа святого / прот. Николай Афанасьев. – Париж: YMCA-press, 1971. – [3], IX, 332 с.
2. Что сделано в Орловской епархии для осуществления мысли об устроении и возрождении приходской жизни. Орел: типография губернского правления, 1906. – 249 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2153.
4. Куплетский, М. А. Нужды церковно-приходской жизни православной России / М.А. Куплетский // Церковные ведомости. – 1899. – № 30. – С. 1189–1195.

5. О необходимости участия мирян в делах церкви, вызываемого современными потребностями жизни [Рукопись] : доклад к 22 апреля 1905 г., связанный с предсоборным совещанием // ОР РГБ. – Ф.265 к.125. – ед. 9.
6. Булгаков С.Н. Церковь и демократия: Речь, произнес. на первом Всерос. съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 г. в Москве / Сергей Булгаков. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. – 15 с.
7. Из письма церковного старосты к преосвященнейшему Серафиму // Орловские епархиальные ведомости. – 1908. – № 11. – С. 284–289.
8. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе / [Редкол.: к.иск., доц., протоиер. Валентин Чаплин и др.]. Ч. 1. – М.: Изд-во Крутиц. подворья, 2004. – 1031 с.
9. Иконников С.А. Приходское духовенство центрально-черноземных губерний России второй половины XIX - начала XX веков: оценка уровня жизни / С.А. Иконников // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 240–257.
10. РГИА. – Ф. 804. – Оп. 1. – Разд. I. – Д. 58.
11. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе / [Редкол.: к.иск., доц., протоиер. Валентин Чаплин и др.]. Ч. 2. – М.: Изд-во Крутиц. подворья, 2004. – 1055 с.
12. Иконников С.А. «Лучшего вида даже и трудно подыскать»: описание города Ельца в путевых дневниках митрополита Североамериканского Леонтия (Туркевича) / С.А. Иконников // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2024. – № 4 (105). – С. 75–79.
13. Туркевич Леонид, протоиерей (митрополит Леонтий). Дневники и записные книжки периода Поместного Собора 1917–1918 гг. / Под. Ред. А.И. Мраморнова. – М.; Старая Потловка Пенз. обл.: Спасское дело, 2024. – 588 с.

УДК 94:323.14

Воронежский государственный университет
доктор исторических наук, доцент, кафедра
регионароведения и экономики зарубежных стран,
кафедра истории зарубежных стран и
востоковедения
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
тел. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Voronezh State University
DrSci in History, Associate Professor, Chair of Regional
Studies and Foreign Countries Economies, Chair of
Foreign History and Oriental
Studies
M.V. Kyrchanoff
Russia, Voronezh,
tel. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

М.В. Кирчанов

ГИМНЫ РЕСПУБЛИК СОЮЗА ССР: ИЗОБРЕТЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ

Автор в представленной статье анализирует особенности и направления развития гимнов союзных республик Советского Союза как изобретенных традиций, которые актуализировали как особенности республик, так и апеллировали к чувствам национализма. Целью является анализ гимнов как изобретенных традиций. Автор анализирует роль и место гимнов как изобретенных политических и гражданских традициях как факторов развития национализма, так и сохранения идентичностей. Новизна исследования состоит в изучении гимнов как формы националистического воображения. Показано, что 1) культура написания и исполнения гимнов была связана с политическими традициями национализма в союзных республиках Советского Союза, 2) гимны могли апеллировать как ценностям и идеологическим принципам советской доктрины, так и к националистическим мифам той или иной республики, 3) гимны культтивировали чувства политической и идеологической солидарности, причастности как к советской модели, так и проектам отдельных этнических наций. Автор полагает, что в контекстах развития советской политической культуры гимны союзных республик 1) были интегрированы в структуры советского политического и идеологического мифа, 2) стали важной изобретенной традиции советской гимнографии, 3) воспроизводили образы партии и коммунизма как один из центральных в нарративной структуре текстов гимнов, 4) активно использовались для формирования и воспроизведения в советской политической идентичности образов В. Ленина и И. Сталина. В статье показано, что гимны республик в контекстах развития национализмов и идентичностей 1) стали формой актуализации лояльности и коллективной советской идентичности, 2) конструировали образы этнических отечеств, 3) этнические нарративы в текстах гимнов коррелировались с потребностями идеологии. Национализм в культуре советских гимнов имел вторичный характер, а этнические национализмы проявлялись в гимнах республик различно, но их присутствие было менее заметным в отличии от коммунистических идеологических нарративов. Гимны одновременно апеллировали к общесоветскому патриотизму и чувству формирующейся советской нации как новой исторической общности, так и этническим идентичностям, которые исторически предшествовали советской модели государственности. В целом, автор воспринимает гимны республик как изобретенные традиции, где этническая компонента была подчинена ценностям и принципам класса, так завесила от идеологической конъюнктуры.

Ключевые слова: Советский Союз, гимны, национализм, изобретенные традиции, идеология, политическое воображение

М.В. Kyrchanoff

ANTHEMS OF THE REPUBLICS OF THE USSR: INVENTED TRADITIONS OF IDENTITY BETWEEN NATIONALISM AND IDEOLOGICAL LOYALTY

The author analyses developments' features and directions of the anthems as invented traditions in the Union republics of the Soviet Union that actualised the features of the republics and appealed to the feelings of nationalisms. The purpose is the analysis of anthems as invented traditions. The author analyses the role and place of anthems as invented political and civil traditions as factors in the development of nationalisms and the preservation of identities. The novelty of the article lies in the study of anthems as a form of nationalist imagination. It is shown that 1) the culture anthems was associated with the political traditions of nationalism in the Union republics of the Soviet Union, 2) anthems could appeal to the values and ideological principles of the Soviet doctrine and the nationalist myths of republics, 3) anthems cultivated feelings of political and ideological solidarity, involvement in the Soviet model and the projects of ethnic nations. The author believes that anthems of the union republics 1) were integrated into the structures of the Soviet political and ideological myths, 2) became an important invented tradition of Soviet hymnography, 3) reproduced the images of the party and communism as the central elements in the narrative structure of the anthem texts, 4) were actively used to form and reproduce the images of Vladimir Lenin and Iosif Stalin of the Soviet political identity in the contexts of the development of Soviet political culture. The article shows that the anthems of the republics in the contexts of the development of nationalisms and identities 1) actualised loyalty and collective Soviet identity, 2) constructed images of ethnic fatherlands, 3) proposed ethnic narratives in anthems and correlated them with ideological needs. In the culture of Soviet anthems nationalism was secondary, and ethnic nationalisms expressed themselves in the anthems of the republics in different ways, but their presence was less noticeable in contrast to communist ideological narratives. The anthems appealed to all-Soviet patriotism and the feeling of the emerging Soviet nation as a new historical community simultaneously, as well as to the ethnicities and identities that historically preceded models of statehood. In general, the author perceives the anthems of the republics as invented traditions, where the ethnic component was subordinated to the values and principles of the class, and depended on the ideological conjuncture.

Key words: Soviet Union, anthems, nationalism, invented traditions, ideology, political imagination

Введение. На протяжении XX века в истории европейских и неевропейских стран национализм являлся одной из наиболее влиятельных идеологий. В историографии утвердилось конструктивистское или модернистское прочтение национализма, в рамках которого националистическая идеология воспринимается как фактор, который содействовал институционализации и появлению современных политических и гражданских наций. Анализируя эти нации, западные и российские историки указывают на то, что любая национальная идентичность, связанная с той или иной нацией, нуждается в легитимации.

Подобная легитимация может носить одновременно реальный и символический политический характер. Современная политическая теория связывает развитие подобных настроений с появлением так называемых изобретенных традиций. Термин «изобретенные традиции» был введен в научный оборот в первой половине в 1980-х гг. британскими историками Эриком Хобсбаумом и Теренсом Рэйнджером, предложившими в своей книге «Изобретение традиций» [1] интерпретационную модель, согласно которой любой национализм нуждается не только в политической и идеологической легитимации, но и в ежедневном регулярном воспроизведстве, что достигается путем повторения изобретенных традиций, связанных, например, с исполнением государственного гимна, с подъемом флага и соблюдением и совершением других гражданских и политических ритуалов.

Концепция изобретения традиций стала одной из универсальных моделей в интерпретации развития национализма в XX веке. Одна из важнейших изобретенных традиций – это государственные гимны. В СССР сложились своя уникальная структура исполнение государственного гимна как изобретенной традиции, связанной с воспроизведством советской идеологической модели.

В центре авторского внимания в представленной статье будут государственные гимны союзных республик Советского Союза как изобретенная традиция соответствующих гражданских и этнических национализмов. Целью является анализ гимнов как изобретенных традиций. В число задач входит 1) выявление тематических особенностей текстов гимнов союзных республик, 2) изучение связи между гимнами и региональными этническими и национализмами, 3) анализ роли гимнов как изобретенных традиций в поддержке развития и сохранения этнических идентичностей в союзных республиках Советского Союза.

Методология и историография. Методологическая статья основана на достижениях междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении национализма [2] через призму его отношений с музыкальной культурой [3]. Гимны республик воспринимаются в качестве изобретенных политических традиций. Предполагается, что за появлением гимнов стояли интеллектуалы, которые ставили перед собой цели укрепления этнических идентичностей. Изобретенные традиции, представленные гимнами, содействовали консолидации воображаемых сообществ [4]. Под последними понимаются как отдельные союзные республики, так и те нации, которые составляли основу населения этих субъектов советской модели федерализма.

В историографии сложилась уникальная традиция, в рамках которой канализуется роль и место музыкальной культуры [5], в целом, и гимнов [6], в частности, в развитии национализма [7]. На необходимость изучения музыкальной компоненты в истории национализма исследователи начали указывать в 1990-е гг. [8], когда гимны были переосмыслены как формы развития националистической идеологии [9]. В историографии показано, что гимны могут апеллировать к различным идеологиям [10], но националистическая риторика в их текстах нередко доминирует.

Музыкальная культура гимнов играет одну из ведущих ролей в развитии национализма [11], будучи формой как воображения сообществ [12], так и изобретения традиций, связанных с воспроизведством политических и национальных идентичностей [13], что ведет к консолидации наций как воображаемых политических и этнических сообществ [14]. Тексты гимнов воспринимаются через призму количественного анализа [15], но и в рамках такого видения они воспринимаются как проявления национализма [16].

Гимны стали соотноситься с процессами националистического воображения, а сама воспринималась как фактор развития национализма [17]. В историографии национализма утвердилось понимание гимнов как изобретенных традиций, сопоставимых с гербами и флагами [18]. Изучение истории гимнов республик [19], всходивших в состав СССР, в историографии испытывало влияние всех этих подходов [20]. Гимны могли интерпретироваться в контекстах воображения сообществ [21] или изобретения традиций [22], изучаясь через призму интеллектуальной истории [23].

Изобретение Родины. Проявления национализма в музыкальной культуре разнообразны [24]. В авторитарных обществах, к числу которых относился и Советский Союз, национализм в музыке сочетался с задачами идеологизации и поэтому гимны стали одним из пространств его проявления. Гимны республик конструировали образ воображаемой родины как идеального отечества. Например, в гимне Азербайджанской ССР 1944 – 1978 гг. Азербайджан позиционировался как «шанлы дијар», то есть «славная земля», основанная на политической преемственности, которая проявлялась в том, что «Слава нашей страны передается из поколения в поколение». Гимн Армянской ССР конструировал аналогичный образ Армении как «свободной советской страны», «Родины-Матери», «героической Армении» и «возрожденной Армении».

Сходная политическая поэтика доминировала и в гимне Туркменской ССР, который позиционировал Туркмению как «прекрасное Отечество». Гимн Эстонской ССР воспроизводил образ советской Эстонии как «процветающей социалистической страны». К идеализированным образам Родины как «Грузинского края» обращался и гимн Грузинской ССР. Гимн Азербайджанской ССР 1978 – 1991 гг. апеллировал к образам Родины как «цветущей республики и славной страны». Подобные образы в текстах гимнов союзных республик формировали положительный образ СССР: «Стали мы мощным государством, свободной страной // И родная земля расцветает дружбой и единством // Приведшую нас к победам в труде и на брани // Мудрую Партию – искренне любим». В качестве центральных атрибутов и характеристик такого общества позиционировались сила, свобода, единение.

Гимн Украинской ССР содержал сходные нарративные конструкции, которые подчеркивали, что Украина «прекрасна і сильна» реализует свой политический проект в

рамках советской модели: «В Советском Союзе ты счастье нашла // Меж равными равная, средь свободных свободная // Под солнцем свободы, как цвет, расцвела». Аналогичные мотивы доминировали и в гимне Карело-Финской ССР, в рамках которой конструировался идеальный образ республики и ее политической нации: «Родная страна нашего Карело-Финского народа // Свободная Северная Советская республика // Наших родных лесов красота ночами отражается // На нашем Северном сиянии, пылающем на небе».

Подобная стилистика была характерна и для гимна Молдавской ССР, который в одинаковой степени апеллировал как в древней истории, так и образам этничности: «Молдова с древними дойнами на своих землях // С виноградом и хлебом на холмах и долинах». Образ дойн, народных песен, актуализирован и в постсталинской версии гимна Молдавской ССР, но в нем этничность утрачивает самостоятельность, став формой легитимации советского проекта: «Дойна единенья славит нашу Отчизну // Ведомую мудро Партией могучей // Дело Ленина, великое дело // В жизнь воплощает сплоченный народ».

Идентичность, которая конструировалась в тексте гимна, имела не только этнический, но и идеологический характер, так как подчеркивалось, что «Наш флаг – мир социалистических стран», а гимн Белорусской ССР и вовсе констатировал, что «флаг коммунизма – радости флаг». В аналогичной системе идеологических координат был построен и постсталинский гимн Киргизской ССР, в которой декларировалось, что «навсегда построим мы коммунизм». В свою очередь гимн Киргизской ССР связывал успехи республики исключительно с советским проектом, так как подчеркивал, что «Флаг свободного Советского Союза // Ведет нас к победе // Поднимите флаг свободы // Слава Кыргызстану!». Гимн Латвийской ССР связывал образы флага и коммунистического будущего, декларируя, что «По ленинскому пути к счастью и славе // будем всегда идти под знаменем Октября». Гимн Эстонской ССР также воспроизводил образ флага, соотнося последний с партией: «Вы несете высоко ленинский флаг // и смело идете по пути к коммунизму // Партия направляет наши шаги // и от победы она ведет нас».

Тексты гимнов советских союзных республик воспроизводили и конструировали образы соответствующих этнических родин и отечеств, но подобная риторика носила второстепенный характер, так как формально этнические нарративы родины и отечества были фактически подчинены общей политической и идеологической логики развития советской гимнографии, центральным элементом в которой была именно коммунистическая идеология и лояльность партии. В этой ситуации этническая компонента, ограниченная конструированием образов Родины, была явно второстепенный и подчиненной претендовавшим на универсальность идеологическим мотивам. Тем не менее, образы родины стали важной изобретенной традиции советской гимнографии, определяя траектории развития советского политического проекта, отраженного в текстах гимнов республик.

Образы партии и строительства коммунизма. Проявления национализма в развитии музыкальной культуры XX века отличались значительным разнообразием, формируя различные формы идентичностей [25]. Принимая во внимание универсальность националистической идеологии, риторика национализма в авторитарных режимах могла пересекаться и пересекалась с левыми политическими проектами. Особое место в проявлениях националистического дискурса в музыкальной культуре, например, гимнов республик СССР, могли занимать фактически идеологические нарративы, связанные с коммунистическими образами. Коммунизм в гимне Литовской ССР, в котором декларировалось, что «Трудом мы создадим славное будущее // И заря коммунизма осветит мир», позиционировался как будущее человечества. Аналогичная политическая поэтика доминировала и в постсталинском гимне Таджикской ССР, который декларировал, что «мы будем строить и строить коммунизм» ради того, чтобы «Век жил, милый край, век жил, наш Союз родной!».

В гимне Узбекской ССР коммунизм позиционировался как «весенний рассвет земли». Поэтому подчеркивалось, что «Под знаменем советским мы сильными стали // И в мир коммунизма величественно идём!». В несколько измененной и модифицированной форме

эти нарративы были представлены и в гимне Украинской ССР 1978 г., где подчеркивалось, что «В мир коммунизма – величественное будущее // Нас Ленинская партия мудро ведёт».

Схожая политическая поэтика доминировала и в постсталинском гимне Узбекской ССР, в котором подчеркивалось, что именно Коммунистическая Партия ведет республику («Партия, ты ведёшь наш Узбекистан»). После смерти И. Сталина текст гимна Армянской ССР претерпел модификации, что привело к исчезновению сталинских образов, на смену которым пришли не менее идеологически мотивированные нарративы, основанные на апелляции к образу партии и наследию революции: «Бессмертный Ленин дал нам огонь // Перед нами открылась дорога к счастью // Октябрь спас нас от гибели // дал нам новую, яркую и славную жизнь». В целом, для гимнов в актуализации подобных образов был характерен уникальный символизм [26], связанный в большей степени не с национализмом, но с идеологией, символом которой становилась партия и соотносящиеся с ней образы.

Аналогичные тенденции были характерны и для развития гимна Украинской ССР, в рамках которого сталинские нарративы были заменены октябрьскими и партийными образами, так как гимн 1978 г. декларировал, что «Нас Ленин повёл победным походом // Под флагом Октября к светлым высотам». Постсталинский гимн Белорусской ССР пережил аналогичные трансформации, так как образ И. Сталина был вытеснен образами партии: «Нас объединило Ленина имя // Партия к счастью ведёт нас в поход // Партии слава! Слава Родине! // Слава тебе, белорусский народ!». Гимн Киргизской ССР постсталинского периода подчеркивал особую роль «ленинской партии», соотнося ее с «властью народа». Аналогичная стилистика соотношения образов Ленина и партии была заметна и в гимне Литовской ССР, где декларировалось, что, с одной стороны, «Ленин озарил нам путь к свободе», а, с другой, «Партия ведёт нас к счастью и могуществу».

В силу того, что Советский Союз был идеологическим государством, а в отдельных союзных республиках существовали и действовали собственные коммунистические партии, образы партии и, как следствие, строительства коммунистического общества принадлежали к числу центральных тем в советской политической гимнографии. Образы партии и коммунизма стали изобретенным традициями, которые присутствовали практически во всех гимнах союзных республик. В такой ситуации именно образы партии были призваны актуализировать лояльность к советскому политическому проекту, показав роль и место строительства коммунизма в политическом воображении. В этом контексте особое внимание в текстах гимнов республик уделялось неизбежности коммунистического проекта, его исключительной правильности, что было призвано маргинализировать любые иные формы, политические идеологии.

Образы Ленина – Сталина. Национализм как политическая идеология является формой социального и политического конструктивизма. Поэтому в рамках развития национализма складываются и формируются изобретенные традиции [26], которые могут быть не только националистическими, но и идеологически и политически мотивированными. Среди таких традиций были образы В. Ленина и И. Сталина как создателей советской государственности. Идеологически мотивированные нарративы, формирующие ленинско-сталинские образы, присутствовали и в гимне Азербайджанской ССР 1978 – 1991 г., так как в тексте упоминался «путь Ленина» и декларировалось, что «наш вождь – партия». Аналогичными мотивами был наполнен и гимн Киргизской ССР, в котором утверждалось, что именно «Ленин открыл нам путь к свободе».

Образы партии и В. Ленина в такой ситуации оказывались политическими и идеологическими ориентирами в направлении к коммунизму как официально декларируемой цели советского проекта. Аналогичные нарративы присутствовали и в других гимнах, в которых образы В. Ленина и И. Сталина были обязательными элементами. Гимн Грузинской ССР, с одной стороны, подчеркивал роль В. Ленина как основателя советского государства: «Сиянием Великого Октября Ленин // Тебе осветил седые горы». С другой, в гимне

декларировалось, что «Мудрость Сталина привела тебя к победам // И превратила в солнечный сад».

Аналогичные политические добродетели В.И. Ленина актуализировал и гимн Узбекской ССР, где подчеркивалось, что «Ленин – солнце земли, людям принес свет». В гимне Киргизской ССР, в котором констатировалось, что ««мудр отец Сталин», фактически также подчеркивалась исключительная мудрость И. Сталина. Гимн Туркменской ССР воспроизводил традиционную ленинско-сталинскую дихотомию, в рамках которой «Наша солнечная родина Туркменистан» пошла по пути свободы, проложенным Лениным: «Ленин открыл путь к свободе // Он привел нас к счастливой, счастливой жизни».

В системе идеологических координат И. Сталин, в свою очередь, позиционировался как «сын народа, вождь народа». Гимн Эстонской ССР воспроизводил ленинско-сталинскую дихотомию как политическую и идеологическую универсалию. Гимн 1945 – 1956 гг. воспроизводил советское идеологическое клише «Вы высоко несете флаг Ленина // Великий Сталин направляет нас». Аналогичная дихотомия присутствовала и в гимне Молдавской ССР, в котором освобождение молдован в одинаковой степени воспринималась как заслуга В. Ленина, И. Сталина и коммунистической партии: «Идя по светлому пути с Лениным и Сталиным // Мы победили рабство жестоких дворян // От победы к победе // Нас ведёт славная Коммунистическая партия».

В гимне Армянской ССР именно они воспринимались как центральные фигуры исторического прошлого. Что касается В. Ленина, то ему приписывалось, что «Ленин непременно дал нам свой бессмертный дар // Перед нами засиял счастливый рассвет». Относительно И. Сталина подчеркивалось, что «Сталин спас нас от уничтожения // И подарил нам новую, свободную и славную жизнь». Принимая во внимание, что именно такие нарративы стали в гимнах общим местом, вероятно, неправ российский историк Ф. Софронов, который полагает, что «символическое значение гимна гораздо важнее его содержания» [27]. Опыт политического применения гимнов республик в СССР свидетельствует о том, что тексты гимнов республик выполняли идеологические функции преимущественно не средствами музыки, но нарративно.

В гимне Украинской ССР также постулировалась центральная роль Ленина – Сталина в развитии советской государственности, так как «Ленин озарил нам путь к свободе // Сталин ведёт нас к светлым высотам». Гимн Белорусской ССР легитимировал и глорифицировал советский проект, артикулируя образы как В. Ленина, так и И. Сталина: «Нас объединило Ленина имя // Сталин повел нас к счастью в поход // Слава советам! Слава Родине! // Слава тебе, белорусский народ!». В качестве отцов-основателей новой советской идентичности в тексте гимна Азербайджанской ССР позиционировались «великий Ленин» и И. Сталин, воображаемый как «Наш вождь – Сталин – продолжатель нашей жизни!». Эти две фигуры фактически легитимировали в тексте гимна существование Азербайджанской ССР, воспринимаемой как «Свободная страна, свободная страна – наша родная Советская земля!».

Советский Союз, как любой политический проект, нуждался в легитимации, которая могла достигаться путем обращения к исторической мифологии. Центральными фигурами последней в советской модели воображения стали В. Ленин и И. Сталин, которые фактически превратились в персонифицированные изобретенные традиции. Изобретение, воображение и конструирование образов Ленина и Сталина стало одним из центральных элементов советской культуры гимнографии. Образы этих политических деятелей присутствовали практически в национальном гимне каждой союзной республики. И В. Ленин и И. Сталин в советском политическом воображении союзных республик фактически трансформировались в коллективные места памяти и изобретённые традиции, постоянное воспроизведение образов которых было призвано не только стимулировать лояльность граждан в отношении советского проекта, так и указывать на исключительную правильность практикуемой в СССР модели политического развития, которая легитимировалась уже самим обращением к их образам и актуализации их наследия в гимнах.

Образы истории и прошлого. Анализируя роль и место национализма в музыке, по мнению российского историка К.С. Шарова, во внимание следует принимать, что национализм в музыке может быть сведен до исключительно «националистической интерпретации музыкальных произведений» [28], что представляется не совсем оправданным, так как тексты и нарративы, связанные с музыкой, могут быть пространством актуализации националистической риторики. Гимн Армянской ССР актуализировал политически и идеологически мотивированные образы, подчеркивая их исторические основания, так как советский проект органически был продолжением предшествующей истории: «мы прошли жестокий путь на протяжении многих столетий // наши храбрые предки сражались за нас». К истории апеллировал и гимн Грузинской ССР, но для него было, с одной стороны, характерно персонифицированное восприятие истории и прошлого, центральными элементами которых стал образ И. Сталина: «Славься в веках, наша Родина // Неугасимый очаг героев // Ты дала миру великого Сталина // Разрушителя рабства народов». С другой, гимн Грузинской ССР апеллировал к древней истории страны, подчёркивая историческую преемственность и связь между Грузией прошлого («С незапамятных времён блистали // Твой разум, твой меч и твоя отвага») и сталинской республикой («Сегодня твою славу, светлое будущее // Куёт поколение сталинской закалки»).

Гимн Литовской ССР открывался утверждением о многовековой борьбе литовцев за свободу: «Советская Литва создана народом // Долго сражавшимся за волю и правду». Гимн Эстонской ССР актуализировал образы этничности, апеллируя как к финно-угорским мифическим образам, так и историческим страданиям раннее угнетаемых эстонцев: «Держитесь, сильные люди Калева // и стой, как скала, наша Родина! // Твоя сила не угасла в страданиях // ты прошла сквозь века». Анализируемые образы стали фактически универсалией в нарративной структуре гимнов советских республик. Например, в гимне Украинской ССР Украина позиционировалась как «радянська держава». Гимн Карело-Финской ССР актуализировал в значительной степени сходные нарративы, подчёркивая дилемму, в основе которой лежали, с одной стороны, этнические и исторические («Отечество Калева, родина рун // Которую Ленина-Сталина знамя ведёт // Над нашим народом трудолюбивым счастливым // свет народов братства звезды сияет»), а, с другой, советские идеологические («Советский Союз непобедим // Это великого предка нашего народа земля вечная // Путь его – путь чести народов // Он и народ Карелии приведёт к победам») образы.

Аналогичные мотивы были характерны и для текста гимна Казахской ССР с той только разницей, что центральной фигурой в континуитете был не И. Сталин, а В. Ленин: «Мы, казахи, издревле стремились к свободе // Жертвуя жизнью ради воли и чести // И искали пути среди темного тумана... // Но взошел Ленин, как заря, и настало утро!». Образы истории также были актуализированы в аналогичной политической и идеологической стилистике в гимне Таджикской ССР, в которой «Наше гордое прошлое» соотносилось с тем, что «Независимое Таджикское государство было восстановлено».

Несмотря на то, что в жизни Советского Союза, в целом, и отдельных союзных республик, в частности, значительную роль играла политическая идеология, тем не менее, национализм, который проявлялся в обращении к образам древней истории и попытках национализации прошлого продолжал играть определенную роль в функционировании идентичностей советизированных наций в отдельных республиках. В гимнах республик периодически актуализировать образы прошлого и истории. Подобная актуализация носила в значительной степени компенсаторный и умеренный характер, но националистические образы не могли успешно и эффективно конкурировать с доминирующими партийными и идеологическими мотивами. В целом национальная компонента в советской гимнографии была подчинена идеологической и носила второстепенный характер, обслуживая потребности коммунистического политического дискурса, который определял основные векторы и траектории развития текстов советских гимнах на республиканском уровне. Тем не

менее, национализм, пусть и подчиненный идеологическим запросам партии и в значительной степени ослабленный советизацией, продолжал оставаться важным фактором, который периодически проявлялся в текстах гимнов республик ССР.

Выводы. Гимны могли актуализировать как общесоюзные, так региональные особенности, генетически восходящие к предшествующей традиции национализма, которая могла интегрироваться в советские каноны политического воображения и конструирования наций. Гимны как изобретенные традиции актуализировали и визуализировали одновременно различные формы идентичностей. С одной стороны, гимны апеллировали к общесоветскому патриотизму и чувству формирующейся советской нации как новой исторической общности. С другой, такие гимны могли обращаться к досоветскому наследию, апеллируя к политическим традициям более раннего национализма.

Несмотря на критику буржуазного национализма в официальный советской историографии, мы можем констатировать определенную преемственность между фактически буржуазными националистическими политическими идеологиями и теми трансформациями национализма, которые он пережил в рамках советской модели развития государственности, предусматривавшей одновременное сочетание различных этнических идентичностей и их ограниченное политическое воплощение. Гимны культивировали чувства политической и идеологической солидарности жителей той или иной советской республики. Анализируя подобные гимны, во внимание следует принимать и ограниченный характер этнического национализма, так как в Советском Союзе этнический национализм приравнивался к буржуазному национализму, воспринимаясь в качестве системной угрозы существующей политической системе.

В тексте гимнов большинства советских республик национальная этническая компонента носила в значительной степени второстепенный характер, будучи подчиненной и зависимой от идеологической конъюнктуры. Советская музыкальная культура гимнов как изобретенных традиций, их текстов, их публичного исполнения нуждается в дальнейшем изучении, так как современный национализм в значительной степени имеет советские истоки, что указывает на важность и необходимость изучения изобретенных традиций региональных национализмов, представленными гимнами, которые существовали и функционировали в союзных республиках Советского Союза.

Библиографический список

1. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
2. Grimley D. Grieg: Music, Landscape and Norwegian Identity. Woodbridge – Rochester, NY: Boydell Press, 2006. 246 p.
3. Crawford R.A. Edward MacDowell: Musical Nationalism and an American Tone Poet // Journal of the American Musicological Society. 1996. Vol. 49. No 3. P. 528 – 560.
4. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L.: Verso, 1983. 224 p.
5. Людкевич С. Націоналізм у музиці // Людкевич С. Дослідження, статті, рецензії, виступи/ упоряд., ред., вступ. ст., пер. і прим. З. Штундер. Львів: Дівосвіт, 2005. Т. 1. С. 35–52.
6. Cerulo K.A. Sociopolitical Control and the Structure of National Symbols: An Empirical Analysis of National Anthems // Social Forces. 1989. Vol. 68. No 1. P. 76 – 79.
7. Folkestad G. National identity and music // Musical identities / eds. R.A.R. MacDonald, D. J. Hargreaves, D. Miell. – Oxford – NY: Oxford University Press, 2002. P. 151 – 162.
8. Eyck F.G. The voice of nations: European national anthems and their authors. Westport: Greenwood Press, 1995.
9. Csepeli G., Örkény A. The imagery of national anthems in Europe // Canadian Review of Studies in Nationalism. 1997. Vol. XXIV. No 1–2. P. 33 – 41.

10. Ferreira de Castro P. Patriotic, Nationalist, or Republican? The Portuguese National Anthem // Music and the Making of Portugal and Spain: Nationalism and Identity Politics in the Iberian Peninsula / eds. M. Machin-Autenrieth, S.el-S. Castelo-Branco, S. Llano. Champaign, Il.: University of Illinois Press, 2023. P. 29 – 45.
11. Pavković A., Kelen Ch. Anthems and the making of nation states: identity and nationalism in the Balkans. L.: I. B. Tauris, 2016. 254 p.
12. Грабовський В. Станіслав Людкевич і націоналізм у музиці // Музикознавчі студії. 2009. № 3. С. 37–45.
13. Waterman S. National Anthems and National Symbolism: Singing the Nation // Handbook of the Changing World Language Map / eds. S. Brunn, R. Kehrein. – L. – NY.: Springer, 2019. P. 1 – 16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-73400-2_102-1
14. Erden Y. National Anthems as Unifying Tools: A Comparative Analysis of Selected Western National Anthems // Eurasian Journal of English Language and Literature. 2019. Vol. 1. No 2. P. 44 – 50.
15. Silaghi-Dumitrescu R. Trends in the texts of national anthems: A comparative study // Heliyon. 2023. Vol. 9. August. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e19105>
16. Hummel D. Banal Nationalism, National Anthems, and Peace // Peace Review. 2017. Vol. 92. No 2. P. 225 – 230.
17. Anderson B. Recorded music and practices of remembering // Social & Cultural Geography. 2004. Vol. 5. No 1. P. 3 – 18.
18. Cerulo K. Symbols and the world system: National anthems and flags // Sociological Forum. 1993. Vol. 8. No 2. P. 243 – 271.
19. Frolova-Walker M. National in Form, Socialist in Content: Musical Nation-Building in the Soviet Republics // Journal of the American Musicological Society. 1998. Vol. 51. No 2. P. 331 – 371.
20. Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism: from Glinka to Stalin. Yale: Yale University Press, 2008. 416 p.
21. Wanner C. Nationalism on Stage: Music and Change in Soviet Ukraine// Retuning Culture: Musical Changes in Central and Eastern Europe / ed. M. Slobin. NY.: Duke University Press, 1996. P. 136 – 155. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780822397885-009>
22. Schwarz B. Music and Musical Life in Soviet Russia. Bloomington, In.: Indiana University Press, 1983. 722 p.
23. Kale-Lostuvali E. Varieties of musical nationalism in Soviet Uzbekistan // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. No 4. P. 539 – 558. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634930802018430>
24. Шаров К.С. Проявления национализма в музыке // Оригинальные исследования. 2021. № 8. С. 26 – 31. Нилова В.И. Национализм в музыке: игры референции // Проблемы музыкальной науки. 2016. № 3. С. 35 – 43.
25. Waterman S. National Anthems and National Symbolism: Singing the Nation // Handbook of the Changing World Language Map. L. – NY.: Springer International Publishing, 2019. P. 2603 – 2618. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02438-3_102
26. Шаров К.С. Изобретение национальных традиций классическими композиторами XIX века // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 4. С. 58 – 75.
27. Софронов Ф.М. Слова и музыка национализма Восточной Европы. Краткий очерк региональной гимнологии XIX — первой половины XX века // Неприкосновенный запас. 2015. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/2/slova-i-muzyka-nacjonalizma-vostochnoj-evropy-kratkij-ocherk-regionalnoj-gimnologii-xix-pervoj-poloviny-xx-veka.html>
28. Шаров К.С. Музыка как инструмент национализма // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-kak-instrument-natsionalizma>

Воронежский государственный технический университет
ассистент кафедры философии, социологии и истории
Н.С. Котов
Россия, г. Воронеж
тел.: 8-920-421-07-13
e-mail: n1kitakotow98@yandex.ru

Voronezh State Technical University
assistant of the Department of Philosophy, Sociology and History
N.S. Kотов
Russia, Voronezh,
tel.: 8-920-421-07-13
e-mail: n1kitakotow98@yandex.ru

Н.С. Котов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЫ ОБЩЕСТВА (1949 –1951 гг.)

В статье рассматриваются издательская работа Добровольного общества содействия Военно-морскому флоту (ДОСФЛОТ). Данный вид деятельности Общества охватывал выпуск брошюр, плакатов, лозунгов, открыток, учебных программ, положений, инструкций и других официальных изданий. Особое внимание старались уделять изданию массовым тиражом учебникам по основам военно-морского дела, минера-сигнальщика, радиста, рулевого, электрика связи, электрика, учебника по морскому моделизму и плакатов по моторному делу. Наравне с этим, издательство Добровольного общества содействия Военно-морскому флоту в сотрудничестве с другими оборонными организациями участвовало в выпуске художественной и научно-популярной литературы для среднего и старшего школьного возраста. Автор делает вывод, что опыт издательской деятельности ДОСФЛОТ можно характеризовать как положительный – об этом свидетельствовало количество изданной учебной, методической, научно-популярной и художественной литературы.

Ключевые слова: Общество добровольного содействия флоту, Воронежская область, послевоенное время, оборонно-массовая работа, Вооруженные Силы.

N.S. Kотов

PUBLISHING ACTIVITIES OF THE VOLUNTARY SOCIETY FOR ASSISTANCE TO THE NAVY AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE SOCIETY'S WORK (1949–1951)

This article examines the publishing work of the Voluntary Society for Assistance to the Navy. This activity encompassed the production of brochures, posters, slogans, postcards, curricula, regulations, instructions, and other official publications. Particular attention was paid to the mass production of textbooks on the fundamentals of naval affairs, minelayer-signalman, radio operator, helmsman, communications electrician, electrician, a textbook on marine modeling, and posters on motor engineering. Furthermore, the Voluntary Society for Assistance to the Navy, in collaboration with other defense organizations, participated in the publication of fiction and popular science literature for middle and high school students. The author concludes that the Voluntary Society for Assistance to the Navy publishing experience can be characterized as positive, as evidenced by the number of educational, methodological, popular science, and fiction books published.

Key words: Society for Voluntary Assistance to the Fleet, Voronezh Region, post-war period, defense and mass work, Armed Forces.

В настоящее время основными направлениями молодежной политики признано воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации [1].

Однако, данный процесс осложняется в связи с событиями 90-х гг. прошлого столетия – резко сменившие идеалы и нравственные ориентиры привели к деформации восприятия государственного аппарата и общественно-государственных ценностей, в целом. Таким образом, это вылилось в проблему отсутствия у большей части современной молодежи должного уровня мотивации к участию в жизни государства и государственной службе, в частности. Исходя из этого, возникает потребность искать пути укрепления доверия молодежи к государственным органам и российским армии и флоту. При поиске этих путей следует учитывать опыт СССР, где огромная роль в системе воспитания патриотизма и гражданственности отводилась системе добровольных оборонных обществ, с помощью которых решалось сразу две важных для государства задачи – с одной стороны, это формирование разносторонней и самостоятельной личности, а с другой стороны, подготовка военно-обученных резервов и развитие патриотического воспитания.

Большую роль в укреплении единства общества и формирования у граждан готовности к защите Отечества в 40-50-е гг. XX в. сыграло Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-морскому флоту (ДОСФЛОТ). ДОСФЛОТ – это массовая организация трудящихся СССР, существовавшая в период с 1948 по 1951 гг. и ставившая своей целью содействовать большевистской партии в деле укрепления Военно-морского флота [2. С. 7]. Основной целью общества была массовая военно-патриотическая работа. Согласно типовому положению о создании Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-морскому флоту предполагалось, что в каждой республике, крае, области городе и районе будет открыто отделение или секция – в задачи секций ДОСФЛОТ входило развитие учебной, военно-морской, спортивной работы и морского моделизма, пропаганда военно-морских знаний среди членов Общества и населения. Цели и задачи организации обрисовали довольно широкий круг патриотической деятельности для ее членов – проведение лекций, бесед, организация различных выступлений; проведение учебно-методической работы и подготовки руководящих и командно-инструкторских кадров; распространение военно-морских знаний в разных формах [2. С. 7]. Активом общества в центре и на местах должны были стать военнослужащие кадрового состава, офицеры, старшины и сержанты запаса, участники Великой Отечественной войны, специалисты морского и речного флотов, судостроительной и речной промышленности, преподаватели учебных заведений, квалифицированные спортсмены, пропагандисты и другие активисты [3. С. 1].

В целях обобщения и популяризации опыта работы комитетов, военно-морских клубов и первичных организаций ЦК Совета ДОСФЛОТ требовалось систематически издавать сборники материалов по обмену опытом и различные учебные пособия для повышения качества знаний. Сборники и пособия имели особое значение для распространения положительного опыта работы – здесь старались осветить вопросы, как связанные как с применением опыта ДОСФЛОТ, так и с водным спортом.

В первую очередь, требовалось издать пособия, регулирующие непосредственно работу новой оборонной организации – «Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-Морскому Флоту (ДОСФЛОТ)» [4], «Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-морскому флоту. Инструкция о проведении выборов руководящих органов Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-Морскому Флоту (ДОСФЛОТ)» [5. С. 8], «Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-морскому флоту. Положение о военно-морском клубе ДОСФЛОТ» [6], «Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-морскому флоту. Типовое положение о секциях при комитетах ДОСФЛОТ» [7], «Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-морскому флоту. Положение о первичных организациях Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-Морскому Флоту (ДОСФЛОТ СССР)» [2], «Стомахина Р.И. Что читать командиру-инструктору ДОСФЛОТ: Библиографический указатель» [8]. Эти пособия должны были

стать «настольной книгой» для местных отделения ДОСФЛОТ, так как именно на их основе комитеты должны были организовывать свою работу.

Также, для нормальной работы Общества были необходимы книги по истории развития Военно-морского флота СССР. В рамках этого вопроса ДОСФЛОТ совместно с Военно-Морским министерством Союза ССР было подготовлено две монографии – «Военно-морской флот Советского Союза» [9] и «Военно-морской флот Советской Социалистической Державы» [10]. В первой книге описана борьба за выход к морям, а также за морские и океанские пути; проанализирована роль ВМФ в революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне; дана оценка деятельности моряков в годы Великой Отечественной войны и в мирные годы. В монографии «Военно-морской флот Советской Социалистической Державы» раскрыты победы русского флота на Чёрном, Средиземном и Балтийском морях, описаны достижения выдающихся русских флотоводцев таких как Петр Первый, Г.А. Спиридов, Ф.Ф. Ушаков, Д.Н. Сенявин, М.П. Лазарев, П.С. Нахимов и С.О. Макаров, дана оценка достижениям русских ученых и изобретателей в кораблестроении и создании военно-морского оружия и техники. Именно эти пособия должны были помочь членам оборонной организации в вопросах распространения военно-морских знаний.

В дальнейшем подготовка методических и учебных пособий осуществлялась непосредственно участниками организации. Особенно актуально это было в том случае, если учебные материалы по определенному вопросу отсутствовали. Учебные пособия разрабатывались по целым разделам, связанным с программами военно-морского дела; основой могли служить сведения, взятые из отдельно изданных книг, брошюр, уже опубликованных учебников и других официальных источников. Учебными пособиями могли считаться любые материалы, например, готовые изделия, макеты, плакаты, схемы моделей и т.д. При участии ДОСФЛОТ были разработаны следующие учебные пособия «Кабельная связь на корабле», «Штурманная работа», «Кораблестроение», «Основы военно-морского дела», «Военно-морская подготовка», «Военно-морская шлюпка», «Почему плавают корабли?», «Как строится современный корабль?», «Моряк», «Сигналщик», «Кораблевождение», «Торпеда и мина», а также плакаты «Морская шлюпка», «Такелажная шлюпка», «Подводная лодка», «Морской якорь» и стратегическая карта Европы. К пособиям можно также отнести чертежи различных моделей, которые использовались Обществом в процессе обучения и просто интересующимися моделизмом. В частности, были изданы чертежи моделей сторожевого корабля, яхты, торпедного катера, шлюпок, тендера, шхуны, рангоута.

Ряд методических пособий, выпущенных Обществом, очерчивал круг тем и докладов, на которые требовалось проводить беседы и осуществлять доклады [11]. Все темы делились на следующие проблемы «Ленин и Сталин – организаторы и вожди Вооруженных Сил Союза ССР», «ВКП(б) – создатель и организатор Вооруженных сил Союза ССР», «Советский патриотизм – источник массового героизма», «Защита социалистического Отечества – священный долг каждого гражданина СССР», «Военно-морской флот в Великой Отечественной войне», «Строительство Военно-морского флота», «Классы и типы кораблей Военно-морского флота», «Оружие и техника Военно-морского флота», «Задачи ДОСФЛОТ», «Боевое прошлое русского флота», «Выдающиеся русские флотоводцы», «Русские традиции русских моряков», «Военно-морской флот в Гражданской войне», «Новаторы русского флота», «Борьба русского народа за выход к морю, за морские и океанские пути», «Научно-технические вопросы», «Флот в художественной литературе». В отношении каждой проблемы, как уже писалось выше, был представлен набор тем и список рекомендованной литературы для подготовки выступления. Данные доклады играли важную роль в распространении военно-морских знаний, именно поэтому требовалось, чтобы ДОСФЛОТ выпускал соответствующие методички.

Для обобщения и популяризации опыта работы комитетов, военно-морских клубов и первичных организаций систематически издавались сборники материалов по обмену опытом. В сборниках освещались решения Всесоюзного Совета ДОСФЛОТ, опыт первичных

организаций, местные инициативы по созданию материальной базы, организация занятий по водному спорту, работа различных отделений. Наряду с этим, в сборники помещались краткие сообщения о наиболее интересных и поучительных мероприятиях, проведенных местными комитетами, а также ответы на вопросы работников комитета и активистов Общества. Для издания подобных сборников участники местных отделений заранее направляли желаемые к освещению темы и вопросы, а также темы статей, которые могли бы осветить [12. Л. 89].

Большую роль в публикационной активности Общества играла газета «Патриот Родины», перед которой стояла задача как можно шире и полнее показать опыт практической работы лучших коллективов оборонной организации. Наиболее часто в рамках своей работы редакция газеты освещала вопросы, связанные с опытом отдельных отделений ДОСФЛОТ; способами получения военных специальностей под покровительством организации; методами работы лучших инструкторов и членов комитетов; проведением государственных и военно-морских праздников; партийным руководством добровольными обществами; участием комсомольцев в работе отделений; подготовкой к работе летним и зимним условиям работы; созданием материально-технической базы руками досфлотовцев; помощью профсоюзных организаций в вопросах распространения военно-морских знаний и т.д. [12. Л. 136].

Фотолаборатория Центрального Военно-Морского музея изготавливала для ДОСФЛОТ отдельные фотографии и тематические подборки фотоснимков для выставок и витрин, в том числе репродукции с картин художников-маринистов, портреты выдающихся флотоводцев, мореплавателей, Героев Советского Союза, выдающиеся события и эпизоды из революционной и боевой истории отечественного и советского флота, корабли, прославившиеся в борьбе с врагами нашей родины и т.д. [13. Л. 147].

Отдельным видом можно считать наглядные пособия, изготавливавшиеся Добровольным обществом содействия Военно-морскому флоту. ДОСФЛОТ подготовил серию выставок на темы «Моряк в борьбе за власть Советов в 1917 году», «Военно-морской флот СССР», «Северный флот», «Моряки Балтийского флота в обороне Петрограда в 1919 году», «Комсомол – шеф флота». Фотовыставка «Моряк в борьбе за власть Советов в 1917 году» рассказывала об участии моряков в подготовке и проведении Октябрьской революции и состояла из 29 фотографий и 8 печатных лозунгов и цитат. Фотовыставка «Военно-морской флот СССР» состояла из 62 фотографий и 11 цитат и лозунгов; она была поделена на разделы – участие моряков в Гражданской войне, восстановление флота после Гражданской войны и его строительство в годы сталинских пятилеток, ВМФ в годы ВОВ, военно-морские силы в послевоенный период. Фотовыставка «Северный флот» рассказывала о подвигах моряков Советского Заполярья в Отечественной войне. Фотовыставка «Моряки Балтийского флота в обороне Петрограда в 1919 году» был посвящена 30-летию со дня разгрома белогвардейских войск Юденича под Петроградом в 1919 г.

ДОСФЛОТ специализировался также на выпуске массовых книг, затрагивавших те темы, которые так или иначе в своей деятельности освещало или разрабатывало оборонное общество. Чаще всего, под контролем ДОСАРМ и ДОСФЛОТ издавались книги по судомоделизму, так как этим направлением было проще всего заинтересовать широкие слои населения, в том числе молодежь.

В брошюре И. Максимихина «Как сделать модель парусной яхты» [14] была описана простая для изготовления плавающая модель яхты. Для удобства читателя в ней приводились рекомендации по ее постройке, окраске и регулировке на воде. Отдельными главами приводились сведения о материалах и необходимых инструментах, изготовлении чертежей, выпиловке и обработке внутреннего киля, изготовлении отдельных частей модели и снастей для укрепления матч и подъема парусов, пошивке парусов, грунтовке и окраске корпуса и подставки, а также о регулировке модели яхты на воде. В дополнение к предыдущей брошюре тем же автором была выпущена еще одна – «Как сделать плавающую модель

парохода (с паровым двигателем)» [15]. Структура данной брошюры схожа с вышеописанной – первая глава посвящена правилам пользования теоретическим чертежом, большая часть глав раскрывает способы изготовления различных деталей модели (корпуса, подставки с кильблоками, переборок и палубы, надпалубных надстроек, рангоута, такелажа, лебедок, машинного люка, дымовой трубы, шлюпок, цистерны, дельных вещей и брашиля, якорей, якорных цепей, машинного телеграфа, компаса, штурвала, дейдвуда, гребного вала, винта, руля, паровых машины и котла), а также есть главы, описывающие способы регулировки модели на стенде и воде; кроме того, в работе содержались чертежи модели для облегчения труда моделиста.

Под авторством И. Романова вышло несколько брошюр, посвященных созданию двигателей. В частности, под контролем ДОСФЛОТ и ДОСАРМ были выпущены «Простейшие двигатели для морских моделей» [16] и «Паровые двигатели для морских моделей» [17], так как именно изготовление двигателей вызывало наибольшие затруднения у моделистов. Создание копии настоящего двигателя невозможно, поэтому обычно в моделировании прибегали к упрощенной схеме двигателя. В первой брошюре описывалось изготовление резинового, пружинного и «реактивного» двигателей для моделей. Во второй брошюре содержались рекомендации по проектированию и изготовлению миниатюрных паровых двигателей для морских моделей. «Паровые двигатели для морских моделей» была проработана более детально и состояла из четырех глав, отдельно рассматривающих различные типы паровых машин и приспособлений к ним.

Как уже писалось выше, Добровольное общество содействия Военно-морскому флоту ежегодно проводило соревнования плавающих моделей, в связи с этим при содействии организаций выпускались брошюры с чертежами моделей, соответствовавших требованиям квалификационной таблицы ДОСФЛОТ, – «Модель сторожевого катера» Д. Сулержицкого [18], «Модель яхты» Д. Сулержицкого [19], «Модель линейного корабля» М. Александрова [20], «Модель эсминца» И.А. Максимишина [21]. Из трех вышеперечисленных моделей наиболее простой к изготовлению являлась модель катера, брошюра к которому состояла из описательной части к чертежам (здесь приводились необходимые материалы, а также инструкция по сборке) и самих чертежей. Описываемая во второй брошюре модель гоночной яхты относилась к первому классу и являлась самой маленькой из допускаемых на соревнования. В главах содержалась информация о постройке корпуса яхты, вооружении модели и ее управлении. В «Модели линейного корабля» подробно описывались конструкция и этапы постройки данной модели. В брошюре И.А. Максимишина собраны основные сведения о классе миноносцев, приводится краткое описание прилагаемых чертежей, даются советы, как по этим чертежам собрать плавающую модель для участия в соревнованиях. Под авторством Р. Шибаева была выпущена брошюра «Скутер “Досфлот-1”» [22], которая входила в серию «Библиотека юного конструктора». В ней описывалась постройка скутера, сконструированного мастером спорта Р. Шибаевым. Данный скутер был несложным по своему устройству и мог быть легко построен в организациях ДОСФЛОТ, кружках, детских технических станциях, а атаке отдельными любителями водно-моторного спорта.

Книга С. Лучникова «Юный кораблестроитель» [23] представляется нам наиболее содержательной и рассказывает об организации работы кружков юных моделистов-кораблестроителей. Основное внимание автор уделил практическим указаниям, которые могли бы помочь кружковцам построить модели парусного корабля, ладьи, подводной лодки и линкора. Кроме того, большое значение имели сведения, приведенные в приложении – дана подборка литературы по моделизму, приведены классификация самоходных плавающих и настольных моделей кораблей и судов, сведения об испытании моделей, об участниках команды морских моделистов Всесоюзных соревнований самоходных моделей, о моделях со Всесоюзных соревнований, чертежи моделей судов (простейшие контурные модели кораблей, упрощенная модель линейного корабля с электродвигателями, модель

парусной яхты, настольная модель судна древних новгородцев, модель парусного шлюпа «Восток», модель подводной лодки с резиновыми двигателями).

Книга С.Д. Клементьева «Радиоуправление моделями кораблей» [24] знакомит читателя с основами радиотелемеханики и с методами самостоятельного изготовления аппаратуры для моделей кораблей, управляемых по радио. Кроме того, автором были приведены проекты конструкций, дающие возможность выбора телемеханической аппаратуры и новых конструктивных решений. Этим же автором была разработана брошюра «Модель линкора, управляемая по радио» [25]. К изготовлению предлагалась одна из простейших моделей; предполагалось, что работа над такой моделью даст опыт в конструировании и изготовлении более сложных механизмов, управляемых на расстоянии. Предложенная модель приводилась в движение паровой турбиной, имела пять орудийных башен и выполняла шесть команд: поворот руля влево, поворот руля вправо, поворот башен влево, вправо, стрельба из шестнадцати орудий носовых и кормовых башен.

В 1950 г. Коровельским Д.Н. при поддержке Издательства физкультуры и спорта и ДОСАРМ была выпущена брошюра «Буерный спорт» [26]. Она была написана советским яхтсменом, чемпионом СССР, мастером спорта СССР (1950) на основе многолетнего опыта подготовки и участия ряда ведущих буеристов страны в соревнованиях по буерному спорту, в ней, наряду с практическими вопросами, касающимися вооружения и управления буерами, были освещены и вопросы теории буера; а также подробно описаны буера, конструкции, вопросы теории, организации соревнований, вопросы тактики в гонках и многое другое.

Тренером-методистом Центрального водноспортивного клуба Военно-морского флота СССР и по совместительству воронежцем по происхождению Симаковым В.И. была издана брошюра «Гимнастика моряка» [27]. Издание представляло собой методические рекомендации по физической подготовке военных моряков, предназначенные для применения при прохождении военно-морской службы. Описываемые автором упражнения были специально предназначены для формирования навыков, необходимых на военном флоте, среди них – упражнения в лазании, упражнения на выстреле, упражнения в метании бросательного конца, упражнения в сопротивлении. Отдельные главы содержали организационно-методические советы по организации занятий и рекомендации по оборудованию учебно-гимнастического городка.

Издательская деятельность ДОСФЛОТ при содействии других оборонных обществ имела широкий охват – учебные и методические пособия, иллюстративный материал, книги по судомоделизму и др. Всего за время существования общества было издано около 100 наименований массовых книг и брошюр, учебных и агитационных плакатов общим тиражом около 4 млн экземпляров. Воронежский опыт данного направления пропагандистской работы отмечался как положительный среди других региональных организаций [2. С. 25]. Отметим, что литература играет немалую роль в формировании мировоззрения и образа жизни населения. В связи с чем, на наш взгляд, это направление деятельности имело одно из наиболее приоритетных направлений. В целях популяризации военно-морской истории, воинской славы Отечества и воспитания уважения к Памяти его защитников, а также распространения военно-морских знаний подготовка и издание учебной, научно-популярной и художественной литературы играло особо важную роль. Более того, издательская деятельность была также важно в общеобразовательном смысле для повышения учебного и научного потенциала страны в послевоенный период.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/400156192/> (дата обращения: 17.03.2024).

2. ДОСФЛОТ – массовая организация советских патриотов: (Материал для докладов и бесед). М., 1951. 31 с.
3. Всесоюзное добровольное о-во содействия военно-морскому флоту. Типовое положение о секциях при комитетах ДОСФЛОТ. Тушино, 1950. 8 с.
4. Всесоюзное добровольное общество содействия Военно-Морскому Флоту (ДОСФЛОТ). М., 1949. 64 с.
5. Всесоюзное добровольное о-во содействия военно-морскому флоту. Инструкция о проведении выборов руководящих органов Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-Морскому Флоту (ДОСФЛОТ). М., 1949. 8 с.
6. Всесоюзное добровольное о-во содействия военно-морскому флоту. Положение о военно-морском клубе ДОСФЛОТ. М., 1950. С. 20.
7. Всесоюзное добровольное о-во содействия военно-морскому флоту. Типовое положение о секциях при комитетах ДОСФЛОТ. Тушино, 1950. 8 с.
8. Стомахина Р.И. Что читать командиру-инструктору ДОСФЛОТ: Библиогр. указатель / Под ред. кап. 2 ранга С.П. Петрова. М., 1949. 53 с.
9. Корниенко Д. И., Мильграм Н. Военно-морской флот Советского Союза. М., 1949. 216 с.
10. Корниенко Д. И., Мильграм Н. Военно-морской флот Советской Социалистической Державы. М., 1949. 278 с.
11. Всесоюзное добровольное о-во содействия военно-морскому флоту. Темы лекций, докладов и бесед для членов ДОСФЛОТ и населения: (Примерный перечень). М., 1949. 20 с.
12. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1581. Оп. 2. Д. 1.
13. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1581. Оп. 2. Д. 3
14. Максимишин И.А. Как сделать модель парусной яхты. М., Л., 1950. 20 с.
15. Максимишин И. Как сделать плавающую модель парохода (с паровым двигателем). М., Л., 1951. 24 с.
16. Романов И. Простейшие двигатели для морских моделей (БЮК-8). М. 1949. 32 с.
17. Романов И. Паровые двигатели для морских моделей (БЮК). М., 1951. 56 с.
18. Сулержицкий Д. Модель сторожевого катера. (БЮК-2). М., 1949. 22 с.
19. Сулержицкий Д. Модель яхты. (БЮК-3). М., 1949. 16 с.
20. Александрова М. Модель линейного корабля. М., 1950. 24 с.
21. Максимишин И. Модель эсминца (БЮК). М., 1950. 32 с.
22. Шибаев Р.Н. Скутер «ДОСФЛОТ-1». М., 1949. 40 с.
23. Лучининов С.Т. Юный кораблестроитель. Л., 1950. 100 с.
24. Клементьев С. Радиоуправление моделями кораблей. М., 1950. 148 с.
25. Клементьев С. Модель линкора, управляемая по радио. М., 1948. 48 с.
26. Коровельский Д. Н. Буерный спорт. М., 1950. 80 с.
27. Симаков В.И. Гимнастика моряка. М., 1950. 40 с.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории
Д.В. Ливенцев
Россия, г. Воронеж
тел. 89802481930;
e-mail: liva2006@yandex.ru.

Voronezh State Technical University
Doctor of historical sciences, PhD if law sciences, professor, professor of the department of philosophy, sociology and history
D.V. Liventsev
Russia, Voronezh,
tel. 89802481930;
e-mail: liva2006@yandex.ru.

Д.В. Ливенцев

**СБОРКА В 1893 Г. КОЛЕСНОГО ПАРОХОДА АМУРСКОГО
ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ (АОПиТ)
ВО ВЛАДИВОСТОКСКОМ ВОЕННОМ ПОРТУ**

Научная статья рассматривает процесс сборки в 1893 г. во Владивостокском военном порту колесного парохода Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ). Данная сборка парохода была произведена по личной просьбе одного из учредителей Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) потомственного дворянина Н.П. Макеева. Предприниматель обратился с просьбой о помощи в сборке колесного парохода к Приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому и управляющему Морским министерством России, адмиралу Н.М. Чихачеву. Надо отметить, что оба высокопоставленных чиновника поддержали ходатайство потомственного дворянина Н.Н. Макеева, т.к. видели пользу для Российской Империи от организации пассажирского и торгового судоходства по реке Амур. Собственно подобный поступок стал примером сотрудничества официальной государственной власти и частных предпринимателей в деле промышленного и торгового освоения дальневосточных окраин Российской Империи.

Ключевые слова: Амурское общество пароходства и торговли (АОПиТ), колесный пароход, бельгийская фирма «Коккериль», приамурский генерал-губернатор С.М. Духовский, управляющему Морским министерством Н.М. Чихачев, Владивостокский военный порт, потомственный дворянин Н.П. Макеев.

D.V. Liventsev

**ASSEMBLY OF THE AMUR PADDLE STEAMER IN 1893
SOCIETIES OF SHIPPING AND TRADE (AOPiT)
AT THE VLADIVOSTOK MILITARY PORT**

The scientific article examines the process of assembling a paddle steamer of the Amur Shipping and Trade Society (AOPiT) in the Vladivostok military Port in 1893. This steamer was assembled at the personal request of one of the founders of the Amur Shipping and Trade Society (AOPiT), hereditary nobleman N.P. Makeev. The entrepreneur asked for help in assembling a paddle steamer to the Amur Governor-General S.M. Dukhovsky and the head of the Russian Maritime Ministry, Admiral N.M. Chikhachev. It should be noted that both high-ranking officials supported the petition of the hereditary nobleman N.N. Makeev, because they saw the benefits for the Russian Empire from the organization of passenger and merchant shipping on the Amur River. Actually, such an act became an example of cooperation between official government authorities and private entrepreneurs in the industrial and commercial development of the Far Eastern outskirts of the Russian Empire.

Key words: Amur Shipping and Trade Society (AOPiT), paddle steamer, Belgian company «Kokkeril», Amur Region Governor-General S.M. Dukhovsky, Governor of the Maritime Ministry N.M. Chikhachev, Vladivostok Military Port, hereditary nobleman N.P. Makeev.

На рубеже XIX – XX столетий начинается бурное развитие российской промышленности и транспорта [5].

В экономику Российской Империи серьезные финансовые средства вкладывает иностранный капитал. В тоже время на дальневосточных окраинах России складывается непростая внешнеполитическая ситуация [4]. Китай и Япония предпринимают попытки модернизации системы государственного управления и промышленности и потенциально угрожают границам Российской Империи [1]. Русское правительство разрабатывает проекты по защите водной границы на протяжении реки Амур [2]. Российское военно-морское ведомство планирует формирование на Дальнем Востоке военной подразделения речных боевых кораблей, т.е. будущей Амурской флотилии [3].

Претендующая на роль регионального лидера Япония вмешивается во внутренние дела Кореи и Китая. Причем речь идет не только о военной, но и о промышленной экспансии. Агрессивная политическая и экономическая позиция сопредельных государств вынуждает руководство Российской Империи обратить пристальное внимание на политическое и экономическое развитие дальневосточных окраин. В свою очередь, Россия начинает развитие транссибирской магистрали и привлекает капиталы для организации промышленного преобразования дальневосточного региона.

Амурское общество пароходства и торговли (АОПиТ) было учреждено в 1892 г. Среди его создателей присутствовали предприниматели, заинтересованные в развитии дальневосточных окраин Российской Империи – купец А.М. Сибирияков, купец М.Г. Шевелев и потомственный дворянин Н.П. Макеев. (Рис. 1)

**Учредитель Амурского общества пароходства и торговли
(АОПиТ) Сибирияков А.М.**

Император Александр III 27 декабря 1893 г. официально утвердил Амурское общество пароходства и торговли (АОПиТ). Надо отметить, что высшая власть Российской Империи благосклонно отнеслась к идее организации рейсов пассажирских и торговых судов в бассейне реки Амур. Практически новая коммерческая организация должна была существенно оживить пассажирские и торговые перевозки по реке Амур.

Купец А.М. Сибиряков, купец М.Г. Шевелев и потомственный дворянин Н.П. Макеев начинают формирование штата служащих и речных судов Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ). Главная контора новой дальневосточной коммерческой организации располагается в городе Благовещенске. (Рис. 2)

**Управление Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ)
в городе Благовещенске**

Вообще в исследуемый исторический период в Сибири на Дальнем Востоке происходило становление коммерческого судоходства [7]. Среди коммерческих судоходных компаний выделялись следующие частные предприятия:

1. Общество Добровольного флота.
2. Пароходство графа Г.Г. Кейзерлинга.
3. Амурское общество пароходства и торговли (АОПиТ).
4. Акционерное общество Тихоокеанских морских промыслов «С. Грушевский и К°» [6, с. 217-218].

Пароходы Общества Добровольного флота стали на регулярной основе совершать коммерческие и пассажирские рейсы из Одессы в целый ряд дальневосточных портов:

- Шанхай.
- Сингапур.
- Фучжоу.
- Гонконг.
- Николаевск-на Амуре.
- Императорская Гавань
- Владивосток [6, с. 206].

Морское пароходство Китайской восточной железной дороги (КВЖД) освоило постоянное грузовое и пассажирское сообщение между странами:

- Россия.
- Китай.
- Япония.

– Корея [6, с. 207].

Учитывая вышеизложенные факты, создание Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) было одним из перспективных направлений развития коммерческого пассажирского и грузового транспорта в дальневосточном регионе Российской Империи на рубеже XIX – XX вв. (Рис. 3)

**Реклама Амурского общества пароходства и торговли
(АОПиТ)**

Как уже отмечалось выше, официальная российская власть поддерживала развитие коммерческого судоходства на Дальнем Востоке. 31 марта 1893 г. от Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского поступило служебное письмо на имя управляющего Морским министерством России, адмирала Н.М. Чихачева. Официальный документ содержал следующие тезисы:

1. Ввиду важного значения для Амурского края развития Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ), ходатайствуя перед Морским министерством России о сборке колесного парохода коммерческой организации, изготовленного бельгийской фирмой «Джон Коккериль», во Владивостокском военном порту.

2. Колесный речной пароход имеет 245 фунтов длины и 31 фунт ширины, со стальной палубой и боковыми колесами [8, л. 2].

Несколькими днями раньше, т.е. 24 марта 1893 г. военно-ученый морской отдел Главного Морского Штаба передал управляющему Морским министерством России, адмиралу Н.М. Чихачеву служебное донесение:

Уполномоченный Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) потомственный дворянин Н.П. Макеев имеет надобность собрать колесный пароход бельгийской фирмой «Джон Коккериль» во Владивостокском военном порту.

1. Части парохода вместе с инженерами и техниками бельгийской фирмой «Джон Коккериль» прибудут во Владивостокский военный порт в июне месяце.

2. Потомственный дворянин Н.П. Макеев ходатайствует о выделении ему одного из военно-морских доков для сборки колесного парохода бельгийской фирмы «Джон Коккериль» [8, л. 1].

Получается, что Уполномоченный Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) потомственный дворянин Н.П. Макеев одновременно обратился с просьбой о сборке колесного парохода бельгийской фирмы «Джон Коккериль» к Приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому и в военно-ученый морской отдел Главного морского Штаба. Данное ходатайство свидетельствует о том, что правление Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) пыталось использовать для поддержки своей коммерческой деятельности государственные структуры. (Рис. 4)

**Приамурский генерал-губернатор
Духовский С.М.**

В ответ управляющий Морским министерством России, адмирал Н.М. Чихачев показал себя настоящим патриотом развития отечественной промышленности в дальневосточном регионе. 17 апреля 1893 г. адмирал Н.М. Чихачев ответил Приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому:

1. Сборка колесного парохода бельгийской фирмы «Джон Коккериль», приобретенного правлением Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ), в военно-морском доке Владивостокского военного порта не имеет препятствий.
2. Начальству Владивостокского военного порта поручено оказать всевозможное содействие данной полезной работе [8, л. 3].

После чего, 24 апреля 1893 г. от управляющего Морским министерством России, адмирала Н.М. Чихачева поступило служебное распоряжение главному командиру Владивостокского военного порта:

1. В июне этого года во Владивосток по железной дороге будет доставлен в разобранном виде колесный речной пароход, заказанный на заводе бельгийской фирмы «Джон Коккериль» Амурским обществом пароходства и торговли (АОПиТ).
2. Колесный речной пароход имеет 245 фунтов длины и 31 фунт ширины, со стальной палубой и боковыми колесами.
3. По просьбе Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского предоставить для сборки колесного парохода бельгийской фирмы «Джон Коккериль» правлению Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) военно-морской док во Владивостокском военном порту.

4. Сборка колесного парохода бельгийской фирмы «Джон Коккериль» будет осуществляться правлением Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) на собственные денежные средства [8, л. 3].

В результате в помощи правлению Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) в деле сборки речного колесного парохода приняли участие управляющий Морским министерством России, адмирал Н.М. Чихачев, Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовский, военно-ученый морской отдел Главного Морского Штаба и главный командир Владивостокского военного порта. (Рис. 5)

**Управляющий морским министерством,
адмирал Чихачев Н.М.**

Таким образом, на примере помощи поправлению Амурского общества пароходства и торговли (АОПиТ) в деле сборки речного колесного парохода, заказанного бельгийской фирме «Джон Коккериль», можно судить об участии государства в развитии частного транспортного пассажирского и грузового судоходства в Российской Империи на рубеже XIX – XX вв. Безвозмездная помощь в организации сборки колесного парохода путем предоставления военно-морского дока Владивостокского военного порта была оказана со стороны таких видных государственных чиновников как Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовский и управляющий Морским министерством России, адмирал Н.М. Чихачев.

Библиографический список

1. Аварин В. Борьба за Тихий океан. – М.: 1952. – 218 с.
2. Амурцы на защите рубежей Отечества: Сборник воспоминаний (Сост. Н.И. Орлов). – М.: Изд. Орлов и сын, 1996. – 448 с.
3. Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Краснознаменная Амурская флотилия. – М.: Изд. Воениздат, 1976. – 200 с.
4. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925гг.) – М., 1927. – 195 с.
5. Здесь России рубеж. – Хабаровск., 1981. – 415 с.
6. Под флагом России. История зарождения и развития морского флота. – М.: Изд. Согласие, 1995. – 415 с.

7. Распонина А.А. Паровое судоходство на Байкале в первой четверти XIX в.// Историко-экономические исследования. – 2010. – Т. 1. – № 7. – С. 46 – 59.
8. Российский Государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1065.

Воронежский государственный технический
университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
композиции и сохранения архитектурно-
градостроительного наследия
П. А. Попов
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-903-858-18-55;
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

Voronezh State Technical
University
PhD in History, Associate Professor of Composition and
Preservation of Architectural and Urban Heritage
Chair
P. A. Popov
Russia, Voronezh,
tel. 8-903-858-18-55;
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

П.А. Попов

ПОЧЕМУ НЕ РАСШИФРОВАНО СЛОВО «МОСКВА»?

В исследовании показаны причины, по которым вопрос об этимологии слова «Москва», точнее названия реки *Москва*, до сих пор считается нерешенным: отсутствие полноценного комплексного подхода в топонимических исследованиях и, как следствие, несоблюдение или неполное применение соответствующих научных исторических и историко-географических методов. Предложена новая гипотеза о происхождении гидронима *Москва*, основанная на введении недостающих элементов комплексного анализа. Данная статья является первой частью исследования, в ней рассмотрен вопрос о полноте и корректности использования летописных первоисточников и критически показаны старые этимологические версии, которые были не приняты или не полностью приняты топонимикой, в том числе «финно-угорская» версия, а также «славянская» версия в том ее недоработанном виде, в котором она ранее была представлена в работах топонимистов.

Ключевые слова: топонимика России, историческая топонимика, историческая география, топонимия, комплексные топонимические исследования, происхождение слова *Москва*, происхождение названия *Москва*.

P.A. Popov

WHY WAS THE WORD «MOSCOW» NOT DECIPHERED?

The study shows the reasons why the question of the etymology of the word «Moscow», more precisely the name of the Moskva River, is still considered unresolved: the lack of a full-fledged integrated approach in toponymical research and, as a result, non-compliance or incomplete application of appropriate scientific historical and historical-geographical methods. A new hypothesis about the origin of the hydronym Moscow is proposed, based on the introduction of missing elements of a comprehensive analysis. This article is the first part of the study, it examines the issue of the completeness and correctness of the use of chronicle primary sources and critically shows the old etymological versions that were not accepted or not fully accepted by toponymy, including the «Finno-Ugric» version, as well as the “Slavic” version in its unfinished form in which it was previously presented in the works of toponymists.

Key words: toponymy of Russia, historical toponymy, historical geography, comprehensive toponymic research, the explanation of the word *Moscow*, the explanation of the name *Moscow*.

В своих публикациях не устаю повторять, насколько важен в топонимических исследованиях комплексный подход: обязательный учет данных трех смежных наук: истории, лингвистики и географии – и насколько важно соблюдение всех методик комплексных исследований. Вновь и вновь приходится сожалеть, что, наука топонимика при попытках расшифровать древние гидронимы часто заводит нас в тупик: несмотря на декларированную комплексность, доминировал и продолжает доминировать лингвистический анализ с формальным подстраиванием под него исторических фактов и с камеральным уклоном гипотез без глубокого понимания реальных историко-географических условий местности [1].

На мой взгляд, не только беда современной топонимики, но и настоящая опасность, ей угрожающая: наука создала уже огромные пласти смоделированных (надуманных) исходных слов-топонимов, которые якобы были основой для образования топонимов реальных. Имеются в первую очередь обширные группы неславянских слов (ираноязычных, финно-угорских, тюркских и других), приписываемые итоговой славянской топонимии: будто славяне заимствовали топонимы у народов, которые ранее заселяли ту или иную территорию. И смоделированные пласти доныне базируются на вымыщенном, на ложном представлении лингвистики о том, что народ, заселяющий местность, обязательно «перенимает» у предшественников названия достаточно больших рек, если таковые существовали (если реки небольшие – перенимает не обязательно). Нет, все больше приходит понимание, что топонимия была бытовым удобством любого населения. Каждые новые поселенцы стремились дать названия понятные, простые в произношении, хорошо запоминающиеся и воспроизводящиеся. И топонимист обязан в первую очередь искать смысл имен в языке итогового населения.

Однако неочевидные неславянские топонимические пласти внедрены в тысячи книг и научных статей. И новые поколения топонимистов, продолжая моделировать новые этимологии, опираются, ориентируются на старые модели как на аксиомы, как на нечто незыблемое, совершенно устоявшееся в науке, – а оно на самом деле мнимое. Целые круги ученых живут в придуманном, оторванном от действительности, мире, не видев реки, о которых пишут, и не зная, что и как говорили люди, когда-то жившие на реках. Никогда не стоит забывать, что так множатся фантазии, а не реалии.

В предыдущих публикациях я показывал примеры того, как могут продвигаться вперед топонимические исследования, если вводить в них реальные элементы комплексного анализа и если с должным пониманием относиться к устаревшим догмам. Был выполнен скрупулезный анализ касательно слова *Воронеж* с привязкой новой гипотезы ко всем смежным наукам [2]. Также было предложено принципиально новое этимологическое видение гидронима *Дон*, касательно которого лингвистика так и не смогла объяснить, каким же конкретно способом, в каких же конкретных исторических условиях славянский народ мог «заимствовать» слово у ираноязычных народов – все имевшиеся версии зашли в тупик [3]. Было также продемонстрировано, как комплексный анализ, с соблюдением исторической методологии и с опорой на историко-географические знания помогает решать собственно исторические проблемы немалой значимости: были определены, с большой степенью вероятности, места летописных битв на реках *Каяла* и *Калка* [4].

Теперь полученные наработки не только позволяют мне, но и вменяют мне в обязанность, не дают отказаться и от следующего весьма нелегкого труда: показать, почему доныне считается нерасшифрованным топоним *Москва* и предпринять попытку все-таки дать такую его расшифровку, которая соответствовала бы всем требованиям топонимики.

Словари разочаровывают

Слово «Москва», оторвавшись от древних корней, давно живёт самостоятельной жизнью. Оно звучит как радостное и торжественное название столицы России. Точно так же и в слове «Воронеж» нам слышится красивое и трогательное обозначение столицы Черноземья, а не забытое указание на обширное чернолесье.

Сейчас ни у кого не осталось сомнений, что город *Москва* получил имя по реке *Москве* (но не наоборот), то есть ойконим произошел от гидронима, – таковы были признанные традиции наименования русских городов. Зато сомнения по поводу происхождения речного названия – сильнейшие.

Мне уже не раз приходилось писать, но здесь придется вновь повторить, что первопроходцы или поселенцы абсолютному большинству рек раздавали простые, но содержательные имена – словно клички, прозвища, – в зависимости от их самых броских

природно-географических свойств. Это могли быть свойства долины, русла, берегов, дна, свойства воды и ее течения, свойства окружающей растительности или вообще особенности расположения всей реки по отношению к другим рекам. Во многих славяно-русских «прозвищах» есть оттенки образности, человек как бы сравнивал поведение реки с поведением человека: считал, она «раскальвает» меловые берега (*Калитва*), «прячется» от людей (*Хованка*), спокойно «лежит» (*Легоць*) или «ведет» в сторону (*Ведуга*) или «мотается» туда-сюда (*Мотырь*). Эти меткие названия выдают и остроумие древних людей, и их желание как можно лучше сориентировать сородичей на малознакомой еще местности. Нам порой трудно представить, как человек ориентировался без карт, но с помощью названий, по которым реку или озеро можно было узнать.

Некоторые названия просты до предела: *Песчань*, *Глинка*, *Землянка*. Чем проще – тем лучше было для человека. Но для такой простоты требовалось, чтобы песок, глина или черная земля были главными свойствами реки, отличавшими ее от других водоемов. Когда грунт ничем не выделялся или по берегам многих соседних рек росли одинаковые леса и кустарники, тогда к созданию «прозвищ» наши предки подключали повышенную наблюдательность и образное видение.

И ничего страшного, что топоним *Москва*, который обрел значение «столица», в древности имел некий обыденный географический смысл. Но, если мы ведем речь о проблемах топонимики, следует признать: наука не справилась с задачей не только из-за большой давности названия, но и потому, что до сих пор **не было полноценного комплексного подхода в исследовании**.

Множество авторов спешило изложить на бумаге свои идеи: каков им видится смысл слова «Москва». И все они достойны уважения за их подвижничество. Но еще не достигнута цель, к которой я постоянно призываю, – комплексность.

«Литература о названии огромна, содержит самые противоречивые гипотезы», – замечал в 1966 г. В.А. Никонов, автор «Краткого топонимического словаря». Он сообщал также о «многочисленных попытках подобрать славянскую или по крайней мере балтскую этимологию этого названия». В результате топонимист остановился больше на критике гипотез, нежели на их поддержке [5, с. 275–276].

В 1983 г. лингвист В.П. Нерознак в книге «Названия древнерусских городов» предпринял собственный краткий, но емкий анализ топонима и заявил, что «славянское происхождение названия *Москва* (города и реки) можно считать доказанным» [6, с. 115]. Однако его вывод не удовлетворил топонимическое сообщество. В 1997 г. А.Л. Шилов, совершив подробный историографический обзор всех гипотез, уравнял три основные версии – славянскую, балтскую и финскую (что умаляет значимость данного обзора): «Какая же истинна – пока неизвестно» [7, с. 101].

И в 2002 г. составитель «Топонимического словаря Центральной России» Г.П. Смолицкая заключила, что «этимология окончательно не выявлена» [8, с. 212]. И в 2007 г. в книге «Имена московских улиц», составленной с участием Р.А. Агеевой и Е.М. Поспелова, записано, что «вопрос о названии *Москва* пока остается нереешенным» [9, с. 326]. И современная Википедия преподносит нам: «Этимология гидронима точно не установлена».

Что ж, хочется надеяться, что наше исследование увлечет читателя, ведь оно посвящено множеству таинственного и в субъективной топонимике, и в объективном процессе зарождения московских топонимов. Мы совершим беглый и в то же время довольно длительный экскурс и в топонимические исследования многострадальных авторов, и в вероятные жизненные ситуации тех древних людей, которые оставили на научное растерзание потомков столь сложную головоломку – московскую топонимию.

Передо мной образовалась сложная задача: как донести для читателя если не все, то главные из «самых противоречивых гипотез»? Нет смысла в их кратком пересказе, это уже не раз предпринимали другие авторы. Тем более ничего не дам читателю, если просто отошлю к историографическому обзору, сделанному кем-либо. К счастью, способ изложения

задан уже всеми моими предыдущими публикациями: критическое (в хорошем, научном смысле этого слова) переосмысление гипотез.

Давайте выясним, какими достоинствами обладает та или иная версия, а каких элементов комплексного анализа ей не хватает. Тем самым более подробно ответим на вопрос «почему?», поставленный в заглавии. И сразу будем пытаться искать ответ на вопрос «как?», оставленный для следующей статьи. Чтобы понять, как расшифровать имя реки, надо понять, что требуется совершить для выполнения комплексности.

В основном буду обращаться к гипотезам в той логической последовательности, которую выстроила Г.П. Смолицкая. Не потому, что считаю анализ этого автора наиболее удачным (хотя он, безусловно, удачен), а из-за того, что он прекрасно отражает типичные представления науки топонимики. Автор не только свое мнение выразил: он сверил его с мнениями главных участников топонимического сообщества, и каждая фраза писана с оглядкой на устои, сложившиеся в очерченных научных кругах.

Г.П. Смолицкая пересказала версии по хронологии их появления, с краткими комментариями по поводу сильных и слабых сторон каждой гипотезы. Опустила недавние версии, совершенно не принятые топонимикой. Ее анализ во многом следовал наработкам В.А. Никонова. Только так и можно совершать в науке шаг вперед: путем благожелательного критического переосмыслиния выводов, сделанных предшественниками, и отыскания причин, которые ведут в тупик. Разумеется, комментарии Г.П. Смолицкой отражают уровень познаний и представлений топонимики во время комментирования. На это мне приходится обратить особое внимание, ибо анализ был совершен несколько раз: в 1982 г. в книге, написанной совместно с М.В. Горбаневским [10, с. 81–89], затем в 1985 г. в краткой форме в сборнике «Географические названия в Москве» [11, с. 12–15] и, наконец, в 2002 г. в словаре в рамках емкой статьи [8, с. 211–216], куда внесены изменения и дополнения.

Почему бы и Википедии не взять за основу третий анализ Смолицкой? Он тоже успел устареть, но к нему можно было бы добавлять новые мнения ученых. Нет, неизвестные энциклопедисты идут по ухудшенному пути. Они напрямую обращаются к различным устаревшим идеям, тасуя их и сопровождая их «возражениями», не всегда указывая, какие именно ученые «возражали». Ссылка сделана только на первую работу Смолицкой, а последняя даже не названа. В итоге получаем не научную беспристрастность, а околонаучную мозаику. Такой текст невозможно править, его нужно будет переписывать заново. Он не приближает читателя к истине, а запутывает его в дальнейших путях поиска. Он словно хочет огорчить читателя: мол, сколько ни бейся над поиском этимологий, сколько ни выдвигай новых гипотез – все равно твое мнение будет поставлено в общий список только для того, чтобы кто-то добавил к нему «возражения».

Как бы ни привлекал плурализм мнений, намеренное уравнивание версий всегда антинаучно. Настоящая наука должна постепенно отбирать наиболее вероятные гипотезы, а затем из них – самую-самую вероятную, доказывая, в чем именно вероятность. Энциклопедии не должны совершать отказ назад, вновь и вновь мешая в кучу маловероятное с высоко вероятным.

Правда, для этого сама наука должна быть настолько полноценной, чтобы ей доверяли составители и читатели энциклопедий.

А мне, чтобы опубликовать исследование с чувством выполненного долга, придется прокомментировать основные версии с позиций тех проблем топонимики, которые я обозначил во всех предыдущих публикациях. С позиций проблем, которые тормозят науку на современном этапе. Вынужден ревизовать все версии ради общей цели – ради приближения топонимики к полноценным комплексным исследованиям.

Начнем, однако, не с сути гипотез. Начнем с первых упоминаний слова. Это начало всех начал в исследовании. Требуется надежно установить обстоятельства и даты употребления топонима (или убедиться в них), понять ранние формы слова. Без такого

начала полноценное исследование не может быть продолжено: будет грубо проигнорирована методика историзма.

Далее мы убедимся, как сильно зависит точка зрения авторов той или иной версии от внимательного и корректного прочтения летописей, от выбора одних или других объективных летописных строк для высказывания субъективных мнений.

Читаем летописи с пристрастием и беспристрастно

Год самого первого упоминания слова «Москва» – 1147-й – сегодня уверенно назовут не только москвичи. Экзамен по истории сдают студенты всех вузов. Оказывается, однако, что не так прост вопрос о первой форме топонима. Топонимика основательно усложнила этот вопрос, а современные социальные сети еще больше запутали его. Но именно он оказался принципиальным при выдвижении различных топонимических гипотез.

Упоминания слова после 1147 г. тоже порождали споры.

Копья топонимистов скрестились на поле «теории формантов»: такова назойливая методика, когда ведется поиск формально схожих топонимических формантов вместо поиска географического смысла корней и соответствующих аналогов. **Решающая роль была отведена не соблюдению должной комплексности топонимического анализа, а лингвистическому гаданию по внешней форме названия.** Насколько умозрительное, оторванное от реалий, гадание сильно подводило и продолжает подводить топонимику, я уже многократно пояснял в предыдущих публикациях. Отсюда – и проблема, которая вышла не на второй или третий, а на первый план: на -ва или не на -ва кончалось раньше слово *Москва* и что значило или не значило -ва? И сторонники славянского или неславянского происхождения топонима определяются исходя из их отношения к тому же пресловутому форманту.

Итак, вначале внимательно прочитаем не категоричные высказывания исследователей, а непосредственно тексты летописей. Читатель вскоре поймет, для чего я так скрупулезно их цитирую.

Первые летописные упоминания о Москве связаны с тяжким для Руси временем феодальной раздробленности, с рассказами о военных походах русских князей, боровшихся за власть между собой. Также князья воевали и с группой недружественного соседнего населения (считается, что она обозначена в летописях словом «голядь»). Москва была небольшим населенным пунктом на окраине Ростово-Судальской (позже Владимиро-Сузальской) земли, где и разворачивались интересующие нас события.

В Ипатьевской летописи под 6655 (1147) г. записано, как ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий («Гюрги») направил своего союзника, новгород-северского князя Святослава Ольговича, воевать в Смоленской волости, и шел туда Святослав, и «взя люди Голядь». Юрий пригласил союзника к себе, чтобы отпраздновать победу. По-видимому, к Святославу отправили посланника, чтобы тот сказал слова приглашения. В первом издании летописи, предпринятым Археографической комиссией в 1843 г., читаем: *«И приславь Гюрги и рече: «приди ко мнъ, брате, в Московъ».* И приехал Святослав с небольшой дружиной, а сын его Олег прибыл чуть раньше. Встреча произошла «*въ день пятокъ, на Похвалу святъй Богородици».* *«Наутріи же день повелъ Гюрги устроити объѣдъ силенъ...»* В примечании публикаторов указано, что в летописи топоним исправлен: *«в Москову»*. Однако в основном тексте публикации по неразъясненным причинам напечатан другой вариант: *«в Московъ»* [12, с. 29].

В следующем издании, в 1871 г., приглашение воспроизведено по правленой рукописи: *«приди ко мнъ, брате, в Москову»*. Однако теперь в примечаниях почему-то ничего не сказано об этой древней поправке окончания. И, хотя помечено, что в других списках той же летописи вместо *«приди»* употреблено *«приедъ»*, не сообщается, как же, собственно, воспроизводится ключевое слово «Москва» в тех списках [13, с. 240–241].

Наконец, в 1908 г. при переиздании летописи была внесена ясность касательно основного списка. Слово «Московъ» помечено так: «*Конечное ъ передълано позже въ у (укъ)*» [14, стб. 339–340]. В целом в уточнении деталей древнего летописания была видна роль редактора издания – историка и лингвиста А.А. Шахматова, искушенного в палеографии.

Пятница перед днем Похвалы Богородицы должна находиться на 4 апреля. Значит, события попадают в отрезок с января по август (до 1 сентября, когда наступал новый год). Следовательно, для пересчета на летосчисление «от Рождества Христова» от числа 6655 надо отнять 5508 (не 5509, как было бы для событий после 1 сентября), получим именно 1147 (не 1146) год. Никто из историков здесь не ошибся (что нередко случается при публикации дат).

Исходя из первого упоминания, заключаем, что топоним *Москва* возник не позже первой половины XII в. К сожалению, из летописей нам не дано вывести более точной датировки.

В той же Ипатьевской летописи под 6683 (1175) г. сообщается о событиях, происходивших после убийства сына Юрия Долгорукого – князя Андрея Боголюбского. Из Чернигова «на Москву» – к границам владений Боголюбского – пришли князья Михалко Юрьевич (брать Боголюбского) и Ярополк Ростиславич. Именно там их встретили ростовцы. Они сказали Ярополку, чтобы тот двигался дальше, но Михалку не хотели пускать и велели ему подождать «на Москве»: «...*Приѣхаста на Москву. Слышавше Ростовци негодоваша о томъ, рекоша Ярополку: «Ты поѣди сѣмо»* – а Михалку рекоша: «*Пожди мало на Москви*». В другом списке той же летописи последние слова – «*на Москви*» [13, с. 404].

Далее летопись несколько раз упоминает *Москву* под 6684 (1176) г., рассказывая о новых похождениях Михалки Юрьевича. Заболевшего князя несли на носилках, «идоша с нимъ до Куцкова, рекие до Москвы...» (в другом списке той же летописи «*до Кучкова*»). «...*Сѣдши ему обѣдати, и приде ему вѣсть, оже сыновъцъ его Ярополкъ идетъ на нь; и выйдоша изъ Москве и поидаша къ Володимѣрю.*» Несмотря на болезнь, Михалко вместе с братом Всеволодом Большое Гнездо одержал военную победу и занял стол во Владимире. «*И потомъ послалъ Святославъ жены ихъ Михалкову и Всеволожью, приставя къ нимъ сына своего Олга проводити тъ до Москви*» [13, с. 407–408].

В Тверской летописи под 6664 (1156) г. находим ценное свидетельство о строительстве московской крепости: «*Того же лѣта князь великий Юрій Володимеричъ заложи градъ Москву, на устніже Неглинны, выше рѣки Аузы*» [15, стб. 225]. Исследователи предполагают, что непосредственно закладкой крепости мог руководить не сам Юрий, а сын Андрей Боголюбский, но на топонимические проблемы это обстоятельство не влияет. В летописи не названа река *Москва*, она подразумевается как бы сама собой, обозначены только притоки.

События 6683 (1175) года Тверская летопись излагает следующим образом: «...*И приѣхаста на Москву. Слышавше Ростовци негодовашу, и рекоша Ярополку: «Ты поиди сѣмо»; а Михалку рѣша: «Ты пожди мало на Москви*» [15, стб. 255]. Потом под 6684 (1176) г. дважды записано, как князья шли «*к Москви*». Далее идет третья запись того же года: «*Въ томъ же лѣтѣ поиде Михалко съ Всеволодомъ къ Рязаню на Глѣба, и бывшу ему на Москви, и ту срѣтоша его послы Глѣбовы съ поклоном...*» [15, стб. 257, 259].

В Лаврентьевской летописи под 1175 г. топоним фигурирует в тех же формах, что и в Тверской: «...*И приѣхаста на Москву. И слышавше Ростовци негодоваша, рекоша Ярополку: «ты поѣди сѣмо», а Михалку рекоша: «Пожди мало на Москви*» [16, с. 353–354]. В той же летописи в 1176 г.: «*Михалко съ Москвы поѣха Володимерю, а Ярополкъ инѣмъ путемъ тѣха на Москву*» [16, с. 356]. В 6685 (1177) г. о рязанском князе Глебе, который сжег деревянную московскую крепость: «*Глѣбъ же на ту осень приѣха на Москви, и пожжє городъ весь и села <...> А Глѣбъ, пожегъ Москву, иде Рязаню*». В другом списке той же летописи Глеб «*приѣха на Москву*» [16, с. 363].

* * * *

Теперь, прежде чем сообщить о мнениях исследователей, поделюсь своим принципом, который использую в начальной стадии работы с летописями. Пригождается опыт изучения первых упоминаний слова «Воронеж» [2. С. 10–17]. Там тоже сталкиваемся с разнотчтениями. По воле судьбы, первое упоминание связано опять же с враждой между Владимиро-Суздальским и Рязанским княжествами. В 6685 (1177) г. рязанский князь Глеб потерпел поражение от владимиро-суздальского Всеволода Большое Гнездо. В дружине Глеба воевал его шурин Ярополк Ростиславович, он же племянник Всеволода и внук Юрия Долгорукого. Ярополк спасался бегством, он направился в местность, название которое летописями варьируется: *Воронож*, *Воронаж*, *Вороняж*, *Воронеж*. Рязанцев заставили выдать беглеца, и те «ехавшие в Воронож», «ехавшие Воронаж», «ехавшие в Вороняж». Здесь фонетическая ситуация проще московской: варьируются гласные в одном и том же безударном суффиксе. Но исследователи не сходились во мнениях: или город имели в виду летописцы, или реку, или ни то, ни другое? Так вот, первый принцип таков: учитываем факты и только факты, а также отсутствие желаемых фактов, ни капли никаких допущений и домыслов.

Такой принцип постепенно должен привести любого исследователя к мнению, что в русских летописях нет «фальсификаций», которые нередко видят историки, встречаясь с необъяснимыми фактами. Неизвестное или непонятное – не значит, искаленное или приписанное с корыстным умыслом. Да, летописцы переписывали тексты несколько раз, но обращались с текстами аккуратно. Самое уязвимое место при переписывании – как раз топонимы. Спустя несколько веков многие названия уже забывались. Летописец мог неточно прочитать переписываемые слова, не разобрать все буквы и допустить погрешности при переписывании, особенно когда слово склонялось по падежам и происходило чередование звуков. Однако, самое главное, летописцы были вполне грамотными для своего времени людьми, поэтому во вновь переписанных выражениях все падежи и окончания стоят верно, и им правильно соответствуют предлоги – так, как они употреблялись в средневековье, как учили летописца в его веке. Летописец не мог, например, написать: «ехавше в Воронож», если имелось в виду название не населенного пункта, а реки. Если бы упоминали реку, было бы «на Воронож» или «к Вороножу». Предлог *в* употребляли в редких случаях: если кто-то переходил реку вброд, например, «входил в Трубеж».

В первом московском упоминании имеем «в Москву»: безусловно, речь не о реке. Предлог «*в*» в принципе мог указывать также на географическую область или на урочище. Но в летописи нет каких-либо указаний на область (как в случае с *Воронежем* – летописец добавил, что Ярополк, бежав «в Воронож», переходил там «от града во град»). И князь Юрий не мог приглашать гостя в ненаселенную местность. Значит, имеем право подразумевать только селение (или княжескую усадьбу). Во всяком случае, селение, а не реку подразумевал переписчик летописи, как бы то ни было до него в XII в.

Первое известие о «граде», то есть об укрепленном, огороженном, селении, обнаруживаем под 1156 г., причем князь «заложил», а не «перестроил» или «переделал» крепость. Значит, не имеем права говорить о том, что перед этим событием селение имело ограждения (укрепления). Разумеется, какие-либо укрепления здесь могли устраивать предшественники Долгорукого, но это уже вопрос не к летописцам, а к современным археологам.

События 1175 года все летописи излагают с предлогом «на»: «на Москву», «на Москве». Русский язык вполне допускал его употребление не только с гидронимами, но и с ойконимами. «На» вставляли в случае движения к какому-либо населенному пункту. Его нередко применяли и в случае местонахождения чего-либо (кого-либо) непосредственно в селении. Например, в Лаврентьевской летописи под 6834 (1326) г. записано о городе: «*Того же лъта заложена бысть церковь святая Богородица на Москвѣ*» [16, с. 502]. Сохранившиеся документы XVI–XVII вв. сообщают о событиях в городе *Воронеже* чаще всего как о происходящих «на Воронеже». Не может быть и речи о реке в документах, где содержатся отчеты о строительстве в городе: «*городовое дело на Вороножи за плотники все*

*стало»; о количестве городских жителей: «всего на Воронаже конных и пеших всяких людей...»; об указаниях городскому воеводе: «и ты б на Воронаже жил с великим береженьем...» [17, с. 31, 34, 37] и так далее. В просторечии во многих городах исторические названия бывших пригородов доныне употребляют с «на». В *Воронеже* говорят: «Живу на Чижовке», в *Москве* – «Живу на Кузьминках» (не «в Кузьминках», как требуют современные официальные нормы). В таких случаях народная речь указывала прежде всего на территорию города или другого селения (аналогично говорят: «живу на таком-то участке, месте, берегу, поле, острове»). Предлог «на» был более подходящим для указания на географический объект, не имевший четких границ, или несколько отвлеченный от главного объекта, или удаленный от наблюдателя, который описывал события. Жаль, что даже в работах авторитетных ученых встречаются ошибочные утверждения: будто предлог «на» может означать только реку.*

Летописцы, сообщая о движении князей в 1175 г., или имели в виду реку (текст не позволяет отрицать этого), или хотели передать наиболее точную по смыслу ситуацию с градом. Михалко и Ярополк, двигаясь «на Москву», хотя и прибыли в этот город, но не совершили полноценного в нем пребывания: один отправился дальше, а другому приказали временно подождать где-то «на Москве». Зато в 1147 г. Юрий Долгорукий приглашал не в стороннее, а в собственное имение очень логично – с предлогом «в».

Следующие упоминания *Москвы* в 1176–1177 гг., судя по предлогам и по контексту записей, в подавляющем большинстве случаев относятся к городу. Князья вышли «изъ Москвы» – разумеется, из города. Если Глебъ «поже́гъ Москву», то он пожег, конечно, город, а не реку. Некоторые фразы сами по себе не дают права говорить об однозначном употреблении ойконима. «Гльбъ же на ту осень пригъха на Московъ, и пожжсе городъ весь» – князь сначала мог приехать на реку *Московъ*, а потом сжечь стоявший там град? Но, с другой стороны, летописцы, зная о существовании одноименного города, должны были бы давать в таких случаях пояснения для читателей, где речь идет о реке, а где – о граде. То, что слова «река» перед словом «Московъ» нет, – тоже факт. Или, иными словами, нет факта упоминания реки. Только таким принципиальным прочтением текстов мы можем изначально отсечь домыслы.

* * * * *

Полностью согласен с Г.П. Смoliцкой в том, что *Москва* никогда не называлась *Кучково*. Точнее, в летописях нет указаний на это. Фраза «идоша с нимъ до Кучкова, реки до Москвы» совершенно не сообщает, что *Москва* и *Кучково* – одно и то же (нет слов «Кучково, реки Москва»). По факту здесь говорится лишь то, что дойти до *Кучкова* – значит, дойти до *Москвы*. К тому же, название *Москва* уже было зафиксировано 30-ю годами раньше. Возможно, имелось в виду, что князя донесли до *Кучкова*, а это значило, что *Москва* рядом. Вероятно также, что *Кучково* как соседний и более древний объект упомянут в качестве известного, понятного ориентира для объяснения, где находится крепость *Москва*. В таком случае это обстоятельство может косвенно указывать, что в XII в., во время составления изначальных записей (вошедших потом в сохранившуюся летопись), название града *Москва* совпадало с названием реки. Если бы здесь упомянули как ориентир не *Кучково*, а реку, то ее название не уточняло бы географическое положение града, в то время еще недостаточно известного. С другой стороны, если название реки опущено, значит, всем было понятно, что *Москва* должна стоять на *Москве*.

К сожалению, некорректное утверждение о том, что село *Кучково* превратилось в город *Москву*, ранее было растиражировано в учебниках истории. Оно было основано не на первоисточниках, а на поздних литературных произведениях XVI–XVII вв. – «повестях о начале Москвы», в которые включено предание о боярине Стефане Кучке. Точнее, записи содержатся в двух первых сказаниях: «Повести о начале Москвы» и «Повести об убиении Даниила Московского». И там, и там легенда о Кучке добавлена, вставлена в пересказ

летописных событий. В обоих повестях фигурируют московские села Стефана. Написано, что боярин не воздал подобающей чести Юрию Долгорукому, и тот велел его казнить. Затем два сына и дочь боярина – Петр, Аким и Улита – были отосланы Юрием во Владимир к сыну Андрею Боголюбскому. Улита стала женой Андрея, но не любила мужа, и по ее наговору братья Кучковичи убили князя [18].

Не приходится удивляться, что сегодня непрофессиональные историки, любители, разносят легенду по социальным сетям. Между тем, все крупные дореволюционные историки, такие как В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин и В.О. Ключевский, уже хорошо понимали, что сообщения «повестей о начале Москвы» не могут быть полноценными источниками. Н.М. Карамзин, перечисляя «Кучковы села», имел в виду только предания и, как и мы, не располагал никакими другими истинными источниками, кроме фразы из Ипатьевской летописи «идоша с нимъ до Кучкова».

Также издавна существовало понимание, что некое *Кучково* не совпадало с местом закладки московской крепости на холме у слияния рек *Москвы* и *Неглинной*. Так, в 1917 г. в путеводителе «По Москве» в историческом очерке Н.М. Никольского было заявлено, что «Повесть о начале...» «состканная из устных преданий и легенд». «Кучковы села находились в северо-восточной части теперешней Москвы и впоследствии слились с городом; но начало города пошло не от них, а от <...> княжеского поселения, в юго-западной части Кремля, при впадении Неглинки в Москву-реку» [19, с. 9–10]. Но и здесь упоминание «Кучковых сел» некорректно. Кроме летописных слов «до Кучкова», по факту имеем только бывшее название московского урочища – *Кучково поле*, происхождение которого не установлено (считается, что поле было примерно между Лубянской площадью и Сретенскими воротами).

Можно даже предположить, что имеем топоним природно-географического содержания, отражавший вид « поля » (то есть луга) с «кучками», небольшими неровностями (таковы, например, следы прохождения ледника). «Кучково» может быть сокращением от «Кучковое». Образование подобного топонима от личного имени вовсе не обязательно. Собственно, происхождение и самого имени *Кучка* (если допустить, что оно было), В.П. Нерознак обоснованно выводит из того же слова «куча», в уменьшительной форме (на славянской почве его больше неоткуда вывести, если не обращаться к балtsким аналогиям).

При всем том у сторонников реального существования *Кучки* есть очень сильный аргумент. Согласно летописям (не преданиям), Андрея Боголюбского убили во владимирской резиденции *Боголюбово* в результате заговора, устроенного его родственниками Кучковичами. Упоминаются «началник» убийцам «Пётр Кучков зять», а также Яким Кучкович [13, с. 398]. Стало быть, «Кучкович» и «Кучков» должны быть произведены от антропонима *Кучка* или *Кучко*, пусть и не названного в первоисточниках. Более того, в 2015 г. реставраторы Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском обнаружили остатки сенсационного граффити со списком заговорщиков-убийц Боголюбского (ныне датой смерти князя считается 1174 г.). Имена Петра и Якима удается прочитать. Так подтверждена достоверность летописного текста. И все же обязан влить «ложку дегтя» во все теории: Стефан (?) Кучка (Кучко) мог получить прозвище в связи с проживанием его на *Кучковом поле*, а не наоборот!

Очень интересно недавнее археологическое открытие, совершенное в центре Москвы, под Манежем, в 2004 г. Главный археолог города Л.В. Кондрашев в книге «Археология Москвы» утверждает: раскопки «подтвердили тезис о том, что в Москве есть культурные слои долетописной даты». Обнаружен грунтовый могильник, где погребения датируются, вероятнее всего, интервалом конца XI – первой половины XII в. [20, с. 62]. Жаль, что при этом автор недостаточно критично относится к преданиям о сёлах боярина Кучки, полностью доверяя старым выкладкам историка М.Н. Тихомирова. Замечу также, что вообще-то в первую половину XII столетия укладывается и дата первого летописного упоминания *Москвы*. Однако суть дела ничто не меняет: были или не были «Кучковы села» раньше *Москвы*, но нет фактов, что ранняя *Москва* (то есть территория Кремля) заняла их

место (а не возникла по соседству), и нет фактов по поводу того, кто конкретно жил в предполагаемых селах.

Топоним *Кучков* обнаружен также в новгородской берестяной грамоте XII в., но связать его с московскими событиями удается только при помощи фантазий. Автор грамоты сообщает, что «пошел в Кучков», но нет ни слова о *Москве*. Этот факт может свидетельствовать о существовании топонима-аналога на Новгородской земле, но не более.

…Отмечу еще, что летописи, несмотря на крайне фрагментарный показ московских событий, демонстрируют нам глубинную географическую причину того, что именно *Москва* в будущем, к концу XV в., превратится в столицу Руси. Град, изначально поставленный в глухом, безопасном для укрытия, месте, оказался на скрещении удобных сухопутных путей, которые вели сюда из всех смежных русских земель.

* * * *

Теперь, понимая, что летописи написаны и переписаны достаточно аккуратно, без явных противоречий, обратим более пристальное внимание на первое упоминание. Ведь оно должно нести форму топонима, наиболее близкую к исходной. И надо же такому случиться, что именно в раннее написание слова летописцы внесли очень заметное и неоднозначное исправление! После этого не приходится удивляться, что разнобой в написании слова встречается и у публикаторов, и у исследователей: читаем то «в *Москову*», то в *«Московъ»*, то в *«Московь»*. А отсюда проистекали и различные выводы о происхождении слова.

Историк царского времени И.Е. Забелин начинал свою известную книгу «История города Москвы» со слов: «*Приди ко мнъ, брате, в Москову!*» [21, с. 1]. Однако сегодня в социальных сетях на множестве сайтов растиражирован другой вариант: «*Приди ко мне, брате, в Москов*». Именно им пользовалась Г.П. Смолицкая, которая, тем не менее, стала на верный путь опровержений недостоверных версий: «*Город никогда не назывался Московъ, в Ипатьевской летописи под 1147 г. записи – форма винительного падежа, а не именительного. Похожая форма – на Московъ – приведена в Лаврентьевской летописи под 1177 г., а в другом списке этой летописи приведена форма на Москву. Во всех остальных летописных записях, относящихся к XII в., фигурируют только формы Москва, Московъ, с Москвы, до Москвы, на Москву и т. п.*» [8, с. 215–216]. Однако, как вы видите, вкрадась описка или опечатка: на самом деле в Лаврентьевской князь Глеб приехал «на *Московъ*», а не «на *Московь*» – с мягким знаком.

Е.М. Поспелов в словаре «Географические названия России» (2003, 2008), а также в книге «Имена московских улиц» утверждает, что Юрий Долгорукий приглашал так: «*приди ко мне брате в Московъ*» [9, с. 324; 22, с. 297]. Но ведь в первом упоминании, наоборот, был знак твердый? Напомню, он обязательно ставился после согласной в конце любого слова. Таким образом, у Поспелова почему-то получаем третий вариант: приглашение с мягким знаком. Что это: еще одна опечатка или, напротив, верное исправление летописи исследователем – то, чего не достигли публикаторы переписанных текстов? Выясним обязательно, но немного позже.

А пока читатель должен узнать, что ему не стоит отчаиваться из-за путаницы, выход существует. Теперь подлинники Ипатьевской рукописи оцифрованы и находятся в свободном электронном доступе, что позволяет быстро увидеть истину.

В основном, наиболее старом Ипатьевском (Академическом) списке, который приближенно датируется 1420-ми гг., последнюю букву в слове «*Москов(...)*» сначала изобразили невнятно. Если судить по вертикальной линии с хвостиком вверху слева, то это должен быть твердый знак. Однако в нижней части не просматривается петля (закругление направо): или допущена описка, или петля была слишком мелкая и нечеткая – настолько неявная, что ее не стало видно после исправления буквы.

Судя по схожему цвету чернил, поправка внесена писцами в ту же эпоху. Поверх нечеткого знака жирно вывели кружок, а над ним поставили галочку. Комбинация этих двух

знаков была одним из вариантом обозначения звука «у» (буква «ук», предшественница буквы «у»). Итак, после исправления получилось однозначно: «в Москву» [23, л. 125].

Однако в более позднем Хлебниковском списке Ипатьевской летописи – его датируют следующим XVI в. – обнаруживаем в подлиннике: «*приедь къ мнъ брате в Москвъ*» – однозначно с твердым знаком (и, кроме того, не «приди», а «приедь») [24, л. 148].

Другие списки этой летописи считаются неосновными, вторичными, еще более поздними.

Зачем же исправляли первый список? Только из-за погрешности в написании буквы или с большим смыслом?

Как видим, у исследователей был веский повод включить в топонимический анализ формы первого упоминания слова «Москва» под 1147 г. Увы, это сделали не все.

Возьмем крупнейший труд русско-немецкого лингвиста Макса Фасмера, составителя «Этимологического словаря русского языка», на который российские топонимисты ориентировались с 1960-х гг. В статье «Москва» он сообщил об употреблениях слова применительно к 1170-м гг., но летописные слова 1147 года почему-то проигнорировал. На это «почему» тоже будем отвечать. Но уже сейчас можно дать один из ответов на более главное «почему», вынесенное нами в заголовок статьи, – **почему название столицы не считается расшифрованным**.

Одна из причин – скрытая, ее не сразу удается обнаружить: некорректное цитирование летописей, недостаточное объяснение разнотечений.

* * * *

В 1549 г. австрийский дипломат и путешественник Сигизмунд Герберштейн в книге «Записки о московитских делах» написал, что и столица России, и ее область, и река, которая там протекает, носят одно и то же имя – Московия, а на языке русских они называются Москвою. «Что именно из них дало имя прочим, неизвестно. Однако вероятно, что они получили имя от реки» [25, с. 85]. Еще тремя годами раньше, в 1546 г., Герберштейн составил карту Московии, которую впоследствии прикладывал к книгам. На карте при впадении реки *Iausa* (*Яуза*) в реку *Mosqua* обозначена столица *Moscowia*. Интересно, что и в это время название существовало словно в двух вариантах, только один был иностранным, западным.

Как видим, к XVI в. происхождение топонима уже забылось. Тем не менее, у москвичей была уверенность, что река дала имя городу. Об этом было впервые заявлено в «Повести о начале Москвы». Великий князь Юрий Владимирович приказал сделать небольшой деревянный град, и прозвали его Москва-град «по имени реки, текущая под ним». Как уже было сказано, данное художественное произведение, сочиненное в XVI или XVII в., не может быть историческим источником. Но оно хорошо свидетельствует об исторических представлениях, которые бытовали в то время. Форма ойконима «Москва-град» тоже симптоматична, ибо далее реку стали часто называть «Москва-река» – чтобы не оставалось ни малейшей двусмыслицы.

Топонимикой отвергнуто...

Теперь можно приступить к ревизии версий по поводу названия реки.

Начнем с ираноязычной версии, которую в начале XX в. высказал лингвист и историк литературы А.И. Соболевский. Никем не принят слишком искусственно сконструированный им перевод слова «Москва» как «сильная гонщица» – будто бы из скифских языков. Автор пытался стыковать *Mo-* – будто бы сокращение от *ata* («сила») и *ск* – якобы от *sak* («гонщица»), а как в эту местность попали скифы, вообще не понятно. Критика версии содержалась в 1966 г. в словаре В.А. Никонова: указано, что Соболевский в 1920-е гг. допустил «чрезмерное увлечение «иранизацией» гидронимии России» [5, с. 275]. Впоследствии идея сочтена абсурдной, и в современных топонимических словарях ее нет.

Далее будем отталкиваться от обзора Г.П. Смолицкой – последовательницы В.А. Никонова. Вначале она ведет речь, разумеется, о «финно-угорских версиях», то есть о моделировании топонимистами слова «Москва» в финно-угорских языках. Надо пояснить читателю, что население, говорившее на них, обитало в нынешнем Москворечье очень давно (жило с I тысячелетия до нашей эры). Археологами выявлена соответствующая дьяковская культура раннего железного века. Ее называли по *Дьякову городищу* возле села *Дьяково* (ныне в черте города *Москвы*, на территории музея-заповедника «Коломенское»).

Итак, обзор Г.П. Смолицкой свидетельствует, что наибольшее внимание было приковано к форманту *-ва* – якобы имеем финно-угорское (а именно на языке коми) обозначение понятия «вода, река».

Замечательный пример бесполезного «гадания по формантам» – попытка К.А. Попова, состоявшаяся в 1874 г. Он провел поиски названий, оставленных народом коми (устаревшее название – зыряне), под эгидой Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. По его предположению, «Москва» означает «коровья река» в смысле «река-кормилица», ибо он разложил слово на *моск*, или *моска*, – «корова» и *ва* – «вода, река» [26]. Что ж, простим за такие вольности первых чудаков-топонимистов, не понимавших, что гидронимы центральной России в принципе не могут иметь подобный образный витиеватый смысл. К сожалению, эту версию поддержал историк В.О. Ключевский, но надо понимать, что и ему приходилось следовать за той топонимикой, которая находилась на низком уровне развития. Далее в 1910 г. С.К. Кузнецов моделировал этимологию из вымершего мерянского (как из разновидности финно-угорских языков): *маска* – будто бы значило «медведь», в целом *Москва* – «медвежья река».

Еще раньше, в 1829 г., историк и литератор М.П. Погодин «склеивал» название «Москва» даже при помощи двух разных языков: из балто-финского брал *musta* (якобы превратившееся в *моск-*) в значении «черный, темный», а из коми – *-ва* [27].

Г.П. Смолицкая обоснованно отвергает эти версии по нескольким причинам: и потому, что коми, как выяснила археология, не жили в бассейне реки *Москвы*, и потому, что в регионе нет гидронимии со следами мерян, и потому, что вода в реке никогда не была темной и мутной [8, с. 212–213]. Я добавил бы: все названные авторы словно не замечали, что в летописях название реки и, соответственно, города завершается не только на *-ва*.

Следующая версия, удостоенная опровержения. В 1984 г. филолог С.Г. Халипов (известный как полиглот) предпринял попытку осовременить финно-угорский уклон исследований. Вначале – цитаты из обзора Г.П. Смолицкой: «*Известно, что Москва-река в верховьях называлась Коноплёвка, и, только пройдя через озеро Михалёвское (Москворецкая Лужа), получает имя Москва*». С.Г. Халипов полагал, что это одно и тоже название: финно-угорское, на языке мерян, – *Москва*, и по-русски оно же – *Коноплёвка*. В мордовском «мушка» – конопля, в марийском «муш» – пенька. «*Принятию этой версии, – продолжает Смолицкая, – мешает хотя бы то, что коноплю и лен мочили не в реках, где есть течение, а в <...> озерах <...> Сеяли коноплю на полях, а не по берегам рек. К тому же сомнительно, чтобы в западном регионе, далеко от места летописного проживания мери, появилось мерянское название Москва*» [8, с. 213].

Необходимо добавить: принятию версии мешают и другие, не менее существенные обстоятельства. В этом можно убедиться, если обратиться к оригиналу статьи 1984 г.

Во-первых, автор версии почему-то не обращает внимания на ранние упоминания слова «Москва» в XII в., а дает только более поздние варианты за 1208 г. «на Можце», «на Москве» из Галицко-Волынской части Ипатьевской летописи, ссылаясь на публикацию Г.П. Смолицкой. Удачно вышло, что сама Смолицкая и начала составлять опровержение. Не удивительно, что версия преподносит нам основу «муш», весьма далекую от настоящих форм топонима *Москва* и от правил его склонения (о том, каковы были искомые формы и правила, мы поведем речь очень скоро).

Во-вторых, каким веком пытаемся (или вообще не пытаемся) датировать гидроним *Коноплёвка*? Известны его упоминания в XIX в. Если предпринять поиски, то, возможно, отыщутся упоминания в ближайших предыдущих столетиях. Но ведь о *Москве* мы говорим как о слове, известном намного раньше, возникшем до XII в. включительно. В статье – ни слова о датах.

В-третьих, а однозначно ли называлась *Коноплёвкой* верхняя часть *Москвы-реки*? Сверялись ли с картами те топонимисты, которые распространяли и распространяют данное утверждение? Сегодня любой читатель, открыв карту или атлас Московской области хоть на бумаге, хоть в интернете, может убедиться: если отождествлять *Коноплёвку* с нынешней *Коноплянкой* (что и сделал автор версии), то это приток *Москвы*, а не исток. Более того, если обратиться к планам генерального межевания земель конца XVIII в., то и там *Москва* от самого истока обозначена как *Москва*. Мы обязательно обратимся к ним в конце этого исследования, обязательно посмотрим, где же в реальности располагались реки и болота. А пока делаем вынужденный вывод: версия о конопле не использует источники. Еще один пример: поясняя, как текла *Коноплянка*, автор ссылается на публикацию В.Д. Быкова от 1951 г. и цитирует ее, называя процитированное «современными данными», тогда как Быков на самом деле использовал цитату из словаря географа XIX в. П.П. Семёнова-Тян-Шанского [28, с. 142].

Итак, метод историзма, можно сказать, совершенно не применяется. Касательно исторической географии не виден и сравнительно-исторический метод. Мы обнаруживаем ловушки, в которые попадает лингвистический анализ, оторванный от всех других видов анализа.

Удивительно (и в то же время закономерно), что в 2017 г. в популярном издании «Регион» (журнал республики Коми) версия о конопле вдруг всплыла с положительной оценкой. Разумеется, и журнал, и журналист, готовивший материал, заслуживают только похвалы за обращение к имени «Москва». Здесь достоверно представлены несколько гипотез. Но в одном из комментариев ученый-филолог (имя его опускаем) называет стоящей «ближе к истине» идею о том, что «моска» – это «конопля» в языке мерян. В качестве автора версии указывается уже не С.Г. Халипов, а другой топонимист, поэтому завершение слова «Москва» здесь трактуется как мерянское «куа», то есть залив [29]. Таким образом, присутствующие в летописях истинные завершения слова (-ова, -ва, -овъ, -овъ) игнорируются теперь на все сто процентов. Не очень корректно судить о чьих бы то ни было мнениях по газетным публикациям. По себе знаю, что пресса может опубликовать высказывание в измененном виде. И все же не имею права не задать вопрос (больше для читателей моей статьи): поддержавшие мнение о конопле читали ли опровержение Смолицкой, изучали ли летописи и планы местности?

…Наконец, в 1985 г. исследователь А.П. Афанасьев, исследователь топонимии республики Коми, попытался увидеть корни гидронима в гипотетическом «прапермском» языке, на котором говорили предполагаемые «пермяне» – предки удмуртов и коми. Любопытно, что статья Афанасьева опубликована в том же сборнике «Географические названия в Москве», где помещен и обзор Смолицкой по истории и историографии топонимии Москвы. И в этом случае откроем оригинал статьи.

Афанасьев спорит со Смолицкой, считая, что для выяснения слова «Москва» надо привлекать не только современные финно-угорские языки, но и рассматривать прапермский, а для сопоставлений использовать «*массовый топонимический материал северо-востока Европы и Средней Волги*». Однако предложение не убедительно: насколько корректно сравнивать реальное в одном регионе с гипотетическим – в другом?

Вновь всплывает формант *-ва* («вода, река»), при этом реальные аналоги слова «Москва» по основному корню, разбросанные в других регионах, как бы отодвигаются в сторону. По А.П. Афанасьеву, прапермское было *моск*, а далее переставились две согласные: стало финно-угорское *мокса*, диалектное *мокши*, *мокша*. «*Надо полагать, смысловое значение этого термина включало в себя более широкий спектр понятий, чем теперь: «ключ, родник,*

источник, поток, приток» и т. п.». Значит, «Москва» будто бы могло значить «приток-река» (по отношению к Оке) или «река с притоком» (по отношению к Яузе или другим притокам)». Автор полагает, что балтоязычное население, прия в Волго-Окское междуречье, в первых веках новой эры почти полностью обновило микротопонимию (то есть названия мелких объектов), однако названия крупных рек должны были остаться. Каким образом они остались в языке славян, не поясняется [30, с. 90–97].

Впоследствии Г.П. Смолицкая отклонила версию А.П. Афанасьева по тем же причинам, что и другие версии. Нет общего ареала гидронимии между московской местностью и коми. Полностью соглашусь и с отрицанием предложенного смысла: «...Немногие реки не являются притоками, тем более не имеют своих притоков» [8, с. 212]. Расшифровка «река с притоком», действительно, особенно абсурдна. Предложение А.П. Афанасьева даже в Википедии не представлено.

Топонимикой принято, но не взято на вооружение Ее назвали... Московь? Москвы? Москва?

В противовес неславянским версиям появилась и развивалась славянская, сторонники которой более внимательно вчитывались в вариации летописных упоминаний. С их точки зрения, название реки *Москва* произведено от более ранней формы *Москы* (единственное число, именительный падеж). Значит, по их мнению, отсутствует финно-угорский «речной» формант *-ва*, и надо искать славянский корень.

Первым, кто смоделировал нигде не зафиксированное славяно-русское слово «Москы», был А.И. Соболевский – по иронии судьбы, автор «скифской» этимологии. А первым, кто доходчиво объяснил, как «Москы» реконструируется в качестве исходного (?) славяно-русского слова, стал в 1922 г. филолог-славист и историк Г.А. Ильинский, автор статьи в «Известиях Российской академии наук». Что ж, давайте проверим на прочность его доводы, сразу обратившись непосредственно к журналу 1922 года [31]. Потом можно будет проверить и доводы его последователей.

Г.А. Ильинский рассматривает летописные написания топонима и обращает внимание, что в Лаврентьевской летописи Глеб в 1177 г. почему-то приехал «на Московь» вместо «на Москву», а в Ипатьевской летописи встречаем странные написания «на Москви» вместо «на Москвъ» (1175) и «из Москве» вместо «изъ Москвы» (1176). Славист поясняет: «Читатель, не получивший филологического образования, вероятно, станет в тупик перед этими формами, но кто знаком хотя бы с элементарной славянской грамматикой, тот, вероятно, без труда узнает в перечисленных образованиях совершенно правильные и нормальные формы основ на -и-, типа любы – любъве, свекры – свекръве, црьки – цркъве». И далее сделан вывод, что по аналогии «исконная парадигма склонения имени *Москва*» первоначально выглядела так:

- именительный падеж – *Москы*;
- родительный – *Москъве*;
- винительный – *Москъвъ*;
- местный (предложный) – *Москъви(e)*.

Автор считает, что, хотя именительный падеж в летописях не употреблен, три других присутствуют, и добавляет, что архаические формы «находились в стадии постепенного вымирания». «Одно несомненно, что первоначально наша Москва звучала как *Москы», – делает вывод Г.А. Ильинский. И после пишет еще сильно: «...Смертельный удар наносит восстановленная Соболевским первоначальная форма им[енительного] п[адежа] Москвы *Москы – финским теориям происхождения названия этого города».

Нельзя не согласиться с ним, что «очевидным абсурдом» было бы искание такой же части «ва» – «вода» в словах «тыква», «щеркva» и прочих.

По его мнению, в слове есть «чисто славянский» корень *mosk*, который представляет собой «задненебное расширение» более древней, индоевропейской морфемы **mos*. Параллельное расширение той же морфемы ученый видел в исходном корне **mazg*, сохранившемся, в частности, в литовском *mazgoti* – «мыть, полоскать», в латвийском *mezgere* → *mergere* и древнеиндийском *majjati* – «погружаться в жидкое». След корня **mazg* автор нашел в названии польской реки *Mozgawa* (*Мозгава*), расшифровав гидроним предположительно как «река, протекающая в болотистой местности». (Он назвал свое предположение «догадкой», предварив расшифровку вводным словом «вероятно»). Параллельное расширение морфемы **mos* видится в польском *moszcz* – «сок, выжатый из плодов».

Аналогично в русском языке он нашел слово «москоть». Москотильными (москатильными) товарами называли «влажные, липкие вещества: краски, клей, масло, добывающиеся обыкновенно выжиманием известного рода продуктов». Исходя из всех этих лингвистических сопоставлений делается итоговый вывод о праславянском корне *mosk* (параллельный *mazg*), который значил «быть вязким, тонким», о смоделированном слове *mosky* в значении «вязкая, тонкая, болотистая местность» и, наконец, о значении названия *Москва*: «река, протекающая в такой местности» [31, с. 604].

Итак, несомненна заслуга лингвистов в том, что они воскресили давно забытую русскую лексику со словами на -ы и правильно указали, как в старорусской речи происходило совершенно непривычное для современного уха склонение ряда характерных слов. И название столицы в контексте такого склонения рассмотрено гениально (учитывая, что достижение относится к началу XX в.). У Г.А. Ильинского аналогии с русским «москоть» и параллельными славянскими словами, восходящими к индоевропейскому корню, – блестящи с лингвистической точки зрения. Но....

Теперь настал черед определить, чего же здесь не хватало до комплексности исследования – для непременного условия, при котором версия не затерялась бы среди других версий; при котором все версии вместе не производили бы впечатление, что в целом вопрос остается «нерешенным».

Позвольте, где же географические доказательства, что местность в районе *Москвы-реки* выделяла эту реку (среди многих окружающих рек) особенностями топкими болотами? Только тогда заработало бы правило «различительности» любого топонима (но его советские топонимисты сформулируют лишь в 1960-е гг.). И где же хотя бы попытки определить, какова в реальности местность в районе польской реки *Мозгавы*? Только «догадка». Да, не было интернета, но ученые переписывались по обычной почте письмами в конвертах. Вы понимаете, что я ни в коей мере не критикую Г.А. Ильинского, лишь показываю уровень развития топонимики, всегда характерный для того или иного времени. Для начала 1920-х гг. как раз высок уровень не всей науки, а уровень обсуждаемого исследования.

Позвольте, но где же самое первое упоминание *Москвы* от 1147 г.? Оно не названо, а ведь каверзные исправления конечных букв в слове могли бы повлиять на выводы.

Позвольте, но в качестве реально существовавших мы можем назвать только апеллятивы (имена нарицательные): *свекры, церкви*, а также другие подобные – буквы (буква), тыквы (тыква) и другие. Однако Г.А. Ильинский делает вывод не только об апеллятиве *москвы*, но и об имени собственном (см. цитату, где *Москвы* – с большой буквы). Но, позвольте, гидроним или ойконим «Москвы» нигде и никогда не зафиксирован. Так ли уж «несомненно», что слово не прошло трансформацию *москвы* → *москва* еще до того, как попало в летописи в виде топонима? Не соблюдаем метод историзма, не применяем сравнительно-исторический метод, если не просчитываем все возможные звенья в последовательности событий.

Так вскрываются промахи не в направлении поиска этимологии, но промахи в методике исследования и в выборе аргументов для убеждения противников, да и просто заинтересованных читателей. Действительно, неискушенному россиянину (впрочем, и искушенному) трудно поверить, что город первоначально именовался «Москвы» в

единственном числе. Ни один другой летописный топоним не предложено так изменить «в обратную сторону».

Сейчас вы окончательно поймете, для чего нам требовалось так внимательно изучить летописи.

Предположим, что вы «не получили филологического образования» и «не знакомы с элементарной славянской грамматикой». Тем не менее, очень внимательно, обязательно с учетом слов 1147 года, посмотрим еще раз на все летописные упоминания топонима – с точки зрения тех падежей, которые уже привычно употреблялись в XV–XVI вв., то есть во время переписывания летописей.

Именительный падеж – в цитированных летописях не встречен.

Винительный падеж – в Ипатьевской летописи явно употреблен при первом упоминании под 1147 г., ибо топониму предшествует предлог «в». В главном списке – «в Москву» (после исправления), во втором списке – «в Москвъ». Чтобы вновь обойтись без малейших домыслов или малейших упущений, вспомним еще одно обстоятельство: во время письма на концах слов иногда варьировались ъ и ь. Это соответствовало и общему варьированию звуков в языке (мягкий знак нередко «отвердевал»), и невнимательности писцов. Случайная замена как раз допустима в случае забытых форм топонимов. Тогда при переводе в именительный падеж получаем: из первого списка – *Москова*, из второго – *Московъ* или *Московь* (по факту ничто не указывает на «Москы»). Далее: в Лаврентьевской летописи под 1177 г. летописец отвечает на вопрос «на что?» уверенно: «на Москву». Следовательно, в именительном без домыслов будет *Московъ*. (В случае вольностей допустимо *Московъ*, но по факту все-таки *Московъ*, с мягким знаком.)

Кстати заметить, что Лаврентьевская из всех сохранившихся летописей считается наистарейшей, составленной в XIV столетии. Следовательно, на ее варианты написаний слов следует обращать особое внимание.

Винительный падеж также и в 1177 г. в Лаврентьевской, когда «пожег Москву». Исходный именительный, конечно, *Москва*.

Предложный падеж – в Лаврентьевской в 1175, в одном из списков Ипатьевской в 1175, в Тверской в 1175 и 1176 гг. – везде летописцы на вопрос «на чём?» отвечают, как и сегодня: «на Москвъ». Значит, не хватает оснований для заключения о «стадии постепенного вымирания» более архаичной формы, а именительный падеж отсюда бесспорный: *Москва*. Лишь в единственном, первом списке Ипатьевской летописи имеем в 1175 г. «на Москви». Но летописец не имел права на орфографическую ошибку. Если не домысливать гипотетическое «Москы», получаем еще один (и единственно возможный другой) вариант именительного падежа: *Московъ* – если принять, что при написании в предложном случилось банальное и привычное выпадение буквы о: *на Москви* – *на Москви*.

Явный родительный: в старейшей Лаврентьевской в 1176 г. князь приехал «с Москвы» (не «с Москвъ»), в Ипатьевской в том же году князя несли «до Москвы» (не «до Москвъ»). Исходное, несомненно, *Москва*. Наконец, остается единственный (!) спорный случай: под 1176 г. в Ипатьевской летописи дважды указано непривычное падежное окончание е (ѣ): «из Москве», «до Москвъ». Именно здесь, вероятно, и находим отголоски архаической славянской грамматики. Но я допустил бы и более простой случай – вольности с употреблением окончаний ы – е. Так, в документах Государственного архива Воронежской области, составленных отнюдь не в XIV–XVI, а в конце XVIII в., – в материалах Воронежской городской думы – я не однажды встречал вариации слов: «идти по улицы» – «идти по улице», «идти к улице» – «идти к улицы» и т. д. в различных падежах.

Остается посмотреть на топонимы, выделенные жирным шрифтом, и ответить на долгожданный вопрос: «Как же назывались река и город?», зная, что вообще-то везде написано одно и то же название.

На мой взгляд, ответ единственный: по аналогии с тем, как в народной речи происходит чередование звуков в известных русских словах *морковь* – *морква*, *церковь* –

церкva, бровь – брова, имеем ту же ситуацию: *московь – москва*. Река, а за нею и город назывались двухвариантно: и *Московъ*, и *Москва* – это одно и то же. В завершении слова в одном случае стоит суффикс *-овъ* (*-овъ*), в другом – аффикс *-ва*, где *-в-* – суффикс, *-а* – окончание.

Невозможно опровергнуть, что, как и другим особенным словам, ныне оканчивающимся на *-овъ*, апеллятиву *московъ* гипотетически предшествовало *москы*. Но невозможно также опровергнуть и тот факт, что **летописи не дают однозначных оснований увидеть исходный гидроним «Москы»**. Во время превращения апеллятива в гидроним слово уже могло иметь форму с мягким знаком на конце: *московъ* → *Московъ, Москва*. Был или не был исходный апеллятив *москы*, он не оказывает решающего влияния на определение этимологии и не должен тормозить дальнейшие поиски. Даже без обращения к древним формам на *-кы* чередование *овъ* – *ва* демонстрирует исключительно русский состав слова во время его употребления в летописях.

Г.А. Ильинский почему-то не увидел слово *Московъ* в качестве совпадающего в именительном и винительном падежах, – как обошел стороной и его первую форму 1147 года. Возможно, он умолчал о разнотечениях того года ради чистоты примененного анализа. А ведь летописное исправление «в *Московъ*» на «в *Москову*» очень симптоматично. Летописец, исправлявший слово, не желал видеть его в мужском роде, поскольку обе привычные формы (*Московъ, Москва*) представляли реку в женском роде, а название города копировало гидроним. Вариант «в *Москову*» вышел как бы промежуточным, но вполне допустимым производным от *Московъ*. Однако от «*Москы*» уже никак не образовать «в *Москову*», что и противоречит доводам Г.А. Ильинского.

Любопытно, что в древней топонимии находим некоторые аналогии (по звучанию) к словам «*Московъ*» и «*Москова*». В гидрониме *Сновъ* со временем отпал мягкий знак, и в нескольких случаях название трансформировалось в *Снова*. Запомним этот факт, ибо аналоги имеем не в бассейне *Оки*, а в бассейнах *Днепра* и *Дона*, то есть на разных территориях расселения славян.

Восстановление истинного чередования *овъ* – *ва* в летописных упоминаниях *Москвы* сразу делает несостоятельной версию о «*конопляной реке*» или «*конопляном заливе*» – будто бы на языке мерян. Кроме того, поправляется славянская версия – и в ее же пользу, а не против нее.

Статья Г.А. Ильинского сыграла большую роль в дальнейшей разработке вопроса: дала весомые аргументы в руки сторонников славянской этимологии и оказала влияние на разработчиков всех иных версий. Славянское направление нашло поддержку в монографии польского ученого Т. Лер-Славинского в 1946 г. По мнению В.А. Никонова, среди славянских этимологий «наиболее серьезна» та, что признает в разгадываемом слове основу *москы* в значении «болотистая местность». «*Дальнейшие исследования, связанные с гидронимами на -ва, решат судьбу этой гипотезы*» [5, с. 276].

С годами топонимисты стали корректировать некоторые выводы Г.А. Ильинского, часто понимая, что *москы* могло быть только в апеллятиве. Увы, в их число не вошел М. Фасмер. В 1950-е гг. он повторил только те летописные примеры, которые привел до него Г.А. Ильинский. И банально скопировал выводы Соболевского и Ильинского о якобы исходном *Москы*. Также скопированы, в справочном виде, примеры родственных слов из польского, литовского, древнеиндийского языков. В список добавлены предположительные: чешское и словацкое слово *moskva* в значении «мокрый хлеб в зерне» и словацкое *mozga* – «лужа» [32, Т. 2, с. 660]. Теперь нам становится понятно, почему у Фасмера нет упоминания формы 1147 года. Он trivialно не утруждал себя прочтением всех летописей. А ведь он, в отличие от Соболевского и Ильинского, стал важнейшим авторитетом для всех последующих топонимистов.

Г.П. Смолицкая, допуская неточности, тем не менее, правильно писала, что город назывался *Московъ*, но не *Москов*, а форма «*Москы*» показана ею лишь в качестве прошлых исканий лингвистов.

Вышло, что в этом случае точнее всех по смыслу оказались справки Е.М. Поспелова. Он процитировал Ипатьевскую летопись искаженно, изменив и «Москову», и «Московъ» на *Московъ* безо всяких пояснений, но теперь нам ясно, что сделано это намеренно – да, как мы и подозревали, ради исправления погрешности, допущенной летописцами.

В словаре «Географические названия России» (2003, 2008) Поспелов переложил ответственность на «современных исследователей», которые считают «Москы» формой именительного падежа (речь о «названии города», не реки). И, будучи посмертно переизданным именно так, с отсылкой к неким исследователям, словарь Поспелова до сих пор усиливает эффект неясности топонима [22, с. 297]. Однако в книге, посвященной именам московских улиц (2007), корректно указано теоретическое *москы* только как имя нарицательное, которое не противоречит различным гипотезам [9, с. 325].

С такими метаморфозами вопрос о славянской форме слова вступил в XXI век...

* * * *

Возвращаясь к словарю Г.П. Смолицкой, к ее позднему историографическому анализу (2002), замечаем, что она сочла славянскую гипотезу «довольно убедительной» (здесь она имеет в виду все славянские гипотезы как единое направление). Топонимист дополняет гипотезу также разработками лингвиста П.Я. Черных (1950) и некоторыми собственными наблюдениями.

По мнению П.Я. Черных, в языке славянского племени вятичей диалектный апеллятив *москы* означал «влага». В языке кривичей ему будто бы соответствовало слово *вълга* в том же значении, поэтому аналог слова *Москва* – название реки *Волга*. Версия представляет обе реки топкими, болотистыми [33].

Г.П. Смолицкая поясняет, что предположения и Ильинского, и Черных подтверждаются географическим наблюдением. Опять речь о болоте. Опять цитата, как она есть (далее будем подмечать противоречия, несоответствия в высказываниях о болотах!). *«Москва-река берет начало из болота (или из озера, напоминающего болото), получившего впоследствии название Москворецкая Лужа»*. Что ж, сопоставление вроде бы важное (на первый взгляд). Может быть, название реки сначала появилось в верховьях? Но тогда нам нужны и другие наблюдения: вытекают ли из болот другие реки с названиями, подобными имени *Москва*? Увы, таких наблюдений не было и нет.

Впрочем, далее Г.П. Смолицкая пишет: *«Принятию этой гипотезы мешает то обстоятельство, что славяне появились здесь в I тыс. н. э., не раньше VI–VII вв., а берега Москвы-реки были заселены еще в III–II тыс. до н. э. Трудно предположить, что эта большая, основная водная артерия региона была безымянной или сразу после прихода славян сменила свое название. Как правило, такие реки сохраняют свое прежнее название, которое по устной традиции передается из века в век от одного народа к другому»* [8, с. 214].

Вот где мы наталкиваемся, в который уже раз, на **заблуждение всего лингвистического направления топонимики!** На то заблуждение, о котором я писал в начале статьи, да и в предыдущих публикациях. Как правило, не реки «сохраняют свое прежнее название». Как правило, лингвистика считает, что реки сохраняют. Но такие реки, как *Москва*, могут и не сохранять единственное имя.

Передача гидронимов допустима в случае очень тесного взаимодействия народов, сильного проникновения одной культуры в другую. Но вообще гидронимы вполне могут не передаваться «из века в век» (и тем более из тысячелетия в тысячелетие) по традиции, смоделированной на бумаге топонимистами, – если для нового народа топоним не связан с его собственным повседневным языком и, тем более, если он чужд, неудобен, непонятен, что и бывало чаще всего в реальности (а не наоборот). В случаях, где доказаны этимологии или большая вероятность этимологий, где имеем минимум лингвистических фантазий, чаще всего получаем, что **сохраняются гидронимы последние, порожденные итоговым населением. Итоговое население было носителем итогового**

языка, который ни в коем случае не исключает, а подразумевает удобные, понятные топонимы как неотъемлемую часть народной речи. Отделять топонимы от всего другого языка – заблуждение.

Не трудно, а невозможno предположить, что основная водная артерия была безымянной. Но **постулат о «передаче» гидронима от одного народа к другому**, напомню, есть **кабинетная абстракция, очень живучая в науке топонимике**. И, к сожалению, не всякий прочитавший эту книгу сможет отказаться от привычной абстракции, – ведь как просто выдвигать «гипотезы», если не требуется изучать и доказывать, как такие-то и такие-то конкретные топонимы «передавались» в действительности! Но другой читатель, надеюсь, уже убедился, что не существует доказательств о заимствовании названия даже в случае такой крупной реки, как *Дон*. А большинство гипотез о сохранении скифских и прочих очень давних топонимов на меньших реках рушатся сразу, как только начать реальный комплексный анализ, как только подключить вкупе данные истории, географии и лингвистики, а также смежных наук, пусть даже неполные данные.

Даже если разнородные этносы жили на реке одновременно, по соседству, они не обязаны были заимствовать название у соседей. Даже если на одной реке обосновались разные группы одного русского этноса, каждая из них могла присвоить своё название. В ситуациях, которые удается достоверно рассмотреть по документам XVIII–XIX вв., не раз сталкиваются (и употребляются одновременно) два, а то и три названия по отношению к селениям или рекам. Но в эти не слишком давние века топонимы все чаще фиксируются в письменных документах и в картографии, и постепенно отбирается единственный вариант. А **древние люди не были скованы никакими бытовыми или правовыми обязательствами при употреблении топонимов**. Если река большая, значит, больше и вероятность, что там одновременно бытовало несколько названий. Попробуйте еще раз представить себя в роли кочующего человека, никогда не видевшего географических карт, не знающего даже поначалу, где исток или конец очень длинной реки. Он назовет реку с притоками так, как выгодно ему и его ближайшему окружению, чтобы сориентироваться и обосноваться на местности.

Очень надеюсь, что привлеку на свою сторону тех начинающих топонимистов, которые осознали, что сложившаяся лингво-топонимическая методика во многом противостоит исторической. Исторические методы требуют сначала уточнять факты, затем выстраивать их в нужной логической последовательности и взаимосвязи и только потом – делать предположения: какие неустановленные события могли произойти исходя из установленных. В лингвистических моделях сплошь и рядом предположения вначале выводятся из внешней похожести слов, а затем на эти предположения накручиваются версии о возможных событиях (в том числе о передаче топонимов). И только потом под догадки подстраиваются нужные исторические факты, причем в достаточно абстрактной форме. Такие-то народы жили поблизости или сменяли друг друга. Но нет фактов, что на таких-то конкретных берегах такой-то народ передал такому-то такое-то конкретное название (для чего, не забудем, нужен только очень тесный культурный контакт)…

Итак, следующая причина, по которой слово «Москва» не разгадано: топонимика еще не отказалась от догмы об обязательной «передаче» названий.

* * * * *

В словарях Е.М. Поспелова (названия мира, 2005; названия России, 2008) славянская версия названа «более убедительно проработанной», чем финно-угорская (но после славянской упомянута и балтская версия, и составитель словарей не смог выбрать приоритетную) [34, с. 181; 22, с. 297]. В словаре по топонимии Московской области (2008) Поспелов отметил, что славянская гипотеза Г.А. Ильинского «в последнее время популярна» и наблюдается возвращение к ней (но одновременно широкое распространение получила и гипотеза о происхождении слова из балтийских языков). Здесь автором словаря названа

также река *Московка*, текущая в Серпуховском районе, с той же этимологией гидронима (однако для краткости упомянута только идея балтского толка) [35, с. 371].

Замечаем, что словари Е.М. Поспелова в оценках гипотез явно ориентируются на словарь Г.П. Смолицкой. По поводу реки *Москвы*: «...Однако трудно допустить, что до прихода славян эта крупная река оставалась безымянной» [22, с. 297]. Кто же с этим будет спорить? Но этого повода не достаточно, чтобы отвергать раздачу славянами собственных имен даже крупным рекам.

Тем временем в книге, посвященной непосредственно топонимии *Москвы* (2007), Р.А. Агеева с соавторами привела «существенное» обстоятельство: соответствие гидрониму *Москва* «в других славянских землях». Эти примеры были найдены сторонниками славянской этимологии: река *Московица* (*Московка*) и ручей *Московец* на Украине, реки *Мозгава*, *Москава* на территории Польши и Германии. В данной книге Р.А. Агеева выступила как автор справок о названиях рек и озер. И у нее обнаруживаем оглядку на те же сомнения: «Но славяне заведомо не были первыми обитателями берегов *Москвы-реки*» [9, с. 325–326].

Впереди нас ждет выяснение вопроса: могли ли славяне заимствовать гидроним у предшественников, по крайней мере, с археологической точки зрения? Состоялся ли тесный и долгий культурный контакт? А пока необходимо добавить, что на самом деле список славянских аналогов гораздо шире – по крайней мере, широк настолько, насколько он приведен в книге В.П. Нерознака (1983). Так, в бассейне *Оки* есть не только подмосковная *Московка*, но и озеро *Москово*, овраг *Московици*. Данные примеры взяты Нерознаком из каталога Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» (1976). Жаль только, что сама Смолицкая почему-то их не использует при истолковании слова «*Москва*». Далее, на Украине, то есть на древних славянских землях, обнаруживаем не одну, а семь рек с именем *Московка*, а в Белоруссии – гидроним *Мускувица* (*Московица*) [6, с. 114]. Добавлю, что белорусскую *Московицу* в Витебской области зовут также и *Московкой*. Таким образом, мы убеждаемся, что имеем дело с понятием, «прозвищем» природных объектов, которое древнему славяно-русскому населению было хорошо знакомо, абсолютно понятно и поэтому распространено в быту, да только со временем оно банально забыто. Разумеется, уже совершенно не удивляемся, что ни одна (!) река-аналог не охарактеризована с историко-географической точки зрения.

Позвольте, а где же оценка позиции В.П. Нерознака в каких-либо последних топонимических словарях? Оказывается, ее нигде нет. Спасибо, что фамилия Нерознака хотя бы упоминается в статье А.Л. Шилова. Возможно, книгу В.П. Нерознака тоже воспринимают не более чем словарь, и напрасно. Предлагаю читателю самому открыть книгу «*Названия древнерусских городов*», чтобы обнаружить в ней выкладки, незаслуженно всеми забытые.

Во-первых, автор досконально изучил летописные записи (хотя и очень кратко их пересказал) – сделал то, о необходимости чего я веду речь с начала этой статьи. А поскольку он и первое упоминание слова «*Москва*» учел (в форме «въ *Московъ*»), и особо обратил внимание на дальнейший вариант «*Московъ*», то закономерно предположил, «что первоначальной формой топонима была не **Москы*, а *Московъ*, *Московь*, которая может быть интерпретирована как посессивное образование от апеллятива **моск* и суффиксов -овъ, -овь».

Во-вторых, как уже было замечено, В.П. Нерознак учел аналоги. В-третьих, он подал пример отыскания смысла в аналогах: болгарская *Мускувица* связана с топкими озерами. Здесь же впервые использован геологический довод, вписывающийся в историческую географию: *Москва* «расположена в центре так называемой Московской котловины – обширного прогиба древнего кристаллического фундамента». И автор дал следующую славянскую этимологию гидронима: «влажное, мокрое, низинное место» [6, с. 114].

Хотя В.П. Нерознак объявил о доказанности этимологии, для топонимического сообщества его доводы оказались недостаточными. И дело не только в субъективном взгляде

топонимики на «передачу» гидронимов. Объективно остались недосказанными географические реалии как для *Москвы-реки*, так и для рек с аналогичными прозвищами. Общего ценного указания В.П. Нерознака на центр Московской котловины мало. Действительно, с трудом верится, что причина гидронима – только в низменности и во влажности.

Особняком стоит позиция академика О.Н. Трубачёва, тоже совершившего возврат к славянской этимологии (1971, 2000). Он отыскивал аналоги на территории Польши. В частности, сделано сравнение *Moskiew* с *Москва*. Однако, по мнению автора, название перенесено вятычами с «ляшской» территории в бассейн *Oki*. Они «воспроизвели» там фрагменты «топонимического ландшафта» своей родины.

По поводу мнимых «переносов» мне уже приходилось неоднократно высказываться критически. Корректно говорить не о «переносе», а о повторе названий в связи с повтором географических условий. И в данном случае согласен с мнением А.Л. Шилова, который возразил О.Н. Трубачёву: «...*Народ на новом месте именует природные объекты с использованием привычных топонимических моделей. Тем самым новые названия оказываются внешне идентичны топонимам оставленной родины. Но это не лишает их самостоятельности, ведь они были созданы на новом месте заново*» [7, с. С. 97].

Славянскую этимологию слова «Москва» однозначно поддержал современный московский лингвист И.Г. Добродомов, которого попросили высказаться в интернет-издании «Русский язык». Топонимист назвал наиболее правдоподобной гипотезу Г.А. Ильинского, однако ни в чем не скорректировал его выводы. Повторена исходная форма «Москы» [36]. Что ж, такое мнение свидетельствует о живучести давней версии, но в результате ни одна из славянских разработок так и не взята на вооружение топонимикой...

* * * *

Во второй части исследования (в следующей статье) будет выполнен критический анализ «балто-славянской версии», которая учитывала гипотетические балто-славянские контакты и поэтому была расценена топонимикой как наиболее совершенная, но все равно не дотягивающая до принятия ее на окончательное вооружение.

Также будет предложена новая авторская гипотеза на славянской языковой основе. В ней рассмотрим недостающие для комплексного подхода историко-географические данные неразрывно с необходимыми историко-археологическими и историко-лингвистическими реалиями.

Библиографический список

1. Попов П. А. Историческая топонимика Воронежского края в контексте топонимики России: этапы развития и проблемы / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2023. – № 3 (36). – С. 78–98.
2. Попов П. А. Воронеж: древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России / П. А. Попов ; послесл. Н. Ю. Хлызовой. – Воронеж : Кварт, 2016. – 608 с.
3. Попов П. А. О происхождении названия реки Дон / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2025. – № 2 (43). – С. 76–87.
4. Попов П. А. Локализация летописных битв на реках Каяле и Калке на основе комплексного топонимического анализа однокоренных гидронимов от Дона до Днепра / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2024. – № 4 (41). – С. 75–93.
5. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
6. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1983. – 208 с.

7. Шилов А. Л. «Москва! Как много в этом звуке...» / А. Л. Шилов // Русская речь. 1997. – № 2. – С. 93–102.
8. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России : Географические названия / Г. П. Смолицкая. – М. : Армада-пресс, 2002. – 416 с.
9. Имена московских улиц : топонимический словарь / [Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, Е. М. Поспелов и др. ; предисл. Е. М. Поспелова]. – М. : ОГИ, 2007. – 608 с.
10. Смолицкая Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский ; АН СССР. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
11. Смолицкая Г. П. История формирования топонимии Москвы / Г. П. Смолицкая // Вопросы географии. – М. : Мысль, 1985. – Сб. 126: Географические названия в Москве. – С. 12–23.
12. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссию. – Спб. : Тип. Э. Праца, 1843. – Т. 2: Ипатиевская летопись. – IX, 377, [4] с.
13. Летопись по Ипатскому списку / Изд-е Археогр. комис. – СПб., 1871. – IX, 616, 33, 28, 12 с.
14. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссию. – Спб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – Изд. 2-е. – 938 стб.; 108 с.
15. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссию. – СПб., 1863. – Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – VII с., 504 стб.
16. Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд-е Археогр. комис. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1872. – XIV, 512, 65 с.
17. Воронеж в документах и материалах / Под ред. В.В. Кудиновой, В.П. Загоровского. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – 272 с.
18. Тихомиров М. Н. Сказания о начале Москвы / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – 1950. – Т. 32. – С. 233–241.
19. Никольский Н. М. Исторический очерк / Н. М. Никольский; Изд-е М. и С. Сабашниковых // По Москве : Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. – М., 1917. – С. 9 – 49.
20. Кондрашев Л. В. Археология Москвы : Древние и современные черты московской жизни / Л. В. Кондрашев. – М. : Изд-во «Э», 2018. – 256 с.
21. Забелин И. Е. История города Москвы. / И. Е. Забелин. – 2-е изд. – М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. – Ч. 1. – XXVI, 652 с.
22. Поспелов Е. М. Географические названия России : топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М. : АСТ; Астрель, 2008. – 523 с.
23. Ипатьевская летопись. XV в. (ок. 1425 г.) // Национальная электронная библиотека. – URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/ipatevskaya-letopis>.
24. Хлебниковский список Ипатьевской летописи // Российская национальная библиотека. – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bc000001339/view/#page=>.
25. Герберштейн С. Записки о московитских делах / С. Герберштейн // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л. : Лениздат, 1986. – 544 с.
26. Попов К. А. Зыряне и Зырянский край / К. А. Попов // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1874. – Т. 13. – Вып. 2. – VI, 89 с.
27. П[огодин] М. [П]. О происхождении имени Москва / М. П. Погодин // Московский вестник. – 1829. – Ч. 3. – С. 86 – 89.
28. Халипов С. Г. Что значит Москва? / С. Г. Халипов // Советское финноугроведение. – 1984. – № 2. – С. 141–143.

29. Хлыбов Е. Москва. Как много в этом слове... / Е. Хлыбов // Регион. – 2017. – № 9. – С. 39–40.
30. Афанасьев А. П. Финно-угорская гипотеза топонима Москва / А. П. Афанасьев // Вопросы географии. – М. : Мысль, 1985. – Сб. 126: Географические названия в Москве. – С. 90–99.
31. Ильинский Г. А. Река Москва / Г. А. Ильинский // Известия Российской академии наук. – [Б. м.] : [б. и.], 1922. – VI сер. – Т. 16. – С. 601–604.
32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва : в 4 т. – М. : Прогресс, 1964–1973.
33. Черных П. Я. Две заметки по истории русского языка. 1. К вопросу о происхождении имени «Москва» / П. Я. Черных // Известия АН СССР. Отд-е лит. и языка. – М.; Л., 1950. – Т. 9. – Вып. 5. – С. 393–401.
34. Поспелов Е. М. Топонимический словарь : ок. 1500 единиц / Е. М. Поспелов. – М. : Астрель; АСТ, 2005.– 332 с.
35. Поспелов Е. М. Географические названия Московской области : топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М. : АСТ; Астрель; Хранитель, 2008. – 603 с.
36. Добродомов И. Г. Москва... / И. Г. Добродомов // Русский язык. – URL: <https://rus.1sept.ru/1997/no34.htm?ysclid=mbxy33d96378811005>.
37. Lehr-Spławinski T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian / T. Ler-Sławiński. – Poznań : Wydawnictwo Instytutu Zachodniego, 1946. – 237 с.
38. Трубачёв О. Н. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнословянської топонімії. // Мовознавство. – 1971. – № 6. – С. 12–13.

УДК 93

Елецкий государственный университет им. И.А.
Бунина
соискатель кафедры истории и историко-культурного
наследия
А.Н. Свиридова
Россия, г. Елец
тел. +79205225346
e-mail: annedave@mail.ru

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
applicant of the department of History and Historical
and Cultural Heritage
A.N. Sviridova
Russia, Yelets,
tel. +79205225346
e-mail: annedave@mail.ru*

А.Н. Свиридова

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЕПИФАНСКОГО УЕЗДА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПОДВОРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1710 Г.

Статья посвящена сравнительной характеристике двух слобод Епифанского уезда на основе подворной переписи 1710 г. Данный источник показывает изменения в социальной структуре населения в начале XVIII в. и отражает информацию о процессе хозяйственного освоения Верхнего Подонья. Кроме того, изученная перепись содержит данные о половозрастном составе населения, позволяет проследить происходящие в регионе демографические процессы, выделить тенденции в развитии местного социума. Сравнение двух различных по составу слобод позволяет увидеть разнообразие социального состава населения.

Ключевые слова: Епифанский уезд, Петровская эпоха, подворная перепись, социальный состав, половозрастная характеристика, освоение Верхнего Подонья.

A.N. Sviridova

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF EPIFANSKY DISTRICT BASED ON THE DATA OF THE HOUSEHOLD CENSUS OF 1710

This article compares two settlements in the Epifansky District based on the 1710 household census. This source reveals changes in the social structure of the population in the early 18th century and provides essential information on the economic development of the Upper Don region. The census contains data on the age and sex composition of the population, allowing us to trace demographic processes occurring in the region and identify trends in the development of local society. Comparing two settlements with different compositions reveals the diversity of the population's social composition.

Key words: Epifansky District, Peter the Great's era, household census, social composition, age and sex characteristics, development of the Upper Don region.

В 1710 году по указу Петра I в Епифанском уезде была проведена подворная перепись населения под руководством Я.И. Беклемишева [3]. Этот ценный источник информации позволяет реконструировать состав дворов и семей, а также проанализировать половозрастную структуру местного населения. Начало XVIII в. ознаменовалось расширением границ государства на юг, что способствовало повышению безопасности территории Епифанского уезда и открывало новые возможности для хозяйственного развития. В целом этот период можно рассматривать как время подведения итогов относительного мирного развития региона за последнее столетие.

История освоения Верхнего Подонья связана с работами ряда современных ученых. В настоящий момент активно изучается сельское население Елецкого уезда в начале XVIII в. [1; 7].

Большое внимание уделяется почвенно-климатическому фактору, влиянию ландшафта [2; 6; 8]. Отдельные работы посвящены социальной характеристике местного общества [9]. Наша статья, основанная на новых данных, дополняет имеющиеся исследования социальной истории региона.

Переписная книга 1710 г., главный источник работы, обладает характерной структурой: в начале следует преамбула, за ней – информация о городе и уезде, разделенная по слободам и станам. Каждый дворовладелец предоставлял «сказку», которая записывалась в перепись на основе его рассказа. Эти «сказки» подробно описывают двор, включая социальный статус жителей, возраст, пол иувечья, а также содержат сопоставления с предыдущей переписью 1678 г. Этот материал делает переписную книгу важным источником для изучения процесса освоения территории Верхнего Подонья в Петровское время.

При работе с данными переписной книги необходимо учитывать их относительный характер. По нашей оценке, степень их достоверности не превышает 65 %. Цифры, представленные в статье, служат для иллюстрации общих тенденций и процессов, происходящих в местном сообществе, и не претендуют на абсолютную точность. Наш основной интерес сосредоточен именно на этих тенденциях, а не на конкретных числовых показателях.

Детальный анализ переписной книги 1710 г. позволяет выявить закономерности в движении населения, дать половозрастную характеристику, оценить демографический потенциал уезда. Поскольку работа с переписью в целом весьма трудоемка, для данной статьи были отобраны две наиболее показательные и контрастные по составу слободы: *Пешая слобода*, расположенная в черте города, и *Козлова слобода* – в уезде, на правом берегу Дона к северу от Епифани. Сравнительная характеристика этих слобод дает общее представление о социальном составе и разнообразии населения, его демографическом потенциале и естественном приросте.

Согласно проведенным подсчетам, в Пешей слободе насчитывалось 38 дворов и 317 жителей, а в Козловой — 7 дворов и 143 человека [2. С. 14-17]. Социальный состав обоих поселений преимущественно состоял из служилых людей (таблица 1). Это объясняется историческим оборонительным значением Епифани, заселенной стрельцами и казаками еще с XVI века [1. С. 37]. Их потомки продолжали нести службу, несмотря на отодвинувшуюся на юг границу. Таким образом, город сохранял военный статус и функции крепости, скорее по традиции, чем по реальной необходимости.

Слободы		Дворы					
		Боярский	Скотный	Крестьянский	Помещичий	Княжеский	Служилый
Пешая слобода	Кол-во дворов	-	-	-	-	-	38
	Числен.	-	-	-	-	-	317 чел.
Козлова слобода	Кол-во дворов	1	2	1	1	1	8
	Числен.	22 чел.	32 чел.	13 чел.	24 чел.	14 чел.	38 чел.

Таблица 1. Социальный состав дворов населения Козловой и Пешей слобод по данным переписи 1710 г.

Данные таблицы 1 показывают, что состав Пешей слободы был достаточно однородным. Показательно, что на момент составления переписи к женщинам добавляли термины «солдатка», «муж на службе», указывающие на их социальную принадлежность в отношении мужчин [3. С. 14]. Это свидетельствует о сохранявшейся патриархальной структуре общества, где статус женщины во многом определялся положением ее мужа или

отца. Кроме того, отсутствие в переписи других социальных обозначений, таких как указание на род занятий или владение имуществом, для большинства женщин, подчеркивает их вторичное положение в общественной иерархии того времени. В то же время наличие подобных уточнений для женской части населения может говорить о стремлении переписи зафиксировать именно те аспекты жизни, которые были наиболее значимы для понимания семейного и социального положения домохозяйства в целом. Поэтому нет ничего удивительного, что в крепости речь шла о солдатках или указывалось на как бы временное положение хозяйки двора, чей муж пребывал на службе.

Социальный состав Козловой слободы был разнообразнее. Первым тут следует отметить боярский двор, где жили деловые люди. Этот двор значился за боярином Алексеем Алексеевичем Головиным (1658–1718), известным царедворцем и сподвижником Петра I. Существование двух дворов скотников, указывает на профессиональную принадлежность и развитие скотоводства в его епифанском имении. В Козловой слободе в 6 дворах проживали солдаты и члены их семей, которые имели одну фамилию – Котосоновы (32 чел.). Вероятно, они были родственниками. А два других двора населяли Азтрецовы и Кокоревы [3. С. 29].

В Пешей слободе служилые люди проживали с семьями. Самые распространенные фамилии были Кулемины, Рогожникова, Дремины, также встречаются Полосухины, Дорины, Селезневы, Щербинины [3. С. 14–17]. Особенность дворов местных служилых людей состояла в их малочисленности: это были неклепанные семьи, где обычно проживали родители и их дети.

Наши подсчеты показывают, что служилые люди Пешей слободы по данным переписи 1710 г. находились на втором месте по численности уступая холопам (деловым людям) боярина А.А. Головина (Диаграмма 1). Затем следовали скотники, и самой незначительной по численности категорией местного населения было местное крестьянство. Как видим, структура населения Пешей слободы в начале XVIII в. характеризовалась доминированием зависимого населения, обслуживающего интересы крупного феодала, и относительно небольшой долей самостоятельного крестьянского хозяйства. Холопы, как наиболее многочисленная из всех категорий, вероятно, выполняли широкий спектр обязанностей, от хозяйственных до административных, обеспечивая функционирование обширного хозяйства боярина А.А. Головина. Служилые люди, занимавшие второе место, могли быть в то время, не только военными, но также заниматься ремеслом и мелкой торговлей. Скотники, очевидно, были заняты в животноводстве, а крестьянство, будучи наименее представленным, могло либо обрабатывать небольшие наделы, либо заниматься промыслами.

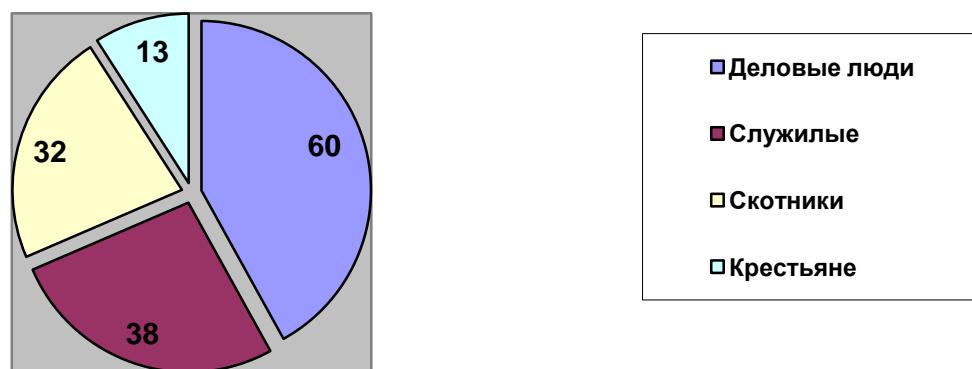

Диаграмма 1. Социальный состав Козловой слободы Себинского стана по данным переписи 1710 г.

Сравнительный анализ дворов показывает, что в Пешей слободе жили служилые люди, а в Козловой – преимущественно «деловые люди» (бывшие холопы и прислуга). Это объясняется тем, что земли Козловой слободы находились в частном владении.

Крестьянский двор принадлежал А.А. Головину и был немногочисленным – 13 чел. Он состоял из трех семей с детьми, средний возраст – 19,5 лет. Все жители двора были родственниками по фамилии Зеновьевы. Крестьянин Алексей Зеновьев был старостой, 50 лет, и предоставил необходимую информацию переписчикам. Однако при этом он утаил людей: «*беглых солдат, мостеров и ремесленных людей не явил*», за что был приговорен к смертной казни [3. С. 28].

Подворная перепись 1710 г. дает возможность рассмотреть демографический потенциал, определить естественный прирост населения. Для сравнения необходимо определить потенциал каждой слободы по отдельности. В Козловой слободе проживало 143 чел. обоих полов и разных возрастов. [3. С. 27 – 29]

Двор	Пол	До 16 л	16-25	25-40	40-60	Старше 60 л
Боярский двор А.А.Головин	м	7	0	2	2	0
	ж	6	0	4	1	0
Крестьянский двор	м	3	0	2	1	0
	ж	4	1	1	1	0
Двор помещика стольника А.И.Ивашкина	м	6	2	5	2	0
	ж	3	1	3	2	0
Княжеский двор И.С.Засекина	м	3	1	3	1	0
	ж	2	2	1	1	0
Дворы скотников	м	7	1	5	2	0
	ж	9	2	4	2	0
Служилый двор	м	6	1	4	4	1
	ж	10	2	8	2	0
Всего	м	32	5	21	12	1
	ж	34	8	21	9	0
		66	13	42	21	1

Таблица 2. Половозрастная характеристика населения Козловой слободы Себинского стана по данным переписи 1710 г.

Таблица 2 демонстрирует, что самой многочисленной возрастной группой в слободе были дети до 16 лет (46% от общего числа жителей). Такая структура населения свидетельствует о естественном приросте. Однако, доля людей трудоспособного возраста (16-40 лет) составила всего 55 человек. При этом, в возрастной категории 16-25 лет мужчин было меньше, что указывает на низкий демографический потенциал. Среди жителей старше 60 лет был зафиксирован лишь один человек – мужчина, проживавший в скотном дворе. В

частновладельческих дворах преобладала группа населения в возрасте от 25 до 40 лет, что объясняется приобретением к этому возрасту необходимых навыков и опыта для ведения хозяйства.

В целом, пешая слобода Епифани являлась достаточно густонаселенным поселением, насчитывающим 317 жителей обоих полов и разных возрастов.

	До 16 лет	От 16 – 25 л	От 25 -40 л	От 40 – 60 л	Старше 60 л
Мужчины	86	16	21	30	2
Женщины	77	33	36	16	2
Всего	161	49	57	46	4

Таблица 3. Половозрастной состав Пешей слободы г. Епифань по данным переписи 1710 г.

Из таблицы 3 видно, что детей до 16 лет было 50% от общего числа всех жителей слободы. Особый интерес представляет количество мужчин в двух категориях – от 16 до 26 лет и от 25 до 40 лет. Это связано с тем, что мужчины несли службу и покидали слободу. Но уже в группе от 40 до 60 лет ситуация изменяется: женщин в 2 раза меньше. Это связано с тем, что после ухода мужа на службу им приходилось выполнять больше работ. Скорее всего, именно поэтому высока была смертность населения старше 40 лет.

Таким образом, очевидно, что в двух слободах численность детей до 16 лет была наибольшей, что говорит о нормальном естественном приросте населения. Вероятно, превращение Епифанского уезда в тыловой способствовало активному хозяйственному освоению земель.

Когорта от 16 до 25 лет обоих полов в Пешей слободе составляла 15%, а в Козловой – 9%. Это низкие показатели, они вызваны социальной особенностью. Так как Козлова слобода в большей степени состояла из деловых людей, которые проживали в частновладельческих дворах, то состав двора определяли не только родственные связи, но и профессиональный фактор, возраст и жизненный опыт. Данная возрастная группа не имела опыта по самостоятельному ведению хозяйства, поэтому помещики охотнее подселяли во дворы людей более старшего возраста.

В двух слободах когорта от 25 до 40 лет – вторая по численности. А соотношение мужчин и женщин в Козловой слободе равное, в Пешей слободе женщин было больше. Это обусловлено тем, что Пешая слобода полностью состояла из служилых людей, и мужчины находились на военной службе, проживая в отдалении от семей. Вероятно, этот фактор был главной социальной проблемой для местного населения.

Возрастные группы от 16 до 40 лет имели важное значение по формированию демографического потенциала. В Козловой слободе они составили 39%, а в Пешей – 33% от общего числа жителей. Таким образом, видно, что людей репродуктивного возраста составляло 1/3 в обеих слободах, а это указывает на наличие демографического потенциала в регионе. При сохранении благоприятных условий численность населения будет со временем, безусловно, увеличиваться.

В Козловой слободе возрастная группа от 40 до 60 лет составляла 14%, в Пешей – также 14% от общего числа жителей. Снижение количества людей старше 40 лет было характерным явлением того времени, связанным с отсутствием медицины и тяжелыми условиями труда.

Демографический потенциал можно проследить, проанализировав состав семей, проживавших в двух слободах. В начале XVIII в. основным типом семьи была

патриархальная. Это очевидно из того, что понятие «вдовец» почти не использовалось в переписи 1710 г., а также из отношения к детям от вторых браков. Дети от предыдущих браков женщин определены статусами «пасынок», «падчерица», что делало их в семейной иерархии ниже, чем кровных детей от мужчины.

Также присутствовала традиция принимать сирот на воспитание. Причем в переписи указывались фамилия и имя отца, возможно, что положение детей было в семейной структуре низким. В Пешей слободе 4 семьи воспитывали племянников, а семьи с приёмными детьми – 2. В Козловой слободе всего 1 ребенок был без семьи, но проживал с другими родственниками. Традиция брать в семью детей вызвана необходимостью: условия жизни требовали большого количества рабочей силы, поэтому ребенок становился работником, а повзрослев, выполнял более сложную работу по хозяйству.

В Пешей слободе проживало 61 брачных пар, из этого числа 31 семья воспитывала детей с одним родителем. Это связано с тем, что социальный состав слободы состоял из служилых людей, мужчины находились на службе. В Козловой слободе по данным переписи проживало 38 семей, из них 2 семьи, где мужья находились на службе.

<i>Слобода</i>	<i>Семьи без детей</i>	<i>1 ребенок</i>	<i>2 ребенка</i>	<i>3 ребенка</i>	<i>4 и более детей</i>
Козлова	7 – 18%	10 - 27%	7 – 18%	12 – 32%	2 – 5%
Пешая	6 – 10%	16 - 26%	22 – 36%	7 – 11%	10 – 17%

Таблица 4. Сравнительный анализ состава семей в Козловой и Пешей слобод по данным переписи 1710 г.

Из таблицы 4 видно, что бездетные семьи составляли 15 % от общего числа семей двух слобод. Преобладают семьи с 2 детьми – 31%. Социальный состав Пешей слободы однородный – мужчины репродуктивного возраста в период проведения переписи находились на службе, поэтому семьи с 1 и 2 детьми наиболее распространены. Козлова слобода имеет разнообразный состав, поэтому количество семей с 3 детьми преобладает.

На численность детей также влияли уровень детской смертности и условия жизни. Важно учесть и возраст матерей на момент рождения их детей. Эти данные позволяют определить возрастные интервалы между рождением старшего и младшего ребенка. В Пешей слободе проживает 52 матери. Две женщины, не имеющие собственных детей в силу юного возраста, вероятно, являются мачехами. В Козловой слободе насчитывается 31 мать, из которых 20 – многодетные.

<i>Возраст</i>	<i>Возраст матери при рождении старшего ребенка</i>		<i>Возраст матери при рождении младшего ребенка</i>	
	<i>Пешая сл.</i>	<i>Козлова сл.</i>	<i>Пешая сл.</i>	<i>Козлова сл.</i>
До 20 лет	19 женщин	8 женщин	4 женщины	1 женщина
20-30 лет	27 женщин	14 женщин	21 женщина	10 женщин
30-40 лет	4 женщины	5 женщин	18 женщин	6 женщин
Старше 40 лет	2 женщины	4 женщины	3 женщины	3 женщины

Таблица 5. Возраст женщин на момент рождения старшего и младшего ребенка по данным переписи 1710 г.

Анализ данных таблицы 5 демонстрирует, что пик рождаемости приходится на возраст женщин от 20 до 30 лет. Наличие детей у женщин младше 20 лет свидетельствует о раннем возрасте вступления в брак, который составлял 16-18 лет. Несмотря на высокую рождаемость, выживаемость детей оставалась крайне низкой. Одной из причин этого могло

быть недостаточное качество ухода за младенцами. Молодые матери были вынуждены совмещать тяжелый труд в поле с материнскими обязанностями, что приводило к перекладыванию ухода за новорожденными на других членов семьи или общины.

Рассматривая возраст матерей при рождении младших детей, мы наблюдаем изменение тенденций. Увеличивается доля женщин, рожающих после 30 лет (старородящих). Это связано с изменением социального положения женщин: они перестают заниматься полевыми работами и уделяют больше внимания ведению домашнего хозяйства. Как следствие, повышается выживаемость новорожденных.

В целом, условия жизни в Козловой и Пешей слободах были схожими. Основное различие заключалось в социальном статусе их жителей. Пешая слобода относилась к служилым поселениям, что позволяло ее населению получать дополнительные средства. В то же время жители Козловой слободы могли рассчитывать только на собственные ресурсы.

В начале XVIII века Епифанский уезд отличался значительным социальным разнообразием. Основную часть населения составляли служилые люди – потомки первых поселенцев этого края несмотря на то, что государственная граница к тому времени значительно продвинулась на юг. Сравнение населения двух выбранных слобод выявило наличие различных типов частновладельческих дворов, в которых проживали деловые люди. Также наблюдалось разделение дворов по профессиональному признаку и наличие единственного крестьянского двора. Служилые люди составляли 77% от общего числа жителей этих слобод. Кроме своей главной обязанности, они занимались торговой и ремесленной деятельностью. Демографический потенциал изученных поселений, судя по половозрастной структуре населения, был достаточно высоким. Однако следует отметить проблемы, связанные с военной службой мужчин и высокой смертностью женщин старше 40 лет. Это говорит о том, что, несмотря на относительную стабильность и заселенность региона, существовали факторы, сдерживающие его дальнейшее развитие и благосостояние местных жителей. Преобладание служилых людей, выполнявших военную функцию, свидетельствует о старой сложившейся традиции, хотя уже не имевшей большого смысла. В то же время, разнообразие частновладельческих дворов и присутствие «деловых людей» свидетельствуют о развитии экономики региона.

Библиографический список

1. Гайтерова, К.Г. Сельские поселения Елецкого уезда в XVII - начале XVIII вв. (на примере Засосенского стана) // Студенческое сообщество и современная наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Под редакцией Н.А. Жирова. 2020. С. 38-44.
2. Горская, Е.А., Гласко, М.П., Александровский, А.Л. Изменения почв и рельефа поймы верховьев Дона в районе поселений XVI–XVII вв. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 6. С. 67–81.
3. Кусакин, С. В. От Великого Петра до Екатерины Великой. Епифань и Епифанский уезд в XVIII в. Тула: Куликово поле, 2023. – 127 с.
4. Перепись населения Епифанского уезда 1710 г. / Сост. и подгот. текста С.В.Кусакин, науч.ред. А.В.Лаврентьев; под общ. ред. А.Н. Наумова. Тула: Государственный музей – заповедник «Куликово поле», 2018 - 463 с.
5. Лаврентьев, А.В. Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле, - М.: «Древнехранилище», 2005.- 230 с.
6. Ляпин, Д.А., Прошунина, Е.В. Почвенно-климатические условия хозяйственного освоения Верхнего Подонья в XVII – первой четверти XVIII века // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2025. № 12 (1). С. 19-34.
7. Ляпин, Д.А., Мельникова, А.Р. Сельские поселения черноземных уездов европейской России в XVII-первой трети XVIII вв. // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 5. С. 51–60.

8. Ляпин, Д.А. «Почвенный фактор» в истории освоения территории современного Центрального Черноземья во второй половине XVI - первой половине XVII в. // История: факты и символы. 2024. № 4 (41). С. 89-97.

9. Мельникова, А. Р. Динамика социально-демографического развития сельских поселений региона Центрального Черноземья в XVIII – первой четверти XIX вв. // История: Факты и символы. 2023. № (3). С. 115-126.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический
университет
соискатель кафедры философии, социологии и
истории
А.Н. Сиротин
Россия, г. Воронеж
тел. 89911176212;
e-mail: sirotin.aleksandr@lenta.ru

Voronezh State Technical
University
applicant of the Department of Philosophy, Sociology
and History
A.N. Sirotin
Russia, Voronezh,
tel. 89911176212;
e-mail: sirotin.aleksandr@lenta.ru

А.Н. Сиротин

СПОРТСМЕН МАКСИМИЛИАН КУУЗИК – ЧЕМПИОН И ОСНОВАТЕЛЬ ГРЕБНОГО СПОРТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Максимилиан Куузик, русский спортсмен из великого княжества Финляндского являлся настоящей гордостью дореволюционного российского спорта. Он неоднократно побеждал во внутренних турнирах российских яхт-клубов и гребных клубов. Успешно представлял Максимилиан Куузик отечественный спорт и на международной арене. Дважды русский спортсмен выигрывал открытый чемпионат Нидерландов по гребле. Именно Максимилиан Куузик удостоился чести завоевать первую олимпийскую медаль по гребле на Олимпиаде в городе Стокгольме в 1912 г. Одновременно Максимилиан Куузик проявил себя на поприще организатора российского спорта. Под его руководством было создано санкт-петербургское эстонское спортивное общество «Калев». Научная статья рассматривает основные вехи биографии выдающегося российского спортсмена начала XX в.

Ключевые слова: Максимилиан Куузик, гребной спорт, российский спорт, международные соревнования, открытый чемпионат Нидерландов по гребле, яхт-клубы, гребные клубы, международное спортивное движение, всероссийские соревнования, санкт-петербургское эстонское спортивное общество «Калев», Олимпиада 1912 г. в Стокгольме, олимпийская медаль.

A.N. Sirotin

ATHLETE MAXIMILIAN KUUZIK IS A CHAMPION AND FOUNDER OF ROWING IN THE RUSSIAN EMPIRE

Maximilian Kuuzik, a Russian athlete from the Grand Duchy of Finland, was the real pride of pre-revolutionary Russian sports. He has repeatedly won domestic tournaments of Russian yacht clubs and rowing clubs. Maximilian Kuuzik successfully represented Russian sports in the international arena. The Russian athlete has won the Dutch Open Rowing Championship twice. It was Maximilian Kuuzik who was honored to win the first Olympic medal in rowing at the Olympic Games in Stockholm in 1912. At the same time, Maximilian Kuuzik proved himself to be an organizer of Russian sports. Under his leadership, the St. Petersburg Estonian sports society Kalev was established. The scientific article examines the main milestones of the biography of an outstanding Russian athlete of the early twentieth century.

Key words: Maximilian Kuuzik, rowing, Russian sports, international competitions, Dutch Open Rowing Championship, yacht clubs, rowing clubs, international sports movement, all-Russian competitions, St. Petersburg Estonian sports Society «Kalev», 1912 Olympics in Stockholm, Olympic medal.

Некоторые спортсмены в отечественной истории спорта представляют собой уникальные личности. Наверное, таким человеком и является Максимилиан Куузик, стоявший у самых истоков российского гребного спорта и достойна представлявший Российскую Империю на международной арене.

Начало XX в. стало временем бурного развития водных видов спорта в Российской Империи. Соревнования по гребному спорту проводились на базе многочисленных яхт-клубов и гребных обществ. Надо отметить, что яхт-клуб и гребное общество существовали практически в каждом крупном российском губернском городе [7]. (Рис. 1)

Гребные гонки въ петербургскомъ рѣчномъ яхтъ-клубѣ 1-го юля т. г. Участники гонокъ и члены петербургскаго гребнаго общества и рѣчнаго яхтъ-клуба. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

Участники соревнований санкт-петербургского гребного общества

Гребные общества Российской Империи объединились в рамках Всероссийского союза гребных обществ [1]. Данная организация пыталась учесть все нужды русского гребного спорта и дважды – в 1913 г. [2] и 1914 г. [3] уточняла собственный устав. Именно в этот период и прославился русский спортсмен Максимилиан Кузик. Уроженец великого княжества Финляндского и эстонец по национальности Максимилиан Куузик сначала учился в столичном Санкт-Петербурге, а затем окончил престижный Оксфордский университет в Великобритании.

Максимилиан Кузик принимает активное участие во всероссийских гребных соревнованиях различного уровня. Достаточно привести список побед Максимилиана Куузика за 1910 г.:

1. Старты Всероссийского союза гребных обществ на реке Малая Невка – дистанция одиночка-скиф.
2. Приз в память 50-летия Санкт-Петербургского речного яхт-клуба – дистанция для гребного судна тройки [4, с. 21].
3. Старты Императорского речного яхт-клуба на реке Средняя Невка – дистанция для гребного судна тройки [4, с. 5].
4. Кубок памяти Г.К. Баумейстера – дистанция для гребного судна восьмерки.
5. Первенство Невы – дистанция одиночка-скиф.
6. Приз Императорского речного яхт-клуба на реке Средней Невке на юбилейный приз почетного члена К. А. Уткина – дистанция одиночка-скиф [4, с. 6].

7. Приз санкт-петербургского гребного общества на Кубок Ф.П. Осецкого – дистанция для гребного судна тройки.

Только в 1910 г. спортсмен Максимилиан Куузик одержал победы над представителями следующих отечественных водноспортивных обществ:

- Английское гребное общество «Стрела».
- Императорский речной яхт-клуб.
- Московский речной яхт-клуб.
- Митавский гребной клуб.

Коронной дистанцией для Максимилиана Куузика была одиночка-скиф. В этой дисциплине Максимилиан Куузик трижды в 1910 г., 1913 г. и 1914 г. становился абсолютным чемпионом Российской Империи. (Рис. 2)

Максимилиан Куузик

Однако настоящим триумфом для русского гребца Максимилиана Куузика стала международная арена. В 1909 г. и 1910 г. Максимилиан Куузик на своей коронной дистанции одиночка-скиф дважды побеждает в открытом чемпионате Нидерландов. На дистанции Максимилиану Куузику противостоят спортсмены иностранных спортивных обществ следующих стран:

1. Нидерланды.
2. Германия.
3. Франция.
4. Бельгия.

Максимилиану Куузику удается одержать победу над такими спортсменами как европейский и французский чемпион де Ля План и неоднократные призеры международных соревнований разного уровня германские гребцы Г. Беттингер и М. Штанке [4, с. 5].

Правление Всероссийского союза гребных обществ приветствовало на страницах своего печатного издания двойную победу своего активного члена Максимилиана Куузика и отмечало, что данное событие являлось показателем развития гребного спорта на всей территории Российской Империи.

Само соревнование прошло на дистанции в 1700 метров на реке Амстель в городе Амстердаме [4, с. 21].

Следующей закономерной ступенью международного триумфа российского гребца Максимилиана Куузика стала Олимпиада 1912 г. города в городе Стокгольме. Надо сказать, что данная Олимпиада вызвала настоящий интерес у всех представителей российского гребного спорта [6]. На своей любимой дистанции 1700 метров для одиночки-скиф выдающий спортсмен выигрывает в городе Стокгольме первую бронзовую медаль Олимпийских игр в гребле. (Рис. 3)

Российский спортсмен Максимилиан Куузик в полуфинале Олимпиады в городе Стокгольме в 1912 г.

Одновременно Максимилиан Куузик отличился и в организаторской спортивной деятельности. Он стал одним из основателей санкт-петербургского эстонского спортивного общества «Калев». В структуре санкт-петербургского эстонского спортивного общества «Калев» проходили соревнования по следующим видам спорта:

1. Теннис.
2. Футбол.
3. Гребля.
4. Плавание.
5. Греко-римская борьба.
6. Легкая атлетика.

Обращает внимание, что спортивное общество было национальным, т.е. эстонским. Санкт-Петербургское эстонское спортивное общество «Калев» заняло достойное место среди других столичных национальных эстонских общественных организаций – эстонское

просветительское общество, общество студентов эстонской национальности и общество борьбы за трезвость среди эстонцев.

Максимилиан Куузик с первых дней существования санкт-петербургского эстонского спортивного общества «Калев» занимался его проблемами. В правлении организации он долгое время избирался на пост секретаря. Практически санкт-петербургское эстонское спортивное общество «Калев» стояло у истоков зарождения эстонского национального спорта во многих олимпийских дисциплинах. (Рис. 4)

Правление и спортсмены санкт-петербургского эстонского общества «Калев»

Спортивной карьере Максимилиана Куузика положили конец события общенационального российского кризиса, т.е. февральской и октябрьской революций, а затем Гражданской войны. После октябрьской революции 1917 г. представители советской власти арестовали Максимилиана Куузика. Однако дипломаты нового буржуазного эстонского государства смогли добиться возвращения им своего знаменитого спортсмена и общественного деятеля.

Максимилиан Куузик вступает в ряды эстонского спортивного клуба «V.S. Sport». Данная спортивная организация специализировалась в следующих спортивных дисциплинах на территории буржуазной Эстонии:

- Футбол.
- Волейбол.
- Баскетбол.
- Бокс.
- Греко-римская борьба.
- Легкая атлетика.
- Тяжелая атлетика.
- Конькобежный спорт.

Хоккей с мячом.

Максимилиан Куузик в эстонском спортивном клубе «V.S. Sport» прославился как талантливый тренер по боксу.

Однако в 1924 г. Максимилиан Куузик навсегда покидает Эстонию и отправляется жить в Североамериканские Соединенные Штаты в штат Вашингтон. На новой родине он владел автомобильной мастерской и прожил долгую жизнь. Правда, уже не связанную со спортом. Умер Максимилиан Куузик в 1965 г. в возрасте 88 лет. Похоронили известного дореволюционного российского гребца на кладбище Парк-Хилл в округе Кларк, штат Вашингтон.

**Вход на кладбище Парк-Хилл в округе Кларк, штат Вашингтон,
где похоронен Максимилиан Куузик**

Таким образом, стоявший у истоков российского гребного спорта Максимилиан Куузик прославился как победителей открытых чемпионатов Нидерландов, призер Олимпийских игр в Стокгольме и чемпион внутренних водноспортивных соревнований. Одновременно Максимилиан Куузик был спортивным организатором зарождающегося национального эстонского спорта. Высокую оценку спортивным достижениям и общественной деятельности Максимилиана Куузика давали правление Всероссийского союза гребных обществ и эстонские политики.

Библиографический список

9. Большая иллюстрированная энциклопедия яхт-клубов. Всероссийских союз гребных обществ. – URL: <https://web.archive.org/web/20100705184234/http://book.nationalclass.ru/encyclopedia/Vserossiyskiy-soyuz-grebnih-obschestv/> (дата обращения: 19.10.2025).

10. Устав Всероссийского союза гребных обществ; Общие гоночные правила. – Санкт-Петербург, 1913. – 31 с.

11. Устав Всероссийского союза гребных обществ; Общие гоночные правила. –Санкт-Петербург, 1914. – 28 с.
12. Памятный листок Всероссийского союза гребных обществ за 1910 год. – СПб., 1911. – 38 с.
13. Памятный листок Всероссийского союза гребных обществ за 1912 год. – 1913. – 41 с.
14. Пантелеев Ю. А. Парус – моя жизнь/ Ю.А. Пантелеев. – Ленинград., 1984. – 216 с.
15. Российские яхт-клубы, парусные и гребные общества // Русское судоходство, торговое и промысловое на реках, озерах и морях. – 1890. – № 123 – 124. – С. 95 – 100.

УДК 929

Воронежский государственный аграрный
университет имени Петра I
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории, философии и социально-политических
дисциплин
Россия, г. Воронеж,
тел. 8(906)672-01-38;
e-mail: galcka.sh@yandex.ru

Voronezh State Agrarian University
named after Peter I
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the
Department of History, Philosophy and Socio-Political
disciplines
Russia, Voronezh,
tel. 8(906)672-01-38;
e-mail: galcka.sh@yandex.ru

Г.И. Шишлянникова

ПРИНЦИПЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ДЕТЕЙ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Семья последнего российского монарха Николая II вошла в историю нашей страны как символ крушения великой империи. Имена членов этой семьи ассоциируются с одной из самых кровавых драм начала XX столетия. Сегодня, когда многие документы тех лет находятся в широком доступе и многие хорошо известны не только специалистам, но и широкому кругу читателей появляется возможность комплексного и объективного исследования разных сторон жизни императорской семьи. Дневники императора, его переписка с супругой и детьми, многочисленные воспоминания современников, которые были опубликованы ранее только за рубежом, сегодня проливают свет на некоторые страницы нашей истории. В данной работе предпринята попытка дополнить уже известные образы царских детей новыми фактами, более детально проанализировать принципы семейного воспитания в этой семье.

Ключевые слова: православная семья, воспитатель, цесаревич, великие княжны, императрица Александра Фёдоровна, последний российский самодержец, образование наследника престола.

G.I. Shishlyannikova

PRINCIPLES OF FAMILY EDUCATION AND SOME DETAIL TO PORTRAITS OF THE CHILDREN OF EMPEROR NICHOLAS II

The family of the last Russian monarch, Nicholas II, has gone down in the history of our country as a symbol of the collapse of the great empire. The names of the members of this family are associated with one of the bloodiest dramas of the early 20th century. Today, when many documents from those years are widely available and many are well known not only to specialists, but also to a wide range of readers, there is an opportunity for a comprehensive and objective study of various aspects of the imperial family's life. The emperor's diaries, his correspondence with his wife and children, and numerous memoirs of his contemporaries, which were previously published only abroad, shed light on certain pages of our history. This work attempts to supplement the already known images of the tsar's children with new facts and to analyze the principles of family upbringing in this family in greater detail.

Key words: orthodox family, tutor, Tsarevich, Grand Duchesses, Empress Alexandra Feodorovna, the last Russian autocrat, and the education of the heir to the throne.

Сегодня широко известны семейные фотографии последнего российского самодержца. Он с супругой и детьми смотрит на нас со страниц различных книг, с экрана телевизора, так как о нем снято сегодня много передач и фильмов, а также на церковных иконах, поскольку семья была канонизирована. Спокойные, благородные лица детей вызывают вопросы: какими они были эти царственные дети? Для многих их жизнь казалась сказкой. Но так ли это было на самом деле?

Может быть за высоким забором Александровского дворца в Царском Селе жили обычные дети, со своими детскими проблемами и радостями? Может быть они шалили, как все обычные дети или наоборот, были слишком послушны? В данной работе мы попытаемся ответить на вопрос: сложно ли быть ребёнком в императорской семье и какими были на самом деле в реальной жизни дети последнего российского самодержца. На сколько сильно отличалась их жизнь от жизни обычных детей того времени.

Сначала определим общие принципы воспитания в этой конкретной семье. Отметим, что прежде всего это была православная семья. Поэтому все принципы соответствовали прежде всего православным нормам. В приоритете безусловно было духовное воспитание. Императрица Александра Фёдоровна часто об этом говорила и писала в письмах. Она подчеркивала важность духовной основы во всём. Считала обязательным приоритет духовных ценностей над материальными и осуждала семьи, где родители прежде всего заботились о благосостоянии детей, а не об их духовно-нравственном облике. Она осуждала такие семьи.

Современник событий, приближенный к императорской семье генерал М.К. Дитерихс в своей книге “Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале” писал: “Весь внешний и духовный уклад домашней жизни царской семьи представлял собой типичный образец чистой, патриархальной жизни простой русской религиозной семьи. Вставая утром от сна или ложась вечером, каждый из членов семьи совершал свою молитву, после чего утром, собравшись по возможности вместе мать или отец громко прочитывали прочим членам положенные на данный день Евангелие или Послание.” [1, с. 76].

Действительно, император и императрица были очень религиозными людьми. В своих письмах друг к другу и в дневниковых записях они очень часто упоминали Бога или размышляли на разные темы, связанные с религией. Так например, в день смерти отца 20 октября 1894 года Николай Александрович записал в своём дневнике: “Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого папа. Голова кругом идёт, верить не хочется до того неправдоподобной кажется действительность” [2, с. 43]. В личной переписке еще чаще супруги упоминали Бога, часто ходили на службу, отмечали все православные праздники и посещали святые места. В их личных покоях было всегда много икон, особенно в спальне Александровского дворца в Царском Селе. Сегодня их личная спальня воссоздана и на экспозиции представлены над кроватью иконы, которые висели при жизни царских особ.

Сам император Николай II вырос в образцовой семье Александра III и Марии Фёдоровны. С детства его окружали любящие родители, братья и сёстры. Перед глазами юного Николая Александровича всегда был пример грозного, но очень любящего отца. Александр Александрович был властным императором, но при этом спокойным и любящим семьянином. Они с Марией Фёдоровной отлично дополняли друг друга. Все знали, что очень строгий супруг прислушивался к советам миниатюрной супруге. Про них действительно справедливо говорили: “Муж - голова, жена - шея”.

Скончался властный император Александр III 20 октября 1894 года в Ливадийском дворце на плече у своей любимой супруги, которая до последнего вздоха была рядом. Мария Фёдоровна на много лет пережила мужа, но всегда очень бережно хранила память о нём и очень хотела, чтобы её похоронили в усыпальнице Петропавловского собора рядом с любимым мужем. Об этом она написала в завещании. Скончалась она 13 октября 1928 года у себя на родине в Роскилле и сначала была похоронена в фамильном склепе. Её завещание удалось выполнить не скоро. Лишь 28 сентября 2006 года прах с телом Марии Фёдоровны был перенесён в усыпальницу русских императоров.

Не менее крепкой и любящей сложилась семья и у последнего российского монарха. По мнению всех без исключения современников это была очень крепкая, дружная семья. Образец для других. Так например, полковник Е.С. Кобылинский писал: “Про всю августейшую семью в целом я могу сказать, что все они любили друг друга и жизнь в своей

семье всех их духовно так удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительной, дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и, думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу” [10, с. 7].

Полностью единодушны с полковником в своих воспоминаниях фрейлина и близкая подруга императрицы Анна Вырубова (Танеева) [9], воспитатель цесаревича Пьер Жильяр [3], дочь доктора Боткина Татьяна [4] и многие многие другие. Все они очень близко знали царскую семью, входили в так называемый “ближний круг” и одинаково восхищенно отзывались обо всех августейших особых.

Так получилось, что в 1904 году после рождения наследника престола цесаревича Алексея Николаевича семья была вынуждена переехать в Александровский дворец в Царском Селе. Так легче было скрывать болезнь мальчика и заниматься его лечением. Долгое время наследственная болезнь наследника - гемофилия была государственной тайной. С этого момента семья стала вести еще более замкнутый образ жизни и принимать минимальное участие в светских мероприятиях. Александрия, как они как они называли своё имение, стала для них островком спокойной и уединённой семейной жизни. Здесь царили любовь, понимание и поддержка.

Сегодня в разных изданиях опубликованы практически все дневниковые записи Николая II, а также его переписка с родителями, супругой, детьми, родственниками и друзьями. Для нашего непосредственного исследования наибольший интерес представляет переписка императора с детьми и супругой. Их письма - история большой, долгой и неугасающей любви. В них они обсуждали семейные события, делились своими планами, высказывали своё мнение и, конечно давали друг другу советы. Принципы семейного воспитания очень четко прослеживаются в советах и наставлениях, которые давали родители своим детям.

Главная роль в воспитании детей, конечно принадлежала матери - императрице Александре Фёдоровне. Она считала основой всего - религиозное воспитание. В своих записках она писала: “Религиозное воспитание - самый богатый дар, который родители могут оставить своему ребёнку в наследство. Это нельзя заменить никаким богатством”. [10, с. 8]. Как уже говорилось выше в спальне императрицы, да и во всём Александровском дворце было очень много икон. Супруги много молились, строго соблюдали посты и религиозные нормы. В их семье главный принцип воспитания - почитание Бога и безграничная любовь к нему и ко всем окружающим. Особая религиозность не мешала, а наоборот помогала быть им строгими и последовательными родителями в вопросах воспитания.

Последняя российская императрица была рачительной хозяйкой, очень бережливой дамой. К рождению своих детей она всегда сама шила им некоторую одежду. Вообще одежда августейших детей. Как и в обычных семьях, передавалась по наследству. Младшие донашивали за старшими. Детская одежда всегда была чистой, опрятной, но иногда её приходилось заштопывать. Безусловно, на выход имелась парадная одежда, но в повседневной жизни использовалась более простая. Императрица приучала детей к аккуратности и бережливости, сама не тратила средства понапрасну, экономно вела хозяйство и приучала к этому детей. Интересен следующий факт: на каждое день рождения Александра Фёдоровна дарила своим дочерям по одной большой жемчужине для того, чтобы к совершеннолетию у них сложилось целое ожерелье.

Игрушек, конечно хватало. Но дети знали им цену и бережно к ним относились. В Александровском дворце представлены сегодня ёлочные украшения и другие игрушки детей из этой семьи. Очень тщательно Александра Фёдоровна подходила к рациону питания. Она интересовалась основами здорового питания и следила за тем, чтобы все члены семьи выработали правильные пищевые привычки. Сладкое было ограничено. Приветствовались здоровые завтраки, обеды и ужины. Утром часто ели овсянку со сливочным маслом и яйцо. В обед обязательно суп. В рационе присутствовало много овощей и достаточное количество фруктов. Конечно по праздникам позволялись изысканные блюда и десерты. Сама мама

императрица например любила спагетти и заразила этой любовью старших девочек. Так как Александра Фёдоровна много времени провели при дворе своей английской бабушки знаменитой королевы Виктории, то трепетно относились ещё к одной традиции - чаепитию. Эта семья была в целом традиционной, похожей на множество других российских семей того времени.

И всё таки это была не простая, а августейшая семья. К которой было приковано всеобщее внимание и на которую были возложены особые обязанности. Не смотря на единённый образ жизни, жизнь всех членов семьи была всегда на виду. Дети с ранних лет осознавали своё высокое положение. Они старались не позволять себе шалить или некорректно себя вести в общественных местах. Но при этом они оставались детьми и с ними приключались разные казусы о чём они сами писали в своих письмах и вспоминали современники. Но это были обычные детские случайности на которые в других семьях никто бы и не обратил внимание.

Дети очень любили друг друга. Были близки между собой. Не случайно в письмах родителям они подписывались: "ОТМА и Алексей", по заглавным буквам имён девочек. В 2023 году в Малом Эрмитаже была открыта временная выставка с таким названием. На выставке были представлены личные вещи царских детей: их одежда, тетради, рисунки, игрушки, записки друг другу, письма. Эта выставка действительно раскрыла перед зрителями атмосферу детского мира императорской семьи [6].

Государыня была строгой матерью. Она очень внимательно следила за внешним видом и поведением, манерами детей. У них был строгий распорядок дня. Александра Фёдоровна тщательно подбирала штат детской прислуги, потом следила, чтобы они добросовестно работали. Тот факт, что в подвал Ипатьевского дома вместе с членами семьи спустились доктор Е.С. Боткин, горничная А.С. Демидова, лакей А.Е. Трупп, повар И.М.. Харитонов свидетельствует о том, какие преданные и верные люди окружали семью, какие тёплые отношения были не только между членами семьи, но и среди ближайшего окружения.

Большое внимание Александра Фёдоровна уделяла досугу детей. Она очень не любила, чтобы дети праздно проводили время. Она часто сама подбирала им занятия. В свободное время дети занимались музыкой рукоделием, много времени читали. В семье последнего российского самодержца любимым вечерним занятием было чтение. Родители и дети собирались в уютной гостиной и читали вслух. Люблили русскую классику, религиозную литературу. В дневниках императора Николая II часто упоминается чтение: "...Читал после час...", "...Читали вместе...", "...читал много..." [2, с. 89].

Таким образом, в семье последнего русского самодержца существовали свои принципы воспитания и семейные традиции, которые оказали безусловно существенное влияние на процесс воспитания детей. Николай Александрович и Александра Фёдоровна пытались воспитывать детей прежде всего на личных примерах. Они сами были религиозны и прививали это своим детям, вместе с детьми они вели здоровый образ жизни. Заниматься активно спортом императрице не позволяло слабое здоровье, а вот монарх был в отличной спортивной форме, он любил подтягиваться на турнике, любил длительные конные прогулки, утром делал зарядку. Больше всего возможность заниматься спортом появлялась на отдыхе в Ливадии. Не случайно от любимого Ливадийского дворца по побережью Чёрного моря до сих пор простирается так называемая "царская тропа" по которой он очень любил кататься на лошади и откуда открываются поистине удивительные виды.

А ещё на личном примере родители учили детей служить отечеству и помогать людям. Александра Фёдоровна много занималась благотворительностью. На отдыхе в Ливадии сложилась особая традиция. Дети изготавливали из бумаги белые цветы и собственноручно потом их продавали. Собранные деньги шли на развитие туберкулёзных лечебниц в Крыму. Так и возник хорошо известный сегодня "Праздник Белого цветка". В годы Первой мировой войны старшие дочери вместе с матерью стали сёстрами милосердия и

работали в госпитале. Они делали перевязки раненым, помогали на операциях врачам, ухаживали за больными. Ольга и Татьяна стали хорошими сёстрами милосердия. Многие раненые о них отзывались с благодарностью. Родители считали, что это хороший жизненный опыт. Они хотели, чтобы дети увидели реальную жизнь и не были сильно удалены от народа. “Родители считали, что в госпитале они научатся смотреть на людей открытыми глазами, так как это потом очень поможет им в жизни” [10, с. 17].

Большое внимание в этой семье уделялось дневниковым записям. Император и императрица с детских лет сами вели дневники и советовали детям делать тоже самое. Они учили наследников быть дисциплинированными, ответственными, аккуратно вести дневниковые записи, чтобы четко и правильно формулировать свои мысли.

Родители понимали, что дети должны не только учиться и всегда заниматься каким-либо делом, но и играть. Сестры и брат были очень дружны. Они вели относительно замкнутый образ жизни, постоянно ощущали своё высокое положение, поэтому в какой-то мере были лишены возможности часто и много играть со сверстниками на улице и ходить к ним в гости. Они были ограничены высокими дворцовыми оградами и чаще находились в обществе друг друга. У них был свой детский мир. Они сами придумывали себе развлечения и забавы: участвовали в театральных представлениях, играли в шарады, придумывали ребусы. Летом учились плавать, катались на шлюпках, рыбачили в финских шхерах и Гатчине. Особенно любили отдыхать в Ливадии. Там проводили много времени на море и в поездках.

Императорская семья понимала, что дети живут уединённо в силу особых обстоятельств, поэтому всегда пытались разными способами это компенсировать. Наследникам разрешалось играть с детьми прислуги и крестьянскими детьми. У них было много животных. Родители старались, чтобы дети имели богатый опыт общения с животными и имели своих любимцев. Особенно в этой семье любили собак. Поэтому у каждого ребёнка в семье в разные периоды жизни были свои четвероногие любимцы. Так, например, у цесаревича был кокер - спаниель Джой. Алексей с ним почти не расставался. Пёс сопровождал мальчика во всех поездках в период Первой мировой войны и чудом выжил после расстрела. Его забрал полковник Павел Родзянко у которого Джой дожил до глубокой старости в эмиграции. Другие царские собаки были расстреляны в подвале Ипатьевского дома. Это был французский бульдог Татьяны Ортино и королевский спаниель Анастасии по кличке Джимми. Как потом писали члены ЧК они не расстреляли Джоя, так как тот не выл, а собачки княжён очень сильно лаяли.

Таким образом, можно резюмировать следующее. Императорские дети росли в атмосфере добра, любви и дружбы. Родители были им примером во всём. Семья жила в особых обстоятельствах и имела высокое положение в обществе. Безусловно, это сильно влияло на быт, традиции и поведение членов семьи. Но это им не мешало, они умели жить своей жизнью и достойно вести себя в любых непростых ситуациях.

Основными принципами воспитания были: глубокая религиозность, порядок во всём, любовь к чтению, всестороннее гармоничное развитие, правильный образ жизни, высокие моральные ценности и нравственные идеалы. Тем не менее, дети всегда оставались детьми в любых обстоятельствах. Они шалили и баловались, любили играть и шутить. В их шутках и розыгрышах всегда чувствовалась любовь друг к другу.

Царские дети - они были очень разные. Старшая Ольга была романтична и созерцательна, вспыльчива и иногда строга. Она была старшей в семье и с ней больше спрашивали. Она несла ответственность за младших сестёр и брата. Татьяна была очень похожа на мать. Более уравновешенной и сдержанной. Императрица чаще всего советовалась именно с ней. Добросердечная и отзывчивая Мария обладала внешностью настоящей русской красавицы, была похожа на императора Александра III, своего деда. Её часто называли ангелом и сначала родителям казалось, что она вовсе не похожа на живого настоящего ребёнка. Она настоящий ангел. Но с возрастом Мария научилась шалить, как и другие. Самой большой шалуньей в семье была младшая дочь Анастасия. О её шалостях

вспоминали потом многие приближённые. Цесаревич Алексей Николаевич был особенным, долгожданным и тяжело больным ребёнком. К нему было приковано особое внимание всех членов семьи. Он пользовался особенной любовью не только у членов семьи, но и у всех, кто с ним общался. Императорские дети были такими разными по характеру и поведению, но такими единными в своей любви к семье.

Библиографический список

1. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале/М.К. Дитерихс. - Владивосток: Типография военной академии, 1922. - 444 с.
2. Дневники императора Николая II (1894 -1918): в 2 т. ,отв. ред. С.В. Мироненко. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. - (Серия “Бумаги дома Романовых”).
3. Жильяр П. Император Николай II и его семья. Репринтное издание . Книгоиздательство “Русь”, Вена, 1921 г. /П. Жильяр. - М.: МЕГАПОЛИС, 1991. - 238 с.
4. Мельник - Боткина Т. Воспоминания о царской семье и её жизни / Татьяна Мельник - Боткина. - М.: “Захаров”, 2023. - 160 с.
5. Николай II. Бремя самодержца. Документы, письма дневники, фотографии Государственного архива Российской Федерации / предисловие О.И. Барковец, О.В. Лавинской. - М.: Издательство АСТ, 2025. - 544 с.
6. ОТМА и Алексей. Дети последнего российского императора: каталог выставки/Государственный Эрмитаж. - Спб.:- 0-83 Изд-во Гос. Эрмитажа, 2023. - 300 с.
7. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. С фр./ М. Палеолог. - 2-е изд. - М.: Международные отношения, 1991. - 240 с.
8. Сургучев И.Д. Детство императора Николая II /И.Д. Сергучев. - Спб.: “Царское Дело”, 2015. - 224 с.
9. Таинева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни/Предисл. Ю.Ю. Рассулина. - М.: Благо, 2000.- 320 с.
10. Царственные дети: Ольга, Татьяна, Мария. Анастасия, Алексей. Автор-составитель Е.И. Душенова. - Спб.: “Царское дело”, 2025. - 416 с.

Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
Д.В. Щукин
Россия, г. Елец, тел. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru
Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
бакалавр 4 курса, институт культуры, истории и
права
Н.Д. Широкова
Россия, г. Елец,
тел. +7 (902) 886-48-58
e-mail: s_hirokova@mail.ru

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
PhD in History, Associate Professor of the department of
history and archaeology
D.V. Shchukin
Russia, Yelets, tel. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru
Yelets State University named after
I.A. Bunin
bachelor of 4 courses, Institute of Culture, History and
Law
N.D. Shirokova
Russia, Yelets,
тел. +7 (902) 886-48-58
e-mail: s_hirokova@mail.ru*

Д.В. Щукин, Н.Д. Широкова

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И.А. БУНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДУХОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу дневниковых записей И.А. Бунина за 1916–1918 годы как уникального исторического источника и эго-документа, запечатлевшего цивилизационный слом в России. Дневник рассматривается не только как хроника событий, но и как пронзительное свидетельство гибели «мира старой дворянской культуры». Автор приходит к выводу, что, несмотря на глубокую субъективность и пристрастность, бунинские записи являются бесценным источником для понимания духовной катастрофы целого поколения, а их обращение к вопросам исторической памяти, идентичности и ответственности интеллигенции сохраняет острую актуальность в контексте вызовов XXI века.

Ключевые слова: И.А. Бунин, дневник, эго-документ, историческая память, духовная идентичность, русская революция, интеллигенция, гражданский кризис

D.V. Shchukin, N.D. Shirokova

DIARY ENTRIES OF I.A. BUNIN IN THE SPACE OF HISTORICAL MEMORY AND SPIRITUAL IDENTITY OF 20TH-CENTURY RUSSIAN CULTURE

This article analyzes I.A. Bunin's diary entries from 1916–1918 as a unique historical source and ego-document documenting the collapse of civilization in Russia. The diary is examined not only as a chronicle of events but also as a poignant testimony to the demise of the "world of old noble culture." The author concludes that, despite their profound subjectivity and bias, Bunin's entries are an invaluable source for understanding the spiritual catastrophe of an entire generation, and their address to questions of historical memory, identity, and the responsibility of the intelligentsia remains acutely relevant in the context of the challenges of the 21st century.

Key words: I.A. Bunin, diary, ego-document, historical memory, spiritual identity, Russian Revolution, intelligentsia, civil crisis

Начало XX века в России – это время цивилизационного слома, когда рушились традиционные устои и происходила болезненная переоценка ценностей. Погружение в дневниковую прозу И.А. Бунина сегодня, в условиях глубоких трансформаций первой четверти XXI века, представляется не просто академическим учением, а интеллектуальной необходимостью.

В современном мире, также переживающем кризисы идентичности и исторической памяти, опыт одного из крупнейших писателей русской культуры XX века – И.А. Бунина – представляется чрезвычайно востребованным.

Во-первых, мы живём в эпоху нового «разлома времён», когда цифровизация, глобализация и социальные потрясения ставят под вопрос привычные формы коллективной и индивидуальной идентичности. Так же, как и И.А. Бунин в начале XX века, современный человек вынужден искать ответы на вопросы: «*Кто мы?*», «*Зачем мы здесь?*». Во-вторых, тема ответственности интеллигенции перед историей и культурой, так остро звучит со страниц бунинских дневников, что и анализируя дневниковую прозу сегодня, она не утратила своей остроты. Его яростный спор с теми, кто приветствовал разрушение во имя сомнительных идеалов, заставляет задуматься о роли интеллектуала в обществе сегодня. Таким образом, обращение к эго-документам И.А. Бунина позволяет не просто переосмыслить мировоззрение человека ушедшей эпохи, но и вступить с ним в диалог, находя в его опыте уроки для осмыслиения вызовов нашего времени.

В рамках данной статьи проведем анализ различных дневниковых записей И.А. Бунина (рис. 1) в период с 1916 по 1918 гг. с целью реконструкции той хроники, что повлияла на историческую память и духовную идентичность русской культуры начала XX века. Эго-документы писателя – это не просто личные заметки, а сознательно создаваемый «протокол с места событий».

Рис. 1. И.А. Бунин (1870 - 1953 гг.), известный русский писатель, поэт, переводчик.
Лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года.

Отметим, что выбор данного хронологического периода (1916 – 1918 гг.) обусловлен стремлением проследить ключевые фазы трансформации Российского государства и обществе от кризиса империи (1916), через революционный разлом (1917) к началу формирования исходной модели государственности (1918). Так записи за 1916 год, сделанные в период с февраля по декабрь фиксируют не внешние события Первой мировой войны, а внутреннее разложение. Его записи – это диагноз обществу, которое уже не может держаться. Запись от 22 марта 1916 г.: «*А все эти начальники станций, телеграфисты,*

купцы, которые сейчас так безбожно грабят и разбойничают, что же это – тоже народ? Нет. Народ сам создает правительство... Очевидно, [самодержавие] это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет!» [1, с. 360]. Основные мысли, зафиксированные весной 1916 года, относятся к рассуждениям об отсутствии гражданского общества, солидарности и ответственности. «*А то: «мирские устои», «хоровое начало», «как мир батюшка скажет», «Русь тем и крепка, что своими устоями» и т. д. Все подлые фразы! Откуда-то создалось совершенно неверное представление о организаторских способностях русского народа. А между тем нигде в мире нет такой безорганизации! Такой другой страны нет на земном шаре! Каждый живет только для себя. Если он писатель, то он больше ничего, кроме своих писаний, не знает, ни уха ни рыла ни в чем не понимает. Если он актер, то он только актер, да и ничем, кроме сцены, и не интересуется. Помещик?.. Кому неизвестно, что представляет из себя помещик, какой-нибудь синеглазый, с толстым затылком, совершенно ни к чему не способный, ничего не умеющий. Это уж стало притчей во языцах. С другой же стороны – толстобрюхий полицейский поводит сальными глазами – это «правящий класс».*» [1, с. 361]. Эта мысль была центральной для писателя. Бунин яростно критикует набор расхожих клише, которые интеллигенция его времени использовала для описания русского народа. Иван Алексеевич называет эти фразы «подлыми», потому что они не отображают реального положения дел, а создают удобную, уютную сказку. Также они являются разрушительными и мешают увидеть настоящие, страшные проблемы страны и, следовательно, решить их. Данное рассуждение не просто критика, а сравнительный анализ. Бунин, много путешествовавший, видел, как устроена жизнь в других странах, и его вывод о России – «безоорганизация!».

В самой же России происходит нарастание системного кризиса. Первая мировая война очень истощила экономический потенциал страны. Из-за транспортного кризиса случились продовольственные трудности в городах. Как отмечает И.А. Бунин: «*А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто ... и в лавках товару стало мало. Бывало, зайдешь в лавку... и т. д.*» [1, с. 363]. Он фиксирует не бытовую жалобу, а признак надвигающегося голода и полного разрыва между городом и деревней. Также Иван Алексеевич подчёркивает оторванность интеллигенции от реальности: «*Интеллигенция не знала народа. Молодёжь Эрфуртскую программу учila!*» [1, с. 385]. Эрфуртская программа, написанная Карлом Каутским в 1891 году, была пояснительной частью к программе Социал-Демократической Партии Германии и включала в себя базовые положения марксизма как экономической, политической и социологической теории. Само её упоминание в эго-документах писателя даёт нам понять, что пока Россия стояла на пороге невиданного исторического перелома, её лучшая, образованная молодёжь была занята не изучением реальной России, её истории, экономики, психологии, а заучиванием европейских догм о классовой борьбе, диктатуре пролетариата и историческом материализме.

Таким образом, в 1916 году И.А. Бунин диагностирует не просто политический или экономический кризис, а тотальный распад общества. По его мнению, это и предопределило неспособность империи ответить на вызовы времени и неминуемый крах.

Этот диагностированный им распад в 1917 году перестает быть внутренней болезнью и превращается в открытую травму, ввергая жизнь писателя в водоворот общенациональной катастрофы. Дневниковые записи за 1917 год, охватывающие период с июня по ноябрь.

Лето 1917 года, с которого и начинается повествование за этот год, Иван Алексеевич Бунин проводит в имении своей двоюродной сестры Н.И. Пушешниковой в с. Глотово (ныне с. Васильевское, Измайловского района, Липецкой области). Это старинное имение, в Елецком уезде, где Иван Алексеевич бывал часто. Там, его окружал довольно тесный круг близких и соседей, общение с которыми составляло важную часть его деревенской жизни. Со своей женой, Верой Николаевной, они катались на шарабане, беседовали, гуляли. С братом Юлием Алексеевичем обсуждали будущее. Соседи-помещики были людьми, разделяющими его тревоги и утраты, а с местными жителями, т.е. с крестьянами общение было

вынужденное и часто напряжённым. Вызвано это тем, что Иван Алексеевич часто слышал от них прямые угрозы и растущую враждебность. Запись от 11 июня 1917 года: «Чувство страшного возмущения. Никаких законов... Волю "свободной" России почему-то выражают только солдаты, мужики, рабочие» [1, с. 366]. Исчезла правовая система, а понятие «народ», сузилось до одной, самой агрессивной и невежественной своей части. Свобода превратилась в вседозволенность для одних и бесправие для других – для таких, как он сам, представителей старой русской культуры. На протяжении всего 1917 года он фиксирует примеры такого нового, разрушительного правосознания, как, например, требование мужиков в казначействе отдать им деньги на том основании, что «царя нету, значит, деньги теперь наши» [1, с. 366].

Летние записи полны сообщений о вспышках насилия по всей стране, которые доходят и до его родных мест. Запись от 7 июля «О бунте в Птб. мы узнали еще позавчера вечером из «Раннего утра», нынче вести еще более оглушающие. Боль, обида, бессильная злоба, злорадство. Бунт киевский, нижегородский, бунт в Ельце. В Ельце воинского начальника били, водили босого побитому стеклу» [1, с. 366]. В этот период времени, он писал, хотя часто испытывал творческий кризис, перечитывал и анализировал произведения: «Дней десять тому назад начал кое-что писать, начинать и бросать. Нынче уже опять почувствовал тупость к этой вещи» [1, с. 371]. Активно интересовался политикой из доступных средств массовой информации, путём ежедневного чтением газет. Много гулял по Измалковскому саду, окрестным лесам и полям. Значительную часть времени И.А. Бунин посвящал чтению, в его «рационе» были Мопассан, Толстой, Мережковский, Гиппиус, но он часто оставался раздражен и недоволен прочитанным, что было отражением его общего состояния. Запись от 26 августа: «Вчера мы с Колей ходили к Пантишку. Он ничего, но подошли бабы. Разговор стал противный, злобный донельзя и идиотский, все на тему, как господа их кровь пьют. Самоуверенность, глупость и невежество непреоборимые – разговаривать бесполезно» [1, с. 377].

Лето 1917 года для Бунина – это постоянное столкновение прекрасного и ужасного. С одной стороны, он запечатлевает с пронзительной точностью красоту природы, с другой, с остротой слова говорит о погромах и назревающих убийствах. Эти три месяца для Бунина – время глубокого экзистенциального кризиса. Его досуг в деревенской усадьбе, наполненный литературой, прогулками и общением с близкими, был попыткой укрыться в «краю» прошлого. Но этот рай был осажден и обречен. Все, что он видел и слышал – от красоты, спевающей ржи до злобного шепота о готовящихся погромах – убеждало его в том, что мир, который он знал и любил, неумолимо рушится.

Осень 1917 года – ключевой период в дневнике Ивана Алексеевича, когда революция из фона деревенской жизни превращается в личную катастрофу. Этот период открывается записями о том, что газета «Русское слово» передаёт ужасные новости. Запись от 4 сентября: «... «Русское слово» от 31-го на 1-го. В совете рабочих депутатов Каменев и Стеклов говорят, что снесут голову с Корнилова... в десятом часу вечера – газеты. Государственный переворот! Объявлена республика. Мы ошомлены. – Корнилов арестован... Заснул почти в два» [1, с. 378]. Это подчёркивает, насколько столичные новости были удалены от провинции, но при этом мгновенно и мощно влияли на умы. Газета была для писателя «окном в мир», из которого приходили вести о гибели старого мира. Угроза в адрес генерала Корнилова со стороны Каменева и Стеклова «снесут голову с Корнилова» – не просто фигура речи. Это прямое указание на радикализацию настроений и готовность к физической расправе над политическими противниками. Фраза отражает языковую и моральную жестокость эпохи, когда призывы к убийству стали частью политического дискурса. Стока «Государственный переворот! Объявлена республика» фиксирует один из важнейших моментов в истории России. 1 сентября 1917 года А.Ф. Керенский официально провозгласил Россию республикой. Для И.А. Бунина и многих его современников это был не

триумф свободы, а шокирующий, насильственный разрыв с вековыми устоями государственности.

Вплоть до своего отъезда, писатель ездил по тем же маршрутам, что и летом, но видел уже не процветание, а признаки разрушения. Запись от 3 октября: «*В Осиновых Дворах два мужика... Должно быть, древние люди, правда, не те были... Какое ничтожество и мелкость чёрт у ребят молодых! Говорили эти мужики, что они про новый строй смутно знают. Да и откуда? Всю жизнь видели только Осиновые Дворы! И не может интересоваться другим и своим государством*» [1, с. 383-384]. К осени взаимоотношения с крестьянами окончательно перерастают в открытую вражду. Он слышит прямые угрозы: «...на сходке толковали об «Архаломеевской ночи» ... перебить всех «буржуев» [1, с. 385]. 10 октября 1917 года Ивану Алексеевичу Бунину исполнилось 47 лет. Его запись от 12 октября 1917 г. пронизана мрачным самоанализом и ощущением жизненного рубежа, усугубленным общим кризисом. Он не выражает радости, а скорее, ужасается прожитым годам и своей нереализованности на фоне исторической катастрофы. Никакого традиционного празднования в его записях не описано. Напротив, накануне, 10 октября, он совершил тяжелую и утомительную поездку в г. Ефремов, что больше похоже на бегство от гнетущей обстановки в имении, чем на праздничную прогулку. В тексте дневника нет ни одного упоминания о том, чтобы его кто-либо поздравил. Отсутствуют имена родных, друзей или соседей, что лишь подчеркивает его одиночество и общую атмосферу разобщенности.

К 21 октября досуг постепенно превращается в подготовку к бегству. Чтение газет окончательно становится источником паники. Кульминацией отъезда становится весть от соседей, заставившая писателя бежать: «*Пленный из Предтечева, верхом — громят Глотово... пьяный мужик...: «Там все бьют, там громят, мельницу Селезневскую разнесли... Уезжайте скорее!*» [1, с.395].

Отъезд случился ровно в дни свершения революции в Петрограде. 23 октября, в пять утра чета Буниных выехала на извозчике из с. Глотово до Становой (ныне с. Становое). Оттуда пришлось идти пешком до Ельца. 24 числа весь день пробыли у знаменитого Елецкого нотариуса В.К. Барченко. 25 числа на поезде выехали из Ельца, ехали всю ночь. «*26-го на Курском вокзале узнали, что в Москве готовят бинты, кареты скорой помощи и т.д. – будет бой с большевиками*» [1, с. 396].

Проводя параллели в общероссийском контексте, следует отметить, что 1917 год стал временем великих предметных трансформационных перемен в истории Российской государственности, которые навсегда изменят вектор её развития. События этого года станут векторальными в общей истории России, они приведут к падению одной страны и рождению новой – «страны Советов».

В своём дневнике И.А. Бунин так отобразит это. Ноябрьская запись: «*21 ноября 12 ч. ночи. Сижу один, слегка пьян. Вино возвращает мне смелость, муть сладкую сна жизни, чувственность - ощущение запахов и пр.- это не так просто, в этом какая-то суть земного существования. Передо мной бутылка № 24 удельного. Печать, государственный герб. Была Россия! Где она теперь. <....> Убит Духонин, взята ставка и т. д. Возведен патриарх «всех Руси» на престол нынче – кому это нужно?!*» [1, с. 399-400]. Этот фрагмент является литературной эпитафией по исторической России, которую И.А. Бунин считал умершей в конце 1917 года. Даже в состоянии шока и отчаяния И.А. Бунин остается великим писателем, ведь он находит точные, пронзительные образы «бутылка с гербом» для выражения своей боли, превращая дневниковую запись в миниатюрное литературное произведение огромной силы. Главным творческим итогом 1917 года для И.А. Бунина стал сам дневник – бесценный документ эпохи и непосредственная подготовка к будущему монументальному произведению «Окайанные дни».

Таким образом, 1917 год стал для И.А. Бунина временем физического и духовного столкновения с революцией, от осеннего осознания личной катастрофы и прямой угрозы до декабрьского подведения итогов, где он фиксирует не просто смену власти, но гибель той России, которую он знал и любил.

Если 1917 год стал для Бунина хроникой гибели старой России, то записи 1918 года фиксируют сознательное уничтожение её последних материальных и духовных оплот. В апреле 1918 года И.А. Бунин зафиксировал снос памятника генералу М.Д. Скобелеву, назвав это «актом хамства», а тех, кто это сделал – «сволоклами» [1, с. 407]. Памятник генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву (1843 – 1882) был снесён во исполнение декрета «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг», принятый 12 апреля 1918 г. большевистским Советом народных комиссаров [5]. Официальной причиной стало то, что генерал был объявлен «угнетателем малых народов» в соответствии с новыми установками марксистко-ленинской идеологии. (рис. 2) Для И.А. Бунина снос памятника прославленному генералу-освободителю был символом целенаправленного разрыва новой власти с национальной историей и героическим прошлым, «официальным» объявлением войны исторической памяти.

Рис. 2. Демонтаж конной статуи генералу М.Д. Скобелеву, Москва, 1918 год

На фоне этого разрушения Бунин ищет спасения в островках уцелевшей духовности. Запись от 4 мая 1918 года, где он описывает посещение церкви на Молчановке, известную как «Никола на курьей ножке» [1, с. 409]. Писатель не просто фиксирует «красоту этого прекрасного уцелевшего места», но и остро переживает ощущение умиротворения «как хорошо человеческой душе, в таком духовном месте». Этот визит приобретает особый смысл на фоне принятого тремя месяцами ранее (25 января 1918 г.) декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который запустил процесс изъятия церковного имущества и вытеснения религии из публичной сферы [4]. Бунин как будто сознательно впитывает и запечатлевает образы уходящего духовного мира, понимая, что и они обречены.

Проведенный анализ дневниковых записей И.А. Бунина за 1916–1918 годы позволяет сделать фундаментальный вывод о ценности этого текста как уникального историко-психологического документа, запечатлевшего трагедию цивилизационного слома «изнутри». В своей динамике дневник показывает последовательную трансформацию кризиса. От диагноза глубинного общественного распада и «безорганизации» в 1916 году, через личное

столкновение с насилием и крахом привычного мира в 1917-м, и к фиксации целенаправленного уничтожения историко-культурных основ России в 1918 году. И.А. Бунин становится голосом той части русской интеллигенции и дворянства, для которых революция означала не освобождение, а тотальную катастрофу, крушение всей системы духовных и культурных координат. Его субъективность, полная боли и гнева, является не недостатком, а главной ценностью источника, позволяющей понять эмоциональный и экзистенциальный масштаб произошедшего.

Таким образом, дневник Бунина 1916–1918 гг. служит незаменимым источником для понимания полной, многоголосой и глубоко трагической картины Великой русской революции, предлагая не только фактологию событий, но и бесценное свидетельство о духовной катастрофе целого поколения и мира, который оно потеряло.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи./ Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Подгот. текста, статья-послесл. и ком-мент. О. Михайлова. – Москва : Худож. лит., 1988. – 719 с.
2. Бунин И.А. Окайные дни / И. А. Бунин; [Вступ. ст. О. Н. Михайлова]. - Москва : Современник, 1991. – 253 с.
3. Бунин И.А. Рукописи и заметки периода Гражданской войны, 1918–1919 гг. // Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, Москва. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 12.
4. Декрет СНК "Об отделении церкви от государства и школы от церкви", 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и постановлений... 1917-1918 гг. – № 18. Москва, 1942. – Отд. I. – Ст. 263. – С. 286-287.
5. Декрет Совета Народных Комиссаров о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции // Изв. ВЦИК. – 1918. – № 74. – 14 (1) апреля; Собр. Узак. – 1918. – № 31. – Ст. 416

**ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY**

УДК 321.01:94(47)

Воронежский государственный технический университет
доктор исторических наук, профессор
Б.А. Ершов
Россия, г. Воронеж
e-mail: bogdan.ershov@yandex.ru
Воронежский государственный технический университет
студент группы бСАУ-251 факультета экономики,
менеджмента и инновационных технологий
Е.А. Вотеичкин
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-980-340-93-84
e-mail: egorvot2007@gmail.com

Voronezh State Technical University
Doctor of Historical Sciences, Professor
B.A. Ershov
Russia, Voronezh
e-mail: bogdan.ershov@yandex.ru
Voronezh State Technical University
Student of group bSAU-251 faculty of Economics,
Management and Innovative Technologies
E.A. Votiechkin.
Russia, Voronezh,
tel.: +7-980-340-93-84
e-mail: egorvot2007@gmail.com

Б.А. Ершов, Е.А. Вотеичкин

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья дает историко-философское осмысление России как государства-цивилизации, прослеживая траектории государственности от Древней Руси и Московии к имперскому, советскому и постсоветскому периодам. Анализируются механизмы преемственности и разрывов, смена «цивилизационных кодов» и их влияние на право, экономику, внешнюю политику и политику памяти. Особое внимание — пространственности и пограничности, многонациональности, циклам централизации/децентрализации и волнам модернизации. Делается вывод о «длинной структуре» российской государственности: высокой инерции институтов при способности к резким идеологическим перенастройкам без утраты целостности.

Ключевые слова: государство-цивилизация; историческая государственность; цивилизационный код; имперская интеграция; многонациональность; модернизация; культурная память; политические идеи.

B.A. Ershov, E. A. Votiechkin

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF RUSSIA AS A STATE-CIVILIZATION

This article offers a historical-philosophical reading of Russia as a state-civilization, tracing statehood from Kievan Rus' and Muscovy through the imperial, Soviet, and post-Soviet eras. It examines continuity and rupture, shifts in "civilizational codes," and their impact on law, economy, foreign policy, and memory politics. Special focus is placed on spatial/frontier dynamics, multiethnicity, cycles of centralization/decentralization, and waves of modernization. The article concludes that Russian statehood operates as a "long structure": strong institutional inertia combined with abrupt ideological reconfigurations without loss of cohesion.

Key words: state-civilization; historical statehood; civilizational code; imperial integration; multiethnicity; modernization; cultural memory; political ideas.

Российская государственность формировалась на пересечении восточнохристианской традиции, степных институтов и европейских влияний. В этих условиях государство выступало как главный интегратор пространства и регулятор социального порядка.

Долгие траектории развития характеризуются сочетанием институциональной преемственности и периодических идеологических перестроек от допетровской модели к имперской, затем к советской и постсоветской [1, с. 131–135; 2, с. 19–25]. Такая динамика отражается в устойчивых механизмах централизации и в управлении отношениями «центр—периферия».

Аналитической рамкой служит понятие «цивилизационного кода» как набора исторически сложившихся ответов на вопросы о легитимации власти, допустимом объёме её вмешательства и принципах пространственной организации. В российском случае этот код сочетает задачи модернизации с поддержанием целостности многонационального общества и институционализированной памяти. Сравнительная перспектива позволяет соотнести указанные свойства с типологией цивилизаций и их стратегиями воспроизведения политического порядка [3, с. 64–69; 4, с. 45–51]. На эмпирическом уровне код проявляется через административные практики, правовые режимы и символические формы.

Ключевые поворотные моменты выявляют механизмы перенастройки кода. Смутное время продемонстрировало уязвимость фискально-военной инфраструктуры и способы её восстановления. Реформы Петра I институционализировали бюрократическую вертикаль, армию и флот, закрепив приоритет государственного управления модернизацией [5, с. 137–145]. Позднейшие кризисы начала XX века изменили параметры легитимации и перераспределили ресурсы насилия и правотворчества.

Историческая память и административная практика в России взаимно подкрепляют друг друга. Политико-правовые решения закрепляются посредством ритуалов, символов и канонизированных интерпретаций прошлого, обеспечивая воспроизведение лояльности и управляемости пространства [1, с. 218–224]. В имперскую эпоху это выражалось в стандартизации управления и нормотворчества, в советскую — в мобилизационно-индустриальных режимах. Наряду с этим сохранялись элементы общинной и соборной организаций, адаптированные к новым институциональным условиям.

Геополитическое положение и конфигурация границ задают устойчивый спрос на инструменты территориальной координации и на доктрины внешнеполитической безопасности. Внутренние модели центр—периферия соотносятся с представлениями о цивилизационном окружении и статусе России в мировой системе [4, с. 210–218]. В интеллектуальной традиции конца XX — начала XXI века это получило выражение в концепциях, описывающих государство как носителя интеграции и стратегического целеполагания на «большом пространстве» [7, с. 15–22; 8, с. 40–52]. Такой подход позволяет последовательно анализировать связь идеологических нарративов, управлеченческих практик и территориальных режимов.

В допетровской Руси ключевым был служилый характер государства: обязанность службы определяла статус и доступ к ресурсам. Централизация шла через приказы и дворцово-вотчинную систему, где власть монарха сочеталась с практиками соборного согласования в кризисные моменты. Землевладение и служба были связаны, что обеспечивало мобилизационный ресурс и управляемость территорий. Такая конфигурация постепенно укрепляла вертикаль, но сохраняла локальные различия и обычное право.

Интеграция многообразных земель опиралась на разветвлённый фискально-военный механизм и уравновешивание интересов центра и местных элит. Поместная система фиксировала обязательства, а контроль за передвижением людей и сбором податей ограничивал автономию на местах. Параллельно формировались дисциплинарные практики — от учёта служилых людей до регулирования городского ремесла — которые делали пространство более управляемым.

Смутное время выявило слабые места прежней модели: фискальная база сузилась, управление распалось, легитимация власти оказалась под вопросом. Выходом стал курс на восстановление централизации, усиление армии и упорядочивание финансов. Возврат к устойчивости сопровождался более жёстким учётом ресурсов и уточнением иерархий управления, что подготовило почву для последующей реформаторской волны [6, с. 36–45].

Петровские преобразования оформили военно-фискальное государство нового типа. Учреждение Сената и коллегий, реформа губерний, рекрутская повинность и подушная подать создали связку постоянной армии, стабильных доходов и профессиональной бюрократии. Табель о рангах институционализировала служебную карьеру и связала элитную лояльность с государственной службой. Возникла устойчивая административная матрица, пригодная для масштабирования на большой территории.

Церковная реформа и секуляризация части функций управления сократили автономию духовной власти и усилили координацию политики. Изменения в образовании и управлении городами формировали новую элитную культуру, ориентированную на рациональные процедуры и технические навыки. При этом общинные практики и привычные формы взаимопомощи продолжали существовать, адаптируясь к новым нормам управления.

В результате произошёл сдвиг от преимущественно вотчинно-патrimonиальной логики к бюрократико-имперской. Расширение аппарата, стандартизация норм и постоянное войско задали длительный вектор развития, сохранив при этом механизмы принуждения и неравенства, сложившиеся ранее. Эта преемственность объясняет, почему модернизационный рывок не разрушил основы социального порядка, а встроил их в новую административную схему.

Во второй половине XVIII — XIX веке имперская модель закрепилась как связка бюрократического управления, кадровой службы и фискально-военной системы. Центр координировал армии, финансы и инфраструктуру, а на местах усиливались губернаторы и канцелярии. Важной стала способность государства мобилизовать ресурсы под внешнеполитические задачи и крупные проекты [2, с. 140–147]. При этом сохранялась внутренняя дифференциация правовых режимов между столичными и окраинными областями.

Реформы 1860–1870-х годов перестроили ключевые институты: суд, земства, городское самоуправление, военную повинность. Возникла более профессиональная администрация, появились стандартизованные процедуры рассмотрения дел и публичность судебного процесса. Земства закрывали инфраструктурные и социальные дефициты на уровне уездов и губерний. Институциональная ткань стала плотнее, но зависимость от центральных министерств оставалась значительной.

Индустриализация конца XIX — начала XX века изменила соотношение между военным, финансовыми и полицейским управлением. Возросла роль министерств финансов и путей сообщения, расширились надзорные полномочия полиции в отношении рабочих окраин и транспортных узлов. Городские центры получили приоритет в ресурсном распределении, что усилило дисбаланс между ядром и периферией. Возникли новые каналы социальной мобилизации и конфликта [1, с. 310–318].

Национальная политика сочетала инкорпорацию элит через службу и образование с ограничениями культурной автономии. В управлении окраинами применялись гибридные режимы: от общеимперских норм до особых положений для приграничных территорий. Такая комбинация позволяла удерживать целостность при высоких трансакционных издержках контроля. Точки напряжения проявлялись там, где административная унификация встречала устойчивые локальные институты.

Кризис 1905 года выявил пределы полицейско-административного равновесия. Введение Государственной думы и реформы избирательной системы открыли канал представительства, но не сняли конфликтов между правительством, бюрократией и новыми политическими акторами. Реформы аграрной сферы сопровождались перераспределением прав и обязанностей на местном уровне, что требовало от центра постоянной коррекции правил. Институциональная адаптация шла быстрее в праве и управлении, чем в политической ответственности.

Первая мировая война радикализовала проблему ресурсной мобилизации. Экстраординарные меры снабжения и реквизиций усилили дезорганизацию транспорта и

финансов, а координация между военными и гражданскими ведомствами дала сбои. Нагрузка на периферийные регионы возросла, что ускорило эрозию лояльности и управляемости. Стратегическая способность к длительной войне оказалась ниже требуемой для поддержания порядка.

Идеологические оправдания имперской целостности в это время опирались на аргументы цивилизационного своеобразия и исторической миссии. Они служили инструментом легитимации централизации и экспансии инфраструктуры, но плохо компенсировали издержки быстрой модернизации. Теоретические схемы, противопоставлявшие «цивилизационные типы», использовались для объяснения выбора инструментов управления и внешнеполитических установок [3, с. 200–207]. Это задавало рамку для позднейших интерпретаций причин системного слома.

После 1917 года институциональная ткань была перестроена вокруг принципов мобилизационной экономики и политического централизма. Провозглашённый федерализм сосуществовал с фактической унитарной координацией через партийные вертикали и плановые органы. Механизмы чрезвычайного управления, возникшие в гражданскую войну, закрепились как стандартные инструменты распределения ресурсов и контроля. Предполагалось, что модернизация возможна через административное командование и массовую мобилизацию, а не через рыночные стимулы.

Экономическая модель опиралась на «связку» план—бюджет—распределение. Центр определял приоритеты отраслей, а регионы выступали каналами выполнения плановых заданий. Это усиливало способность к концентрации инвестиций, но повышало издержки информации и координации на периферии. Возник дисбаланс между стратегическим целеполаганием и локальной адаптацией, что проявлялось в периодических перегрузках транспортной и социальной инфраструктуры.

Национальная политика сочетала раннюю поддержку местных элит и языков с последующим усилением культурной унификации. Федеративные институты служили формой политической инкорпорации, тогда как кадровая политика и силовые структуры обеспечивали лояльность и управляемость. Такая комбинация позволяла удерживать целостность в условиях быстрой индустриализации, но закрепляла асимметрию между центром и окраинами. В сравнительном ключе это рассматривалось как стратегия «большого пространства», где государство концентрирует функции интеграции и развития [4, с. 245–252].

Административные реформы рубежа 1920–1930-х годов оформили постоянные контуры плановой бюрократии. Параллельно институционализировались дисциплинарные практики — от трудовой мобилизации до нормирования повседневности — что снижало транзакционные издержки принуждения. В политико-правовой сфере закреплялись закрытые процедуры принятия решений и ограниченная публичность, но усиливалась предсказуемость исполнения. Идеологическое обоснование модернизации как государственной миссии корреспондировало с цивилизационными аргументами о самостоятельной траектории развития.

Великая Отечественная война стала проверкой устойчивости мобилизационной модели. Централизованная система распределения и единое командование обеспечили концентрацию ресурсов, тогда как региональные сети поддерживали воспроизводство базовых функций на местах. Возросла роль символической политики и канонизированных интерпретаций прошлого в поддержании лояльности и управляемости пространства, что соответствовало ранее сформированной связке «память—администрация». Опыт войны закрепил приоритет оборонно-промышленного комплекса и долгосрочное планирование как норму.

Послевоенный период воспроизвёл основную архитектуру: жёсткая иерархия целей, централизованный контроль инвестиций, перераспределение в пользу стратегических отраслей. При этом межрегиональные различия в структуре занятости и инфраструктуре увеличивались, требуя всё более детальной настройки межбюджетных и плановых

механизмов. Возникла «инерция крупномасштабности»: преимущества масштаба сохранялись, но стоимость координации росла быстрее. В цивилизационных терминах это описывалось как попытка поддерживать автономный макрорежим развития в условиях глобальной конкуренции [7, с. 190–196].

К концу 1950–1960-х годов на первый план вышла проблема инновационного обновления при сохраняющемся административном контроле. Ограниченнная обратная связь из экономики и общества препятствовала точной калибровке целей и стимулов. Усиление научно-технических программ частично компенсировало дефицит рыночной селекции, но не решило задачу распределения рисков и ответственности. В сравнительной перспективе это фиксировалось как структурное напряжение между модернизацией и управляемостью «большого пространства».

Позднесоветская экономика вошла в десятилетие с высокой инерцией административно-командной координации и жёсткой приоритизацией оборонно-промышленного комплекса. Мягкие бюджетные ограничения и инвестиционный перекос в пользу базовых отраслей снижали чувствительность к эффективности, усиливая информационные асимметрии между центром и предприятиями. Региональные органы балансировали между формальным исполнением плана и неформальными механизмами распределения, что поддерживало текущую управляемость, но сужало пространство для инноваций. Идеологическая легитимация все больше смещалась от мобилизационных нарративов к риторике стабильности и «нормальности», что ослабляло способность к крупным институциональным сдвигам.

Перестройка стремилась совместить политическую либерализацию с экономической децентрализацией: расширялись права предприятий и кооперативов, усиливая публичный контроль, вводились элементы самоокупаемости. Однако изменение стимулов без устойчивой архитектуры ответственности привело к фрагментации вертикали и росту транзакционных издержек координации. Усилилась конкуренция центров нормотворчества — союзного, республиканского и отраслевого — что обострило вопрос о границах суверенитета и механизмах распределения. В интерпретации «государства-цивилизации» это выглядело как попытка переупаковать код управления «большим пространством» средствами частичной модернизации правил, но без новой единой миссии [7, с. 18–24].

После распада СССР государство переопределяло источники легитимации: от мобилизационного идеала к функциональной эффективности и поддержанию целостности. Центр стал сочетать выборочные рыночные механизмы с административной координацией стратегических секторов. В общественной сфере усилились практики памяти и символической интеграции, которые замещали утраченную идеологическую унификацию. Этот сдвиг объясняют как попытку восстановить управляемость «большого пространства», причем само понимание «пространства» стало более институциональным, чем географическим.

Внешняя среда требовала артикуляции статуса и границ суверенитета. На уровне концептов укрепилась идея особого цивилизационного профиля России, задающая рамку для выбора инструментов внешней и внутренней политики. В сопоставительном ключе она соотносится с тезисом о множественности цивилизаций, где устойчивость обеспечивается собственными культурно-политическими кодами [4, с. 210–216]. Внутри страны это транслировалось в практики «селективной интеграции» регионов через инфраструктуру, безопасность и культурную политику.

В повседневном управлении закрепилась связка «безопасность — развитие — идентичность». Безопасность давала аргументы для централизации процедур, развитие — для приоритетов инвестиций и координации проектов, идентичность — для легитимации распределительных решений. Возникла модель, где государство выступает координатором рисков и носителем долгих целей, а рынки и регионы — исполнителями задач в заданных коридорах. Это усиливало роль программного планирования и оценок эффекта масштаба.

Философски такая конструкция описывается как «государство-цивилизация»: политическая форма, которая удерживает разнообразие, опираясь на собственный код нормы и смысла. В российской традиции этот мотив артикулирован в концепциях «большого пространства» и приоритета культурной самобытности над универсальными рецептурами модернизации [7, с. 18–24]. Практически это выражается в предпочтении инфраструктурных и технологических проектов, связывающих ядро и периферию, а также в институционализации механизмов символической лояльности.

При этом сохраняется напряжение между гибкостью и предсказуемостью. С одной стороны, требуется адаптация к неоднородности регионов и рынков, с другой — стабильные правила распределения ответственности. Эту дилемму частично снимают стандарты цифрового администрирования и унификация данных, но они же усиливают зависимость периферии от централизованных платформ. На уровне политической философии это демонстрирует, как технические нормы встраиваются в код государственности и меняют саму логику координации.

Наконец, современный дискурс об «исторической миссии» преобразован в язык долгосрочных целей и национальных приоритетов. Идея «особого пути» выступает не как исключение из правил, а как способ увязать культурные ресурсы и стратегические отрасли в единую рамку. В типологии цивилизационных подходов такой ход трактуется как рационализация самобытности, а не её романтизация [3, с. 205–212]. Это позволяет рассматривать российскую государственность как систему, где устойчивость обеспечивается не только принуждением и ресурсами, но и воспроизведением смыслов, совместимых с административной практикой.

Представленная реконструкция показывает, что российская государственность устойчиво сочетает институциональную преемственность с эпизодическими идеологическими перенастройками. Ключевую роль играет «код» координации большой территории: управление связями «центр—периферия», поддержка символической лояльности и способность к быстрой мобилизации ресурсов. Эта комбинация прослеживается от допетровских практик к имперскому и советскому этапам, а затем к постсовременным форматам координации. В сравнительной перспективе её можно описать как тип «государства-цивилизации», где культурные матрицы встроены в административные процедуры.

Пределы адаптивности задаются издержками масштаба и информационной координации. Чем выше централизация, тем больше потребность в стандартах, данных и дисциплинарных механизмах; однако это повышает зависимость периферии от ядра и делает обратную связь менее чувствительной. Исторический опыт демонстрирует, что баланс достигается через институциональное «смешение» — совмещение правовых унификаций с локальными режимами исполнения и представительства; подобные гибриды отмечались уже в позднеимперский период [2, с. 260–268]. В этом смысле устойчивость обеспечивается не единой моделью, а спектром процедур, допускающих вариативность.

Философский вывод состоит в том, что российская траектория подтверждает объяснительную силу категорий «код», «масштаб» и «миссия». «Код» задаёт допустимые формы вмешательства государства и рамки легитимации; «масштаб» определяет технику управления и стоимость ошибок; «миссия» организует долгие цели и политику памяти, превращая прошлое в ресурс координации. В терминах типологии цивилизаций это соответствует модели, где собственные нормы и символы легитимируют выбор инструментов развития.

Практическое следствие: оценка реформ и стратегий должна соотносить три основания — идентичность, безопасность, развитие. Реформы устойчивы тогда, когда сохраняют согласованность этих контуров и не разрывают механизмы интеграции пространства. Историческая ретроспектива показывает, что наиболее результативными оказывались решения, соединяющие институциональную предсказуемость с ограниченной вариативностью на местах; петровский прецедент масштабируемой бюрократии остаётся

здесь показательным [5, с. 140–145]. Таким образом, «государство-цивилизация» выступает не метафорой, а операциональным описанием связки норм, процедур и инфраструктур, через которые культурное многообразие превращается в управляемую целостность.

Библиографический список

1. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2019. — 1197 с.
2. Пайпс, Р. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993. — 427 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. — М.: Юрайт, 2021. — 453 с.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. — М.: ACT, 2003. — 608 с.
5. Анисимов, Е. В. Пётр Великий: личность и реформы. — СПб.: Питер, 2009. — 446 с.
6. Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. — СПб.: Наука, 2013. — 399 с.
7. Дugin, A. G. Основы geopolitики. Геополитическое будущее России. — M.: Arktogeia, 1997. — 608 с.
8. Дугин, А. Г. Четвёртая политическая теория. — СПб.: Амфора, 2009. — 351 с.

УДК 130.2

Воронежский государственный технический
университет
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии, социологии и истории
К.С. Назаренко
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(960) 122-22-44;
e-mail:knazarenko@cchgeu.ru

Voronezh State Technical
University
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair
K. S. Nazarenko
Russia, Voronezh,
tel. +7(960) 122-22-44;
e-mail:knazarenko@cchgeu.ru

К.С. Назаренко

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Цель исследования — проанализировать явление новой секуляризации образования и обнаружить баланс между религией, философией и наукой в период Четвертой промышленной революции, который можно представить переходом от идеологии к интегральному мышлению через становление новых светскости и секулярности. Такое взаимодействие разных сфер жизни представляет собой процесс развития и формирование новой реальности, обладающей кросскультурной, универсальной природой. Путь взаимодействия — это транзитивное движение по спирали, когда новое состояние общества, культуры, экономики сохраняет наиболее значимые черты предыдущего периода и, в то же время, начинает приобретать черты следующего, еще не наступившего этапа.

В условиях новой реальности все исторические процессы трансформируются. Секуляризация образования, имеющая богатый исторический опыт, разворачивается принципиально иначе, что требует соответствующего философского осмыслиения и рефлексии.

В статье анализируется понимание процесса секуляризации, определяется направление новой секуляризации и секуляризма. Характеризуются условия Четвертой промышленной революции, которые требуют переосмыслиния взаимодействия религиозных ценностей и системы образования. Рассматривается вектор модернизации образования и религиозных ценностей и института религии.

Ключевые слова: образование, секуляризация, секуляризм, Четвертая промышленная революция, религия.

K.S. Nazarenko

SECULARIZATION OF EDUCATION DURING THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

The purpose of this study is to analyze the phenomenon of the new secularization of education and to discover the balance between religion, philosophy, and science during the Fourth Industrial Revolution, which can be conceptualized as a transition from ideology to integral thinking through the emergence of new secularism and secularity. This interaction between different spheres of life represents a process of development and the formation of a new reality of a cross-cultural and universal nature. This interaction is a transitive, spiraling movement, whereby the new state of society, culture, and economy retains the most significant characteristics of the previous period and, at the same time, begins to acquire the characteristics of the next, yet to come, stage. In this new reality, all historical processes are transformed. The secularization of education, with its rich historical experience, is unfolding in a fundamentally different way, requiring corresponding philosophical understanding and reflection. The vector of modernization of education and religious values and the institution of religion is considered.

Key words: education, secularization, secularism, Fourth Industrial Revolution, religion.

Сегодня активно анализируется концепция Четвертой промышленной революции (4IR), сформулированная в 2015 г. основателем и директором Всемирного экономического форума Клаусом Швабом. Он говорит о принципиально новом технологическом этапе развития человечества и характеризует изменения, связанные с ним, оценивая преимущества и негативные тенденции этого этапа.[2, с.77]. Данное положение неминуемо провоцирует переоценку социальных ценностей, а также понимания секуляризации и светскости.

Европейские страны пережили массовую секуляризацию в 19-м и 20-м веках, что привело к появлению теории секуляризации.

Секуляризация рассматривается как процесс вытеснения из светской жизни религиозного мышления и, как результат, сведение сферы влияния религиозных практик и институтов только на духовную сферу жизни. Однако если ранее в истории религиозные институты вытесняли институт государства, то сегодня скорее научно-технический и цифровой прогресс вынуждают религию пересмотреть свою убедительную силу в обществе. Секуляризация образования – это не линейный телеологический процесс упадка, а исторически и политически обусловленный процесс развития общества, когда меняется, а не снижается роль и влияние религиозного знания в системе образования. Институты религии и образования не просто разделяются, а укрепляются, трансформируются и обновляются, отражая более широкий интерпретационный подход к секуляризации образования. В истории накоплен огромный опыт взаимодействия науки, образования, государства и религиозных ценностей.

Демокрит и софисты секуляризировали философское знание, основанное на мифологии и религии. Аристотель первым исследовал равновесие бытия вообще и социального бытия в частности, его можно считать первым светским мыслителем западной цивилизации. Он отделил государство от религии, задал вектор «мышления вне религии», десакрализировал Знание и утвердил рациональный метод мышления, определивший развитие культуры и образования на Западе и Востоке.[3, с.246]

Однако после закрытия Академии Платона философия развивалась не просто в тесной связи с религией, а внутри религиозного учения, выступая так называемой «служанкой богословия». Вторая волна секуляризации в Европе произошла в XV веке силами Реформации и через снижение политического влияния церкви. К правовой норме секуляризм приходит в начале XX века. Сегодня имеет место потребность в установлении новых отношений между религией и светским образованием, что вызвано объективными факторами развития, прежде всего качественными изменениями в образовании нового поколения в период Четвертой промышленной революции, которая связывает информационно-коммуникационными технологиями людей и общества, несмотря на культурные границы, и непрерывно трансформирует образ жизни и сообщества.

Необходимость взаимодействия религии и образования основана на понимании, что религия является частью культурного кода, фактором идентичности, таким как язык, исторический путь или культурное наследие[4].

Переосмысление секуляризации и секуляризма достигается путём критического проецирования философии через историю и помещения её продукта в контекст интеграции и глобализации.

Отличие секуляризации от секуляризма рассматривает Лонерган. Главными фигурами секуляризации он называет таких учёных, как Галилей и Дарвин. Секуляризация, встретив весомое сопротивление в обществе, породила длительный конфликт между наукой и религией, в ходе которого многие секуляризаторы превратились в секуляристов. Разница между ними, согласно Лонергану, заключается в том, что секуляризатор, имея дело с символическим текстом, отрицает лишь буквальное истолкование символической фигуры, но признаёт её объективное значение. Секулярист же считает, что символ не имеет никакого объективного значения, и описывает только субъективные переживания религиозных людей. [5, с.266]

Философ Юрген Хабермас определил новое понимание «секуляризма», также отделив его от термина «секуляризация». «Сегодня секуляризм часто опирается на строгий натурализм или на научно обоснованные аргументы». Предложение философа применимо как к образованию в светской школе, так и к «верующим гражданам и религиозным общинам, которые нуждаются в систематической адаптации. Для этого секулярная легитимность гражданского сообщества должна включать их веру в качестве своей предпосылки». [6, с.89]

Новый секуляризм и новая секуляризация должны выстраивать путь гармоничного естественного развития человека через три истины: религиозную, философскую и научную. В демократическом обществе консенсус между религией и образованием — естественно достижимая необходимость. Он был и остаётся возрождением естественной связи между тремя истинами, существовавшими со времён античной рациональности.

Образование часто рассматривается как средство построения более инклюзивного, открытого общества, но как системе справиться со сложностями поддержания нейтралитета при признании религиозных убеждений и ценностей, которые конкурируют с ценностями образования?

И религия, и образование — это социальные институты, обладающие своими ценностями, целями, функциями, характером.

Религия несет фундаментальный, традиционный, консервативный характер. Религия конечна, что объясняется ее источником — священным Писанием, который не подвержен изменению. Несмотря на трансформацию среды, религиозные истины остаются неизменны.

Источником современного образования являются достижения науки и государства, которое определяет вектор развития экономики и общества и формирует их потребности. Эти источники не только меняются со средой, но и сами провоцируют изменения. Образование традиционно, но при этом инновации и модернизация являются его неотъемлемыми характерными чертами. В современном образовании наука заменила религию как мощный способ постижения мира и путь к Истине. Образование обеспечивает расширение, рост и воспроизведение культуры, что выступает составляющей культурной преемственности и социального прогресса.

Однако Четвертая промышленная революция побудила систему образования создавать новую модель образования, ориентированную на персонализацию, виртуализацию, глобализацию, использующую виртуальные и дистанционные методы обучения и компьютеризированные способы обучения, устранив ограничения времени и пространства, она создает условия для непрерывного образования, творчества и совместной образовательной и научной деятельности, предлагая учащимся гибкость в изучении знаний, не ограниченных географическим положением, жесткими графиками или необходимостью физического присутствия. От адаптивных обучающих платформ под управлением искусственного интеллекта до модели образования 4:0 происходит переосмысление традиционных подходов к преподаванию и обучению.

Модернизация образования побуждается технологическим прогрессом, меняющимися экономическими и социальными требованиями. Изменения рабочего процесса в отрасли влияют на критерии работы, что отправляет образованию запрос на новые компетенции. Собирается новая форма учебного заведения, в котором преподавание, исследования и услуги реализуются спектром вариантов от традиционных до виртуальных через онлайн платформы, виртуальные классы и лаборатории, виртуальные библиотеки и др. Конкурентоспособность учебного заведения будет определяться возможностью удовлетворения многогранных потребностей современных учащихся. И если вопрос создания новой техносферы образования решается возможностями технологий и техники, то характер новой парадигмы образования — открытый дискуссионный философский вопрос.

Считается, что образование в нашей стране должно иметь светский характер. Но светский - не значит атеистический, а значит – неклерикальный.[7, с.114]

Секуляризация образования, как правило, рассматривается в рамках линейного процесса, в котором научно-технический прогресс и изменение образа жизни привели к постепенному снижению роли религии в государственных институтах. Однако сегодня точнее было бы говорить о преобразовании и стратегической мобилизации религии в соответствии с потребностями современности. Образование это именно та сфера, в которой происходит переосмысление светских и религиозных границ.

Четвертая промышленная революция сопровождается новыми этическими вопросами относительно работы искусственного интеллекта, генной инженерии и конфиденциальности данных, появления новых профессиональных ролей, связанных с использованием новых технологий.

Вся структура института религии будет вынуждена вести диалог с системой образования и наукой для определения своей позиции по отношению к новым технологиям и осмысливания новых вызовов, исходя из религиозных позиций. Новые технологии должны проходить осмысление в том числе в религиозной сфере общества, потому как религия неотъемлемо связана со всеми структурами жизнедеятельности общества.

Религиозные институты могут стать площадкой, способствующей укреплению ценностей милосердия и сострадания, поддержки общества в условиях меняющейся реальности, продвигая инклюзивность, а также обеспечивая социализацию маргинализированным сообществам. Чтобы остановить поток этических вызовов (т.е. отставать моральные принципы), религиозные лидеры и религиозные организации должны серьёзно задуматься о том, насколько далеко следует заходить в разработке и внедрении новых технологий, остерегаясь скрытых и явных тенденций к дегуманизации, связанных с разработкой и фактическим использованием новых технологий. Религиозные лидеры, религиозные организации и верующие могут внести значимый вклад в ответственную и этичную интеграцию технологий в эпоху четвёртой промышленной революции, гарантируя, что она служит на благо человечества и соответствует их религиозным ценностям и принципам, тем самым играя важную роль в трансформации четвёртой промышленной революции. А также могут оказывать духовную поддержку и руководство людям, которые сталкиваются с вопросами о смысле и цели жизни в условиях стремительных технологических изменений.

Религиозное представление о степени и характере влияния технологий Четвертой промышленной революции на нашу жизнь и окружающую среду необходимо для адаптации религиозной этики и ценностей для их жизнеспособности в новой реальности. Религиозные лидеры могут играть роль модераторов, способствуя внутриконфессиональному диалогу и взаимопониманию между различными конфессиями относительно того, как подходить к вызовам и возможностям Четвёртой промышленной революции и реагировать на них.

Знания, навыки и умения, требуемые работодателями в эту эпоху Четвертой промышленной революции, отличаются по сравнению со знаниями, навыками и умениями, требуемыми в прошлую эпоху. Религиозные организации могут участвовать в разработке образовательных программ, дающих людям знания и навыки, необходимые для жизни в цифровую эпоху, такие как кибербезопасность, искусственный интеллект и цифровая грамотность, отстаивая необходимость учета этической и аксиологической составляющих.

Современное взаимодействие религиозных ценностей и системы образования должно быть основано на плюрализме истин и их распространении в классических областях знания: философии, религии и науке. Несмотря на то, что религиозность и светскость существуют в разных системах координат, этические и философские вопросы находят отражение в обоих. Одно из ключевых качеств культуры – избыточность, которая выступает эволюционной необходимостью выживаемости и развития человечества. Культура должна обеспечивать множество разных сценариев жизнедеятельности, решения вопросов и проблем, построения действительности. И чем больше таких сценариев, тем более гибким и устойчивым будет общество. Поэтому религиозные ценности и религиозное мировоззрение должны находить

точки взаимодействие со всеми сферами жизнедеятельности, особенно системой образования как сферой, отвечающей за адаптивность и развитие. А новая секуляризация, в свою очередь, не должна исключать религиозные ценности из светской жизни, а помогать им адаптироваться к реальности новых технологий, чтобы служить опорой обществу в духовной сфере.

Библиографический список

1. Чагдурова Э.Д. "Транзитивность" как объект философского осмысления. Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6-1. С. 24-28.
2. Перевозчикова Л. С., Назаренко К. С., Куоба В. Д. Ключевые приоритеты высшего образования в эпоху четвертой промышленной революции Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 76-79
3. Ross W. D. Aristotle: Prior and Posterior Analytics. — Oxford: Clarendon Press, 1957. 688 с.
4. Leka A. Religion and the modern education. Academicus International Scientific Journal 27(27):176-205. 2023 DOI:10.7336/academicus.2023.27.11
5. Lonergan B. In Philosophical and Theological Papers, 1965-1980: Volume 17. Toronto: University of Toronto Press. (2004). 510 р.
6. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. — М.: Праксис, 2010. — 272 с.
7. Морозов А.В., Воденко К.В., Шарков И.Г. Взаимодействие образования и религии как фактор формирования духовной безопасности в современном российском обществе Гуманитарий Юга России. 2015. № 1. С. 109-122

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 327(73:5)(1-622НАТО)

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А.
Гагарина»
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
В.В. Гагин
Россия, г. Воронеж,
тел. 8.909.216.14.03;
e-mail: vrvio@yandex.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A.
Gagarin»
PhD in Historical Sciences,
Senior Researcher
V.V. Gagin
Russia, Voronezh,
tel. 8.909.216.14.03;
e-mail: vrvio@yandex.ru

В.В. Гагин

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КОНЦЕПЦИИ «ПЕРЕДОВОЙ ОБОРОНЫ» НАТО

Задуманная сразу после возникновения НАТО, окончательно сформулированная и принятая в начале 1960-х гг. концепция «передовой обороны» и ее более новые варианты являются основной стратегической концепцией НАТО в отношении ведения войны с СССР, а затем с Россией на Центрально-Европейском театре военных действий. Она остается практически неизменной на протяжении почти семидесяти лет. По своей сущности эта концепция была и сейчас является крайне агрессивной и всегда была направлена сначала против социалистических стран Европы, а после объединения Германии – против Российской Федерации. В исторической ретроспективе это многовековая константа грабительских походов объединенных европейских государств на Восток.

Ключевые слова: передовая оборона, Североатлантический альянс, «железный занавес», ядерная война, реваншизм, холодная война, военная истерия стран Евросоюза.

V.V. Gagin

CHARACTERISTIC FEATURES OF NATO'S «FORWARD DEFENSE» CONCEPT

Conceived immediately after NATO's founding, and finally formulated and adopted in the early 1960s, the «forward defense» concept and its later variants constitute NATO's core strategic concept for waging war against the USSR, and later against Russia, in the Central European theater of operations. It has remained virtually unchanged for nearly seventy years. At its core, this concept was and remains extremely aggressive and has always been directed first against the socialist countries of Europe and, after the unification of Germany, against the Russian Federation. In historical retrospect, it is a centuries-old constant in the predatory campaigns of the united European states in the East.

Key words: forward defense, North Atlantic Alliance, Iron Curtain, nuclear war, revanchism, Cold War, military hysteria of the EU countries.

В сентябре 1963 г. под нажимом ФРГ и США в качестве официальной стратегической концепции НАТО была принята концепция так называемой «передовой обороны». В иностранной печати эту концепцию называют также «передовой стратегией», «стратегией передовых рубежей» или «стратегией передовой линии». «Ныне НАТО, – заявил 21 апреля 1964 г. в интервью западногерманской газете «Ди вельт» верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Лемнитцер, – в состоянии осуществлять стратегию «передовой линии», которая, как известно, предусматривает сосредоточение у границ социалистических государств ударных сил НАТО, оснащенных ядерным оружием».

Надо сказать, что бывший гитлеровский генерал Л. Лемнитцер хорошо знал свое дело и никогда не отступал с позиций твердокаменного русофоба – еще весной 1945 г. он принимал активное участие в сепаратных переговорах американцев с генералом СС К. Вольфом. [1] Таким образом, в сентябре 2025 г. исполнилось 62 года одной из самых «долгоиграющих пластинок» в новейшей истории, не просто одной из теоретических концепций – одного из наиболее живучих агрессивных планов Запада по отношению к СССР, а современная международная обстановка позволяет сказать, и Российской Федерации.

Краткий исторический анализ дает возможность определить, что многочисленные представляемые международной общественности как глубокие и новаторские военно-политические модификации этой доктрины на реальную жизнь категорически не влияют и лишь маскируют постоянно провокационные цели НАТО под «актуальные и адекватные реакции» на «захватнические планы» России.

Тогда, в начале 1960-х гг. западногерманские реваншисты расценивали принятие концепции «передовой обороны» как выдающуюся победу ФРГ в системе НАТО, как признание союзниками возросшего влияния и военной мощи Западной Германии. Так, генеральный инспектор бундесвера генерал Треттнер с большим удовлетворением отмечал: «Наиболее ощутимым результатом вклада (ФРГ – авт.) в европейскую оборону было решение НАТО сделать тезис о передовой стратегии официальной программой своего руководства». Генерал Треттнер в прошлом также высокопоставленный гитлеровский генерал, активный участник германской помощи еще испанским мятежникам генерала Франко. [2]

Не менее откровенно об этом заявлял командующий сухопутными войсками бундесвера генерал-лейтенант Мезьер: «Осуществляемая теперь передовая стратегия была принята преимущественно по немецкому настоюнию. Требование (западногерманских реваншистов – авт.) о предоставлении права на планирование и первое применение ядерного оружия должно стать нашим следующим важным шагом». Яснее не скажешь: принятие концепции «передовой обороны» – только первый шаг; теперь задача состоит в том, чтобы получить ядерное оружие в свои руки, а затем и право на его применение в целях осуществления своих агрессивных реваншистских планов. Этот до боли знакомый мотив мы слышим и теперь в рассуждениях руководителей ЕС и НАТО о допустимости превентивной войны с Россией и о стратегическом поражении РФ на поле боя. [3]

Позднее, в период, когда Г. Коль каялся от лица всей Германии и просил прощения за нацистские преступления немцев в годы Второй мировой войны, теоретики и практики НАТО ни на секунду не допускали даже мысль об отказе борьбы с Россией – вполне в духе гитлеровского «Похода на Восток».

Не так ли и сейчас – немецкие претензии на лидерство в НАТО неизменны – сегодня Олаф Мерц с упорством, достойным лучшего применения, и недопустимой категоричностью угрожает Российской Федерации войной. [4]

Какова же была и остается сущность концепции «передовой обороны» НАТО? Пропаганда Запада пытается представить ее как концепцию оборонительную, которая якобы предусматривает оборону на передовой линии, на передовом рубеже в непосредственной близости от восточной границы ФРГ. Отсюда и пошло название стратегии «передовой линии» или «передовой обороны». На самом деле эта стратегия носит ярко выраженный наступательный характер. Она была принята взамен так называемой «периферийной стратегии», допускавшей в случае неудачных действий отход в начальный период войны сухопутных войск НАТО на запад, вплоть до р. Рейн, а затем переход их в контрнаступление, как бы с периферии, после того как при помощи ядерного оружия соотношение в силах будет изменено в пользу Запада. Однако эту стратегию по существу не признавали военные руководители бундесвера. Они противопоставили ей новую, «передовую стратегию». По этому поводу генеральный инспектор бундесвера генерал Треттнер писал: «Понятно, что ответственные офицеры НАТО, исходя из опасного

географического и военного положения Центральной Европы, противопоставили концепции неподвижного оборонительного фронта на Рейне идею гибкой передовой обороны». Под «гибкой передовой обороной» понимаются активные наступательные действия. Об этом свидетельствуют взгляды, которых придерживается политическое и военное руководство Западной Германии с момента создания ФРГ. Нынешние идеи североатлантического альянса не исключение и останутся ли они просто грубыми и откровенными провокациями или превратятся в реальные дела последышей гитлеровских рецидивистов, покажет время. [5]

Как писала в начале 1960-х гг. советская пресса, концепция «передовой обороны» является отражением агрессивной сущности всей военно-политической доктрины НАТО и особенно Западной Германии, доктрины, порожденной самой природой западногерманского монополистического капитала, претендующего на безраздельное господство в Европе. Эта концепция была основана еще в 1952 г., когда бывший канцлер ФРГ Аденауэр заявил перед бундестагом: «Европу надо защищать у железного занавеса, и если это возможно, защищать наступлением на восток». [6]

Открыто агрессивная концепция «передовой обороны» остается господствующей в ФРГ и по сей день. Боннский министр обороны Хассель, например, в органе реваншистов «Дейче остдинст» еще в сентябре 1962 г. писал: «Для возвращения отечества (имеется в виду захват территории ГДР, ряда западных областей СССР, Польши и Чехословакии – авт.) надо сделать большее, чем только с тоской смотреть на восток». Не менее нагло высказался по этому вопросу бывший канцлер ФРГ Эрхардт в своем выступлении 21 марта 1964 г.: «Мы не откажемся и не можем отказаться от территории, которая является исконной родиной такого большого числа наших немецких сестер и братьев». Знакомая тема и сегодня – не правда ли?

После принятия в НАТО концепции «передовой обороны» руководство бундесвера развернуло широкую кампанию по пропагандированию необходимости наступательных действий в самом начале будущей 3-й мировой войны. Западногерманская печать стала трубить о том, что бундесверу необходимо психологически перестроиться на наступательный лад. [7]

Не обошел молчанием необходимость «психологической подготовки к ведению наступательных действий» и официальный орган бундесвера журнал «Веркунде». Он писал: «Для широких боевых действий на собственной территории Федеративной Республике не хватает психологических предпосылок для стойкости западногерманского населения. В последних трех войнах немцы сражались за пределами своих границ. Когда в 1945 г. наземная война вторглась в Германию, население, несмотря на господство диктатуры, оказалось морально не подготовленным к действиям против сильного противника. Мы не подготовлены к этому испытанию и в будущем мы также к этому не готовы, нам не хватает исторического опыта. У нас плохо развита способность оказывать моральное сопротивление вторжению». Из этого откровенно реваншистского постулата следует, что раз ФРГ психологически не подготовлена вести оборонительные действия, то необходимо готовиться только к наступлению. В наши дни так же, как и почти 70 лет назад, основными руководителями ЕС повторяется мантра про подготовку и готовность к неизбежной якобы войне с Россией в 2028 г. [8]

Другим аргументом, который обычно выдвигается в качестве обоснования наступательного характера «передовой обороны», является ссылка на невыгодное для обороны стратегическое положение ФРГ. Так, командующий сухопутными войсками бундесвера генерал-лейтенант Мезьер в книге «Оборона страны в рамках общей стратегии», выпущенной в 1964 г., писал: «Территория Федеративной республики длинна и узка. Ей не хватает необходимой глубины для осуществления обороны. Добившись признания передовой стратегии, федеральное правительство достигло решающего успеха, который был возможен только благодаря созданию бундесвера и его включению в НАТО».

Приняв концепцию «передовой обороны» в качестве основы для разработки агрессивных планов, командование НАТО, подталкиваемое западногерманским военно-

политическим руководством, потребовало от стран-участниц проведения в мирное время практических мероприятий, направленных на обеспечение оперативного замысла, положенного в основу этой концепции. В тот период соединения западногерманской и американской армий уже были расположены на главных операционных направлениях вблизи западных границ ГДР и ЧССР и содержались в готовности к наступлению. Руководство НАТО, и особенно бундесвера, не было удовлетворено этим и добивалось того, чтобы вооруженные силы других стран – участниц блока, в частности, Франции, Бельгии и Великобритании, также должны были занять более выгодное положение, соответствующее «передовой обороне». По этому поводу западногерманский генерал Шпейдель, например, говорил: «Американские союзники с их отличными и мобильными дивизиями располагаются не на классическом танкоопасном направлении, которое представляет собой Северогерманскую низменность. Английские дивизии все еще располагаются в районах, занятых при капитуляции. Французское присутствие ограничивается двумя оперативными частями, имеющими к тому же неудачное географическое расположение».

Французские войска, вопреки требованиям западногерманских генералов выдвинуться к западной границе Чехословакии, продолжали оставаться в горном районе Шварцвальда и в долине верхнего Рейна. Французское командование, занятое реорганизацией вооруженных сил и созданием стратегических ударных сил, не проявляло особой охоты расходовать средства на перегруппировку своих войск, расположенных в ФРГ. Продолжали оставаться на берегах Рейна и основные соединения бельгийского армейского корпуса, переданного в НАТО. Нидерланды, как и прежде, содержали свои войска, переданные командованию НАТО, на собственной территории, имея восточнее р. Везер лишь одну бригаду. Не произошло, судя по сообщению прессы, каких-либо существенных изменений и в группировке Британской Рейнской армии.

Чем можно было объяснить такое положение?

Западные корреспонденты и военные обозреватели считали, что перегруппировка войск в пределах Центрально-Европейского ТВД в соответствии с концепцией «передовой обороны» потребует затраты значительных дополнительных средств, необходимых для строительства казарм, жилых домов, хранилищ для боевой техники, учебных полей и полигонов, складов и других сооружений. Однако Франция, Великобритания, Нидерланды и Бельгия на такие расходы не пошли.

В опубликованном в то время сообщении в бюллетене «Европресс НАТО» указывалось, что правительство ФРГ готово даже взять на себя почти все расходы по «передислокации в соответствии с концепцией «передовой обороны» не только французских, но и английских, американских и западногерманских дивизий». По расчетам иностранных военных обозревателей, расходы, связанные с этим, обошлись бы примерно в 10-15 млрд. марок.

Милитаристы ФРГ и в наши дни находятся на острие «борьбы» за модернизацию НАТО, и готовы ради этого на беспрецедентные расходы. [9]

Следует, однако, заметить, что торг о расходах, ведущийся в сфере политики, никогда не мешал, и не мешает военному руководству НАТО готовить вооруженные силы блока по программам, составленным на основе замыслов концепции «передовой обороны».

Характерной чертой «передовой обороны» является также и то, что она основывается на ядерном оружии, которое, по взглядам полувековой давности и современным взглядам западногерманских стратегов, должно быть применено в самом начале войны. Направленность боевой подготовки вооруженных сил НАТО в последние годы свидетельствует о том, что осуществление этой концепции в любом варианте – в ограниченной или во всеобщей ядерной войне – зиждется на применении ядерного оружия. Пропагандистская машина Западной Германии настойчиво внушала своим союзникам по агрессивному Североатлантическому блоку мысль о том, что существующие вооруженные силы НАТО не в состоянии решить поставленные перед ними задачи, применяя только

обычное оружие. Актуализация странами ЕС применения ядерного оружия – характерная черта опаснейших военных устремлений НАТО и сегодня. [10]

Следует отметить, что по вопросу применения ядерного оружия в начальный период войны в Европе представителями военных кругов стран НАТО высказывались различные точки зрения.

Военное руководство США считало, что война в Европе может начаться обычными средствами; ядерное оружие может быть применено уже в ходе войны. При этом так называемый «ядерный порог» должен быть сравнительно высоким. Это значит, что переход от обычной войны к ядерной и от ограниченной к всеобщей должен быть постепенным, осторожным, с применением «пауз» для обсуждения, предупреждения и дипломатических переговоров. Решение на использование тактического, а затем и стратегического ядерного оружия должно приниматься только американским политическим и военным руководством. Концепция «передовой обороны», по мнению Пентагона, должна базироваться на использовании как обычного, так и ядерного оружия. При этом ядерное оружие может быть применено, по его мнению, тогда, когда войска НАТО не смогут выполнить возложенные на них задачи, используя только обычные средства. Применение ядерных средств вначале должно ограничиваться наиболее угрожающими направлениями, на которых должно быть достигнуто решающее изменение в соотношении сил в пользу НАТО. Если таким путем не будут достигнуты желаемые результаты, ядерное оружие должно быть применено и на других участках. При этом, по мнению американских военных деятелей, может якобы происходить регулируемое командованием НАТО постепенное наращивание в ходе войны мощности применяемых ядерных боеприпасов.

В отличие от американской точки зрения на применение ядерного оружия в ограниченной войне в Европе, западногерманские реваншисты, наоборот, подчеркивали, что так называемый «ядерный порог» должен быть сравнительно низким, то есть ядерное оружие должно применяться по возможности на ранней стадии военного конфликта. «Концепция «гибкого реагирования» применительно к Европе как в политическом, так и в военном отношении, – заявил министр обороны ФРГ Хассель еще в январе 1965 г., – не должна означать, что так называемый «ядерный порог» можно поднять на недопустимо большую высоту, не считаясь с политическими соображениями. ... В отношении Европы это означает, что «ядерный порог» должен быть очень низким, потому что Западная Европа, рассматриваемая как часть общей территории НАТО, является единственным стратегическим плацдармом, не имеющим глубины, плацдармом, где нельзя допустить потери территории и уменьшения потенциала Запада».

Мысль о том, что американские взгляды на ведение ограниченной войны в Европе неприемлемы для Западной Германии, в ходе более чем полувековой истории «передовой обороны» неоднократно высказывалась и другими политическими и военными деятелями ФРГ. Например, председатель совета обороны ФРГ Генрих Кроне в конце 1964 г. заявил, что «стратегическая доктрина «гибкого реагирования» объяснима и понятна с точки зрения американцев. Но для населения Центральной Европы она сулит немало неприятных последствий». Кроне, так же, как и Хассель, считал, что американские взгляды, допускающие ведение войны в Европе обычным оружием, неприемлемы для ФРГ потому, что они якобы дают возможность вторжения противника и влекут за собой потерю части территории Западной Германии. На организованной в декабре 1964 г. в Гейдельберге конференции «Союза военно-политических университетских групп», на которой присутствовал министр обороны ФРГ Хассель и другие видные представители бундесвера, профессор Вильденманн заявил: «То, что для европейских партнеров имеет стратегическое значение, может представлять для США только тактический интерес...»

Одним из важных мероприятий по осуществлению концепции «передовой обороны» являлось создание ядерного минного пояса вдоль восточной границы ФРГ. По оценке военных обозревателей Запада, минный пояс должен обеспечить прикрытие второстепенных

направлений, снятие с них войск и сосредоточение их для наступления на решающих направлениях. В случае же неудачи такого наступления и вынужденного перехода соединений НАТО к обороне он должен стать мощным барьером на пути наступления войск противника – стран Варшавского договора. План создания такого ядерного минного пояса, как известно, предложил НАТО главный инспектор бундесвера генерал Треттнер, поэтому он стал называться «планом Треттнера». По данным иностранной печати, подготовка к созданию такого ядерного минного пояса велась путем постройки шахт для установки ядерных фугасов в непосредственной близости от границ ГДР и ЧССР. [11]

В современном варианте ядерные фугасы заменяются запрещенными международными конвенциями миллионами противопехотных мин вдоль границ России и прибалтийскими странами-лимитрофами. [12]

Французская точка зрения в начале 1960-х гг. не совпадала ни с американской, ни с западногерманской – она была еще более радикальной. В июне 1964 г. начальник штаба вооруженных сил Франции генерал Айере выступил с лекцией для высших офицеров НАТО, в которой изложил официальную позицию французского правительства по этому вопросу. Генерал Айере считал, что стратегия, основанная на применении обычного оружия, для Европы неприемлема. Он полагал, что ведение войны обычными средствами возможно только там, где имеется некоторое равновесие между силами противников. В Европе, по его оценке, такого равновесия нет, так как страны Варшавского Договора превосходят страны НАТО в области обычных вооружений. Он отвергал также войну на Европейских театрах с применением и тактического ядерного оружия, так как это привело бы к полному опустошению густонаселенной Европы. Единственно приемлемой формой ведения войны в Европе Айере считал массированное применение стратегических ядерных сил в самом начале ее. На словах одобрав в принципе концепцию «передовой обороны», французское правительство в то же время заявило, что передислокацию своих войск к границам ГДР и ЧССР оно может осуществить не ранее 1970 г., если Западная Германия построит в новых местах дислокации казармы для французских войск. Эти откровенно провокационные формулировки звучат и сегодня в витиеватых, но неизменно агрессивных выступлениях Э. Макрона.

Также «двуедина» и точка зрения Великобритании. Она также основывалась на том, что «передовая оборона» может базироваться главным образом на ядерном оружии. Война с применением только обычных средств, по английской военной доктрине, возможна преимущественно на особых театрах военных действий, в частности, в Африке, Азии, Латинской Америке. Что касается Европы, то в этом районе такой вид войны английские теоретики считали маловероятным. Если такая война возникнет, то она, по их мнению, явится прелюдией к ядерной войне. В английской «Белой книге» по военным вопросам еще в 1962 г. указывалось: «Правительство считает, что большая война не сможет долго продолжаться без того, чтобы та или другая сторона не прибегла к ядерному оружию».

Вместе с тем, передислокацию объединенных вооруженных сил НАТО, находящихся в Западной Германии, к восточной границе ФРГ английское министерство обороны предлагало заменить «поочередным расположением войск в полевых лагерях», ссылаясь на то, что «было бы слишком дорого делать что-либо большее». Поскольку «передовую оборону» предлагалось основывать на ядерном оружии, то часть английских войск с обычным оружием, расположенных на территории ФРГ, правительство Великобритании считало возможным перебросить на Британские острова или в другие районы, где в них возникнет необходимость. [13]

Французский журнал «Стратежи» (печатный орган института стратегических исследований) опубликовал в 1965 г. ряд статей по проблемам стратегических концепций НАТО. В одной из них военный обозреватель журнала «Стратежи» М. Эйро был вынужден признать, что между странами Североатлантического блока существуют острые противоречия, подозрительность и недоверие. Как видно из статьи Эйро, разногласия в блоке НАТО проявлялись в двух основных направлениях. Тех же самых направлениях, что и

сегодня: с одной стороны, наблюдается стремление европейских стран НАТО освободиться от американской зависимости, с другой стороны, идет острая борьба между главными европейскими странами за руководящую роль в Западной Европе.

Стремясь освободиться от диктата США в НАТО, правящие круги крупнейших европейских стран – участниц этого блока – в то же время выражали и сегодня выражают опасение, смогут ли они осуществить свои экспансионистские устремления без прямой ядерной поддержки со стороны Соединенных Штатов Америки. Это обстоятельство пытались и сейчас пытаются использовать washingtonские политики и стратеги в качестве одного из основных средств давления на несговорчивых партнеров. Государственный секретарь США Дин Раск, в частности, использовал этот козырь в стремлении мобилизовать своих союзников по блоку на поддержку ведущейся американцами преступной войны во Вьетнаме. На сессии совета НАТО, проходившей в Париже в декабре 1965 г., он в целях грубого нажима на своих союзников сказал, что «США могут потерять интерес к Европе, если их вынудят отказаться от Вьетнама». Не так ли нынешний президент Соединенных Штатов Д. Трамп угрожает перенести все свое внимание на Ближний Восток (в сектор Газа) или на Дальний Восток, в регион Тайваня?

Декабрьская 1965 г. сессия совета НАТО показала, что противоречия в Североатлантическом блоке, о которых писал М. Эйро, не были устранины и имели тенденцию к обострению. В европейских странах НАТО росло, в частности, сопротивление некоторой части правящих кругов домогательствам западногерманских реваншистов, рвавшихся к ядерному оружию. Это и понятно. В течение первой половины двадцатого века народы Западной Европы уже дважды испытали на себе германское нашествие и поэтому не хотели вновь стать объектом агрессии западногерманских милитаристов. Однако с этим не считались правящие круги США – намереваясь оснастить западногерманский бундесвер ядерным оружием, они ставили все человечество на грань истребительной ракетно-ядерной войны. [14]

При этом наличие острых противоречий в НАТО, и почти семьдесят лет назад, и сегодня ничуть не означает, что эта милитаристская организация меняет свою агрессивную сущность. Североатлантический блок был и остается главной ударной силой империалистических государств, направленной сначала против Советского Союза, всех социалистических государств, против мирового коммунистического движения и национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран, а теперь и против России.

Как видно из той же статьи М. Эйро в журнале «Стратежи» (это же подтверждается и материалами декабрьской 1965 г. сессии совета НАТО), происходившие в блоке раздоры проис текали, главным образом, из-за того, кто должен нести расходы, связанные с агрессивными военными приготовлениями, кто должен находиться у руля правления НАТО, особенно в европейской зоне, как поделить сферы влияния и обеспечить максимальные прибыли своим монополиям. Статья Эйро построена в плане, типичном для западной пропаганды. Как и другие идеологи и пропагандисты империалистических государств, он стремился представить Советский Союз и другие социалистические страны в качестве нападающей стороны, а интенсивные приготовления США, ФРГ и их партнеров по военным блокам к агрессивной войне против мировой социалистической системы – в виде оборонительных мероприятий от «коммунистической агрессии». Теперь точно по такой же кальке представляются действия Российской Федерации.

Еще в 1961 г. между странами атлантического сообщества возникли и достигли пика острые противоречия. В действительности, как со стороны США, так и европейских стран на передний план выступали и продолжают выступать сегодня сугубо национальные интересы.

Какова была позиция США? Выжидательная позиция washingtonского правительства в области общей стратегии по отношению к европейским проблемам в начале 1960-х гг. была в еще большей степени подтверждена тем, что президент Джонсон был намерен отдать

определенное предпочтение решению внутренних проблем своей страны, равно как и Дональд Трамп в 2025 г. Аналогичное положение сложилось и в отношении военной стратегии, в которой произошла определенная эволюция. Если выступления Министра обороны Макнамары подтверждали, что американская официальная доктрина вновь возвращается к стратегии устрашения союзников, в наши дни политика Трампа модифицировалась – теперь это тактика выкручивания рук при совершении «сделок».

Как и в шестидесятых годах, многие американские обозреватели сегодня считают, что в конгрессе США, как и в стране в целом, складываются две группы. Одна из них требовала проведения наступательной внешней политики (расширение войны во Вьетнаме, навязывание многосторонних ядерных сил европейским странам, интервенция в Конго). Другая – настаивала на том, чтобы Соединенные Штаты сосредоточили главные усилия на увеличении своих богатств и на решении внутренних проблем. Нынешний хозяин Белого дома Д. Трамп уже прекратил несколько войн и хочет снова сделать Америку великой – не правда ли, как под копирку?

Показательный факт: как и их последователи сегодня, политики и политологи 1960-х гг. считали, что еще никогда со дня основания НАТО национальный вопрос в странах Европы и неизоляционизм в США не приобретали такой остроты, как в то время. Как и в прошлом, европейские обозреватели сегодня полагают, что настало время проанализировать основные проблемы североатлантического сообщества. Этот анализ, по их мнению, должен быть начат американцами прежде всего с признания целого ряда «неприятных» для себя факторов. [15]

Во-первых, даже в 1960-х гг. Советский Союз и страны социалистического лагеря давали основание надеяться на возникновение справедливого и многополярного мира. Соединенные Штаты должны были отказаться от того, чтобы по-прежнему считать себя единственной и постоянной международной полицейской силой. Советское могущество и усиление влияния афро-азиатских стран существенным образом ослабили значение и мощь США как полицейского арбитра, способного ликвидировать международные кризисы.

Во-вторых, ни один из участников существующих тогда военных блоков и пактов (НАТО, СЕАТО, СЕНТО и др.) не был готов без промедления поддержать усилия США, направленные на то, чтобы остановить развитие коммунистического движения.

Наконец, потерпела фиаско и американская политика контроля над ядерными силами НАТО.

В июле 1964 г. американский автор А. Этзиони в своей работе «Победить без войны» предложил подходить к решению проблем тотальной стратегии, стоящих перед США, дифференцированно. Он утверждал, что Соединенным Штатам следовало бы отказаться от стратегии холодной войны, так как она уже не соответствует современной обстановке и сложившемуся соотношению сил. По его мнению, эта стратегия предназначалась главным образом для того, чтобы выиграть время и дождаться того момента, когда ослабеет Советский Союз. Однако эти расчеты не оправдались. Как и сегодня, усилия американцев добиться гегемонии в стратегической области наталкивались на сильное сопротивление европейских государств, стремящихся к активному участию в ядерной стратегии. Кроме того, и сейчас в ряде других вопросов эти страны проводят политику, отличную от политики США.

В качестве вывода по вопросу о тотальной стратегии Запада можно указать на постоянное существование двух тенденций: с одной стороны, наблюдается американское стремление к «неизоляционизму», с другой стороны, многие авторы в США призывают к необходимости разработки совместно с европейскими партнерами общей стратегии, более совершенной по сравнению с той, которая проводится в настоящее время.

Следует, однако, отметить, что специфические интересы различных государств мешают решать эти проблемы и заставляют считаться с позицией и политикой основных европейских стран. По оценке многих обозревателей, те принципы, которыми руководствовалось правительство Вильсона, являлись довольно противоречивыми. С одной

стороны, создается впечатление, что лейбористы стремились выполнить предвыборные обещания по вопросам обороны, утверждая, что разоружение является конечной, хотя и весьма отдаленной целью, и говоря о своем намерении отказаться от национального ядерного вооружения. С другой стороны, наблюдалось стремление сохранить свои позиции на мировой арене, в частности господствующее положение Великобритании в районах, расположенных к востоку от Суэцкого канала. Это отчетливо выявляется при чтении правительственные документов того времени, а также находит свое яркое выражение в статьях и выступлениях многих английских обозревателей. [16]

Министр обороны Великобритании Хили заявлял, что действующие в то время (1965 г.) стратегические концепции НАТО устарели: «Совершенно абсурдно надеяться, что НАТО сможет вести и выиграть ядерную войну в Европе, если только она продлится несколько месяцев после первых взаимных ядерных ударов». Хили считал, что в любом сражении, которое будет вестись с использованием так называемого тактического ядерного оружия, ущерб и разрушения не станут от этого менее катастрофическими. В этих условиях, по его словам, идея «организованной войны» не может быть ничем иным, как утопией, лишенной здравого смысла. Современный премьер-министр Великобритании Стармер по сравнению с Хили – безответственный и самонадеянный кликуша. Вместе с тем, заявлял Хили, Великобритания не может не учитывать вероятности преднамеренно спланированного тотального ядерного удара противника и должны направить свои усилия на создание таких вооруженных сил, которые были бы способны отразить любое вооруженное нападение, независимо от того, является ли оно результатом случайности или недопонимания. Вот та единственная реальная проблема современного момента, которую необходимо решить в Европе. Хили требовал привести вооруженные силы НАТО в соответствие с новой обстановкой. В частности, он считал, что следует отказаться от концепции обороны, основанной на использовании вооруженных сил, оснащенных тактическим ядерным оружием, и ограничиться системой обороны, предусматривающей наличие и использование только обычных вооруженных сил.

Не был обделен вниманием британских милитаристов и Ближний Восток. Некоторые английские комментаторы утверждали, что правительство Вильсона допускает серьезную ошибку, сосредоточивая основные усилия в странах, расположенных к востоку от Суэцкого канала. Так, например, журнал «Экономист» писал, что Великобритания фактически не является уже европейской державой, а английские интересы и заботы отличны от европейских, и тем самым дать лишний козырь в руки генерала де Голля, который уже заявил однажды: «Опасность заключается в том, что господа Хили и Вильсон, пытаясь сделать то, что им нужно в районах, расположенных к востоку от Суэцкого канала, делают это наихудшим английским образом и лишь усиливают раскол Запада».

В наши дни функции ближневосточного жандарма выполняют Соединенные Штаты и вскормленные заботой и опекой дяди Сэма вполне созревшие для бесчеловечных карательных операций вооруженные силы Израиля – суть конфликтов на Ближнем Востоке остается неизменной.

Позиция Западной Германии определялась, во-первых, ее географическим положением по отношению к Востоку; во-вторых, все более возрастающим в тот период стремлением к воссоединению немцев и, в-третьих, боязнью того, чтобы не оказаться в положении дипломатической изоляции. Министр обороны ФРГ в статье, опубликованной в январе 1965 г. в журнале «Форин афферс», писал, что мирное сосуществование и разрядка международной напряженности являются не чем иным, как средством, предназначенным для уничтожения пояса защиты, созданного Западом вокруг коммунистического блока. Он считал, что любое сокращение численности союзных войск в Европе могло бы привести к нарушению того зыбкого равновесия сил, которое установилось на европейском континенте. Ничто не ново под луной – и сегодня главный девиз ФРГ, руководителей стран Запада и

НАТО заключается в наращивании сил, способных противостоять якобы «угрожающей им России». Новый виток гонки вооружений начался.

Но больше всего западных немцев тогда беспокоило отсутствие поддержки со стороны Вашингтона их усилий по объединению Германии. Обиженных американским невниманием немцев «выручил» М.С. Горбачев, подрывная деятельность которого на посту руководителя нашей страны требует объективного рассмотрения и анализа.

Тем не менее большинство западногерманских экспертов остаются верными принципу тесного союза и сотрудничества с США. Многие из них считают, что французские ядерные ударные силы, которые иногда предлагают им взамен американской протекции и покровительства, не в состоянии обеспечить безопасность Федеративной Республики, так как сдерживающая мощь этих сил является и останется слишком слабой для этого. [17]

Как заезженная патефонная пластинка, семьдесят без малого лет повторяется одно и то же: тогда многие немцы Западной Германии присоединялись к позиции, занятой их министром обороны фон Хасселем, который выступал за совместную разработку и проведение единой стратегии Запада. В отношении ядерной стратегии западногерманский министр ратовал за принятие американской концепции «гибкого реагирования» с оговоркой, что «решение на применение ядерного оружия должно приниматься по возможности самыми низкими инстанциями». По его мнению, положение, по которому решение на применение ядерного оружия может быть принято только в высших сферах, чревато той опасностью, что противник может преднамеренно пойти на хорошо рассчитанный риск и создать положение, дающее ему ряд преимуществ, особенно в ходе будущих переговоров. Разве не очевидным был для таких отечественных политиков, как, например, Хрущев или Горбачев, непоколебимый постулат: страны ЕС не могут терять территории, зато охотно приобретают их за счет новых членов НАТО, образовавшихся в результате во многом губительной для нашей страны перестройки?

В Бельгии многие авторы, в том числе и министр иностранных дел Спаак, высказывали серьезную озабоченность по поводу опасности возрождения западногерманского национализма. В целях предотвращения этой опасности Спаак предлагал как можно быстрее осуществить политическое объединение Европы. Он требовал, чтобы экономический опыт, накопленный Европейским экономическим сообществом, был распространен и на область политики. [18]

Будучи здоровым скептиком, бельгийский генерал Дель Мармоль выступал за признание сил и средств Соединенных Штатов в качестве главного фактора ядерной защиты Европы. Он полагал, что «объединенные европейские ядерные силы могут в какой-то мере лишь усилить сдерживающий фактор американских сил устрашения и таким образом явиться элементом равновесия сил в международной политике». Но вместе с тем он утверждал, что большинство бельгийских экспертов решительно выступает против создания как многосторонних ядерных сил НАТО, так и национальных ядерных сил.

Сегодня, глядя на оголтелую сторонницу войны с Россией до последнего украинца представительнице Брюсселя Урсулу фон дер Ляйен, приходится сожалеть по поводу западной русофобской истерии, охватившей страны и руководство североатлантического альянса. Однако ход новейшей истории объективно показывает, что не только цели и задачи НАТО, но и способы их достижения на Западе ничуть не изменились, а порой и вовсе клонируются без учета давно изменившихся международных и военно-политических реалий. Все так же, как и почти семьдесят лет назад, политики Евросоюза допускают и надеются на возможность создания национальных ядерных сил, которые могут стать зародышем будущих объединенных европейских ядерных сил; последние могут быть образованы либо путем объединения национальных ядерных сил, либо в результате предоставления в распоряжение европейских стран части ядерных сил НАТО. Все так же второй вариант решения проблемы является более привлекательным и логичным, а главное более желательным, так как предполагает активное сотрудничество в них, а главное – и львиную долю финансирования – и Соединенных Штатов Америки.

Президент Франции Ш. де Голль исключительно остро ставил вопрос о необходимости обеспечить независимость и самостоятельность Европы и своей страны по отношению к обоим доминирующими в мире блокам. Многочисленные исследования в области экономической политики имели своей основной целью, с одной стороны, выяснить, действительно ли независимости Франции угрожает экономическое давление со стороны США, а с другой – изучить и определить те мероприятия, которые необходимо осуществить, чтобы предотвратить опасность экономической колонизации. Многие французские комментаторы считали, что опасения оказаться под экономическим господством США, которое неизбежно приведет и к политике зависимости, присущи не только французам, но также западным немцам и англичанам. [19] Ныне все опасения отброшены – президент Франции Э. Макрон отчаянно желает и его коллеги по ЕС также прямо-таки алчут попасть под широкое крыло американского орла.

В книге «За военную доктрину Франции», опубликованной в 1965 г., предлагалось руководителям своей страны направить основные усилия в первую очередь на развитие экономики, а не на производство вооружений, поскольку только это может обеспечить подлинную независимость Франции. «Если мы изберем именно этот военный путь, то рискуем получить независимость ценой полного хаоса и развала нашей экономики. И напротив, признав американское лидерство в области военной стратегии, мы смогли бы сократить до разумного предела свои усилия в военном деле и получили бы возможность использовать сэкономленные на вооружении средства для капиталовложений в другие области экономики». При этом военная истерия во Франции была ничуть не меньшей, чем сегодня. [20]

Как видим, налицо все та же (актуальная и сегодня) постоянная попытка, декларируя собственную европейскую независимость и самостоятельность, ежесекундно оглядываться на США: не разочарованы ли Штаты такой дерзостью, не прекратят ли Штаты свою помощь?

В 1960-х гг. международный обозреватель Хасснер в целом ряде своих статей отмечал, что основные положения и точки зрения по вопросам стратегии НАТО постепенно сближаются: большинство авторов в конечном счете приходит к более или менее общему мнению по целому ряду основных принципиальных положений:

- необходимость производства и применения тактического ядерного оружия;
- необходимость создания достаточно мощных обычных сил;
- силы устрашения и силы обороны являются по существу двумя совершенно различными компонентами, однако для отражения опасности агрессии и самой агрессии необходимо иметь и то, и другое;
- закономерность существования, по крайней мере в течение определенного времени, одного или нескольких европейских центров с правом самостоятельно принимать решения на применение ядерного оружия;
- нетерпимость дальнейшего сохранения американского господства и бесконтрольного анархического распространения ядерного оружия.

Концепция «передовой обороны» основывается на применении ядерного оружия. Ведение войны обычными средствами считается возможным только в начальном периоде в течение непродолжительного времени. Ведущая роль в осуществлении стратегии «передовой обороны» отводится США, в руках которых находятся основные ядерные силы НАТО, и западногерманскому бундесверу, представляющему главные ударные силы сухопутных войск на Центрально-Европейском ТВД.

Время показало, что принятие концепции «передовой обороны» не ликвидировало противоречий в НАТО, а наоборот еще больше обострило их. Каждая из стран – участниц Североатлантического блока стремится трактовать эту стратегию по-своему и использовать ее в своих интересах. Именно таким образом складывается обстановка и сейчас: Великобритания, Германия и Франция, декларируя единство в желании превратить Украину

в «стального дикобраза», на деле всячески пытаются переложить многомиллиардные расходы и политическую ответственность на кого угодно, лишь бы не на себя. И как всегда, их взгляды обращены через Атлантику, на Вашингтон.

Еще и еще раз отчетливо просматривается набивший за минувшие более шестидесяти лет осколину прием милитаристов под руководством ФРГ, Франции и Великобритании – повышение градуса реваншистских высказываний и мероприятий перед крупными переговорами с Россией.

Исторический, планетарного масштаба подарок М.С. Горбачева Североатлантическому альянсу только усилил желание Запада нанести еще больший военный, политический и экономический урон России.

Принятая еще в начале 1960-х гг. в НАТО концепция «передовой обороны», унаследовавшая черты авантюристической агрессивной политики германского милитаризма, и сейчас, как бы она не называлась, усиливает опасность войны в Европе. Это требует всемерного повышения бдительности и нашей постоянной готовности отразить любые происки агрессоров.

Библиографический список

1. Генерал Л. Лемнитцер. Эл. ресурс: <https://cyclowiki.org/wiki>. Дата обращения 03.12.2023.
2. Fellgiebel, Walther-Peer. Die Träger des Ritterkreuzes des Eisernen Kreuzes 1939-1945. – Friedburg, Podzun-Pallas, 2000. – 468 s.
3. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XI международном научно-экспертном форуме «Примаковские чтения», Москва, 24 июня 2025 г. Эл. ресурс: https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/vystuplenie_i_otvety_na_voprosy_ministra_inostrannykh_del_rossiyskoy_federatsii_s_v_lavrova_na_xi_me/. (Дата обращения 17.08.2024)
4. Мейор К. Готова ли Германия к новой роли в области международной безопасности. Эл. ресурс: <https://carnegie.ru/2017/03/13/ru-pub-68251>. (Дата обращения 19.04.2019)
5. Мерц сделал громкое заявление о конфликте Германии с Россией. Эл. ресурс: <https://news.mail.ru/politics/67662146/>. (Дата обращения 27.07.2025)
6. Мэнвэлл Р., Френкель Г. Июльский заговор 1944. – М.: Центрполиграф, 2007. – 268 с. Эл. ресурс: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/konrad-adenauer-1939092>. (Дата обращения 10.05.2025)
7. Письмо 73-х: немецкие эксперты призвали власти ФРГ к коренному изменению политики в отношении РФ. Эл. ресурс: <https://www.rfi.fr/ru>. (Дата обращения 01.03.2025)
8. Politico: приграничные с РФ страны ЕС готовят системы здравоохранения к войне. Эл. ресурс: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24229433>. (Дата обращения 27.11.2025)
9. Сравнительные расходы стран ЕС на модернизацию НАТО – в три раза больше, чем расходует на оборону Россия. Сравнительный анализ ВПК и военных бюджетов стран-участниц НАТО и России. Эл. ресурс: <https://crimea-news.com/society/2025/01/03/1558967.html>. (Дата обращения 14.08.2025)
10. Размышления о ядерной политике Европы в контексте современных вызовов. Эл. ресурс: <https://iwmes.hse.ru/news/1013136474.html>. (Дата обращения 25.05.2025)
11. Ядерное минирование границ. Эл. ресурс: <https://ria.ru/20071129/90035081.html>. (Дата обращения 16.10.2024)
12. Европа может разместить миллионы мин вдоль границы с Россией. Эл. ресурс: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24340909>. (Дата обращения 11.04.2025)
13. Алексашкина Л.Н. Новейшая история 1945 – начала 1990-х годов: события, люди, проблемы. – М., 1995. – С.25-26.
14. Eyraud M. Revue de l'actualite / Strategie, April-June 1965, pp. 70-101.

15. Эйро М. Аспекты военной политики стран НАТО / Военный Зарубежник, №2, 1966. – С. 9-18.
16. Бофр Ж. Проблема распределения ответственности за планирование и использование ядерного оружия / Военный Зарубежник, №4, 1966. – С. 3-12.
17. Beaufre, general d, Armee. Le probleme du partage des responsabilites nucleaires / Strategie, September 1965. – Pp. 7-20.
18. Волков Н. Пропаганда антикоммунизма и реваншизма в бундесвере / Военный Зарубежник, №4, 1966. – С. 61-67.
19. Мазуркевич В., Петров М. Что скрывается за американской военной «помощью»? / Военный Зарубежник №4, 1966. – С. 67-71.
20. Военные расходы Франции в 1966 году (Редакционная статья) / Военный Зарубежник №5, 1966. – С.81-82.

УДК 327

Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
регионароведения и экономики зарубежных стран
Н.Е. Журбина

г. Воронеж, Россия
тел. +7920-215-00-75

e-mail: zhurbina@ir.vsu.ru

Воронежский государственный университет
магистрант факультета международных
отношений

А.М. Просянная
г. Воронеж, Россия
тел. +7905-659-05-95

e-mail: tany180819@gmail.com

Voronezh State University
PHD in History, Associate Professor of the Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
N.E. Zhurbina

Voronezh, Russia
тел. +7920-215-00-75

e-mail: zhurbina@ir.vsu.ru

Voronezh State University
master student of the Department of International
Relations

A.M. Prosianaia
Voronezh, Russia
tel. +7905-659-05-95

e-mail: tany180819@gmail.com

Н.Е. Журбина, А.М. Просянная

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ ИЗ ИНДИИ

Работа посвящена изучению миграционной политики Великобритании по отношению к выходцам из Индии в колониальный и постколониальный периоды. Целью статьи является определение специфики британской миграционной политики по отношению к Индии. Авторы анализируют основные этапы и тенденции в миграционном движении между Индией и Великобританией. Особое внимание уделяется позиции Соединенного Королевства по вопросу миграции в условиях реализации проекта «Глобальная Британия», в котором Индия отводится роль одного из главных партнеров страны в Indo-Тихоокеанском регионе. Авторы приходят к выводу о двойственной позиции правительства Великобритании, которое, с одной стороны, поощряет иммиграцию квалифицированных специалистов и студентов из Индии, а, с другой, - стремится ужесточить правила въезда в страну.

Ключевые слова: Миграция, миграционная политика, Великобритания, Индия, «Глобальная Британия».

N.E. Zhurbina, A.M. Prosianaia

UK POLICY TOWARDS MIGRANTS FROM INDIA

The article is devoted to the study of the migration policy of Great Britain in relation to immigrants from India in the colonial and postcolonial periods. The purpose of the article is to determine the specifics of British migration policy towards India. The authors analyze the main trends in the migration movement between India and the UK. Particular attention is paid to the UK's position on migration in the context of the "Global Britain" project, which assigns India the role of one of the country's main partners in the Indo-Pacific region. The authors come to the conclusion about the ambivalent position of the British government, which, on the one hand, encourages the immigration of qualified specialists and students from India, and, on the other hand, tries to tighten the rules of entry into the country.

Key words: Migration, migration policy, Great Britain, India, "Global Britain".

Миграционное движение между Индией и Великобританией обусловлено прежде всего колониальным прошлым двух стран. Завоевание Индии обеспечило Великобритании возможность построить и поддерживать свою колониальную империю за счет приобретенного богатства, обеспечившего накопление капитала, и значительного трудового ресурса.

С помощью таких средств, как воинская повинность, набор обслуживающего персонала, использование кабального труда британские колониальные власти перебрасывали индийскую рабочую силу на другие зависимые территории для обслуживания своих колониальных интересов. Этот процесс сопровождался также перемещением большого числа индийских бизнесменов, и все эти иммигранты заложили основу сегодняшней глобальной индийской диаспоры [35, р. 65].

Следует отметить, что характер массовой индийской эмиграции в постколониальный период существенно отличается от того, что было в колониальную эпоху. В британскую колониальную эпоху индийская миграция была связана с расширением британского колониализма и поддержанием порядка на недавно приобретенных территориях, что сформировало нынешнее распределение населения индийцев за рубежом по всему миру (за исключением Соединенных Штатов).

При этом историю миграции выходцев из Индии в Великобританию условно можно разделить на три этапа. В течение первого этапа, длившегося в период с 1760 по 1947 гг., наблюдался незначительный, но устойчивый приток мигрантов из Индии, среди которых преобладали ласкары (моряки), нанятые на британские торговые суда, королевские слуги, торговцы, горничные, позже - солдаты, участвовавшие в двух мировых войнах. Массовый приток индийцев начался лишь в конце XIX — начале XX веков, когда они прибывали преимущественно для работы на текстильных фабриках Мидлендса и Северной Англии [12].

Стоит отметить, что после окончания Первой и Второй мировых войн в Великобритании наблюдался дефицит низкоквалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы, что послужило толчком для роста миграции с территорий на тот момент британских колоний.

Этот этап характеризуется значительным ростом количества прибывающих трудовых мигрантов и их семей из Индии в Великобританию, а также молодых специалистов, стремящихся найти более выгодные условия труда. Так, если в 1955 г. в страну прибыло 5,8 тыс. мигрантов из Индии, то к 1967 г. это число выросло до 22,6 тыс. чел. (табл. 1) [36]. К 1971 г. из общей численности населения Великобритании в 50,3 млн чел. 700 тыс. были индийского или пакистанского происхождения.

Таблица 1. Количество прибывших в Великобританию мигрантов - выходцев из стран Содружества, 1955-1967 гг.

Страна исхода	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967
Вест-Индия	27,500	29,800	23,000	15,000	16,400	49,650	66,300	35,051	7928	14,848	13,400	9620	10,080
Индия	5800	5600	6600	6200	2950	5900	23,750	22,550	17,498	15,513	18,815	18,402	22,638
Пакистан	1850	2050	5200	4700	850	2500	25,100	24,943	16,336	10,980	7427	8008	21,176
Кипр	3450	2750	1450	2700	400	3200	6850	3599	1126	4291	1880	1298	1832
Западная Африка	1500	2000	2200	950	750	-500	5450	8527	4106	3863	1807	693	120
Восточная Африка	700	700	650	400	150	250	2650	1954	3208	3514	1809	1118	1601
Гонконг	300	550	900	200	450	500	2150	2354	1511	1780	1607	1831	1797
Другие страны	15,500	3400	2400	-300	-350	-3800	4150	5107	4836	7328	6672	5983	5393
Всего:	42,700	46,850	42,400	29,850	21,600	57,700	136,400	103,585	57,049	62,117	53,417	46,953	64,637

Рост притока мигрантов в Великобританию в послевоенный период был также вызван проводимой правительством открытой миграционной политикой. Так, в 1948 г. британским правительством был выпущен закон «О британском гражданстве» [1], согласно которому все граждане Содружества получили равные права независимо от их этнокультурной или религиозной принадлежности. Сделано это было, с одной стороны, для того чтобы привлечь рабочую силу для восстановления экономики и производства страны после Второй мировой

войны, а, с другой, - для того, чтобы продемонстрировать добрую волю в отношении своих бывших колоний и тем самым сохранить тесный контакт с ними.

Такая открытая миграционная политика привела к резкому притоку иммигрантов из стран Содружества, к чему британское общество оказалось не готово. Усилившаяся нагрузка на социальные институты и начавшиеся столкновения на расовой почве привели к введению ограничительных мер по отношению к мигрантам. Так, правительство Г. Макмиллана в 1961 г. приняло закон «Об иммигрантах Содружества», который предусматривал ограничение иммиграции путем введения системы квот и ваучеров [8]. Согласно принятому закону, для въезда в страну иммигранты должны были доказать, что у них не только есть приглашение на работу, но и необходимые для нее квалификация и навыки. Лидер оппозиционной лейбористской партии Х. Гейтскелл раскритиковал новые ограничения и называл их «жестокими и расистскими» [28].

Еще более строгий закон «Об иммиграции» был введен в 1971 г., по которому только выходцы из «белых» стран Содружества могли свободно въезжать в страну [13]. В марте 1980 г., в период роста уровня безработицы (в период с 1979 по 1982 гг. уровень безработицы примерно удвоился — с 5,4% до 10,7%, впервые достигнув двузначного значения со времен межвоенной депрессии [31]), были приняты новые ограничения, направленные на сокращение иммиграции членов семей. В 1988 г. иммиграционный закон еще более ужесточил миграционные правила и предусмотрел возможность депортации при их несоблюдении [24].

Отдельно стоит выделить также закон «О британском гражданстве» 1981 г., в рамках которого вводились три категории гражданства — британские граждане, имевшие все права, граждане оставшихся у Британии зависимых территорий, чьи права определялись правилами этих колоний, и британские граждане заморских территорий, к которым, например, относились индийцы, высланные из Уганды ее президентом И. Амином в 1972 г. [5].

Результатом ограничительных мер стало сокращение числа въезжающих в страну мигрантов в период с 1964 г. по 1983 г. В 1990-2000-х годах Великобритания столкнулась с новой волной индийской иммиграции, вызванной экономическими факторами и спросом на квалифицированных специалистов в различных отраслях (рис. 1) [36].

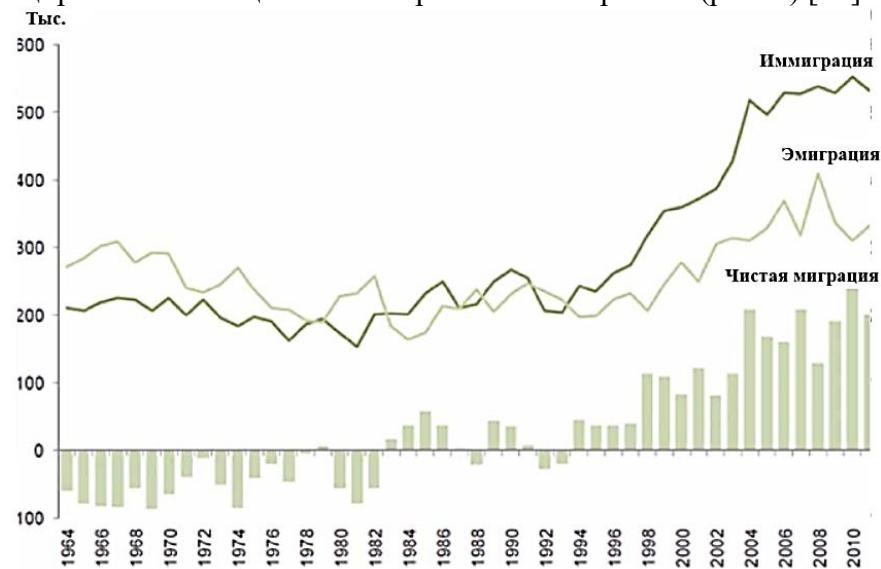

Рис. 1. Иммиграция, эмиграция и чистая миграция в Великобритании, 1964-2011 гг.

На третьем этапе индийской иммиграции в Великобританию (начало XXI в. - н. в.) наблюдается постоянно увеличивающийся приток мигрантов из Индии. На протяжении многих лет Индия возглавляет список стран по количеству мигрантов, ежегодно прибывающих в страну на длительный срок. Так, в 2024 г. в Великобританию прибыло 240

тыс. мигрантов из Индии, составив 20% от общего числа мигрантов [22] (всего въехало 1,2 млн чел.) [19]. Основными причинами миграции для выходцев из Индии в 2024 г. являлись обучение (121 тыс. чел.) и работа (111 тыс. чел.) (рис.2) [19].

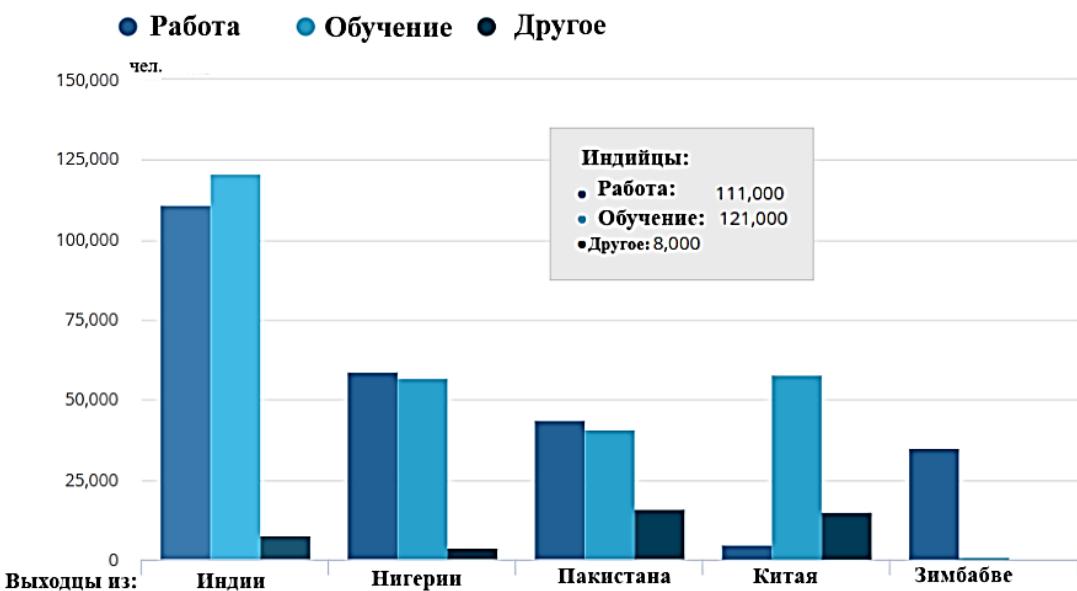

Рис. 2. Основные причины долгосрочной миграции среди выходцев из стран, где наблюдается наибольший приток граждан в Великобританию, 2024 г.

Тем не менее, можно говорить о том, что миграционный вопрос на протяжении долгого времени является сдерживающим фактором в развитии британо-индийских отношений. Строгая миграционная политика Великобритании рассматривалась индийскими властями как дискриминация, и индийская сторона стремилась к снятию ограничений для своих граждан, в частности для студентов и квалифицированных специалистов.

В рамках реализации проекта «Глобальная Британия» Великобритания предпринимает шаги по урегулированию миграционного вопроса с Индией. Так, несмотря на введенный в марте 2021 г. «Новый план об иммиграции», который ужесточил условия получения визы и правила пребывания в стране для иностранных граждан [23], в мае того же года между Индией и Великобританией было подписано соглашение о партнерстве в области миграции и мобильности в рамках всеобъемлющего Меморандума о взаимопонимании [21]. Одной из целей соглашения являлось «содействие мобильности студентов, преподавателей и исследователей, а также миграции по профессиональным и экономическим причинам» [29]. Однако, по данным правительства Великобритании, в 2023 г. граждане Индии стали второй по численности группой нелегально пересекающих Ла-Манш на малых судах, составляя 18% от общего числа переходов [4]. В связи с этим соглашение было направлено не только «на поддержку людей, которые хотят жить и работать в обеих странах», но и на борьбу с нелегальной миграцией [20].

Подписанное соглашение привело к значительному приросту индийских студентов в Великобританию. Если сравнивать количество мигрантов, прибывших из стран, не входящих в состав ЕС, по студенческой визе за период с 2019 г. по 2023 г., можно отметить существенный прирост числа студентов из Индии и Нигерии: с 14 тыс. индийцев и с 3,6 тыс. до 45 тыс. нигерийцев (рис. 3) [16]. В 2023 г. доля индийцев в категории лиц, получивших студенческие визы, составила 43%, что сделало их самой многочисленной группой в этой категории.

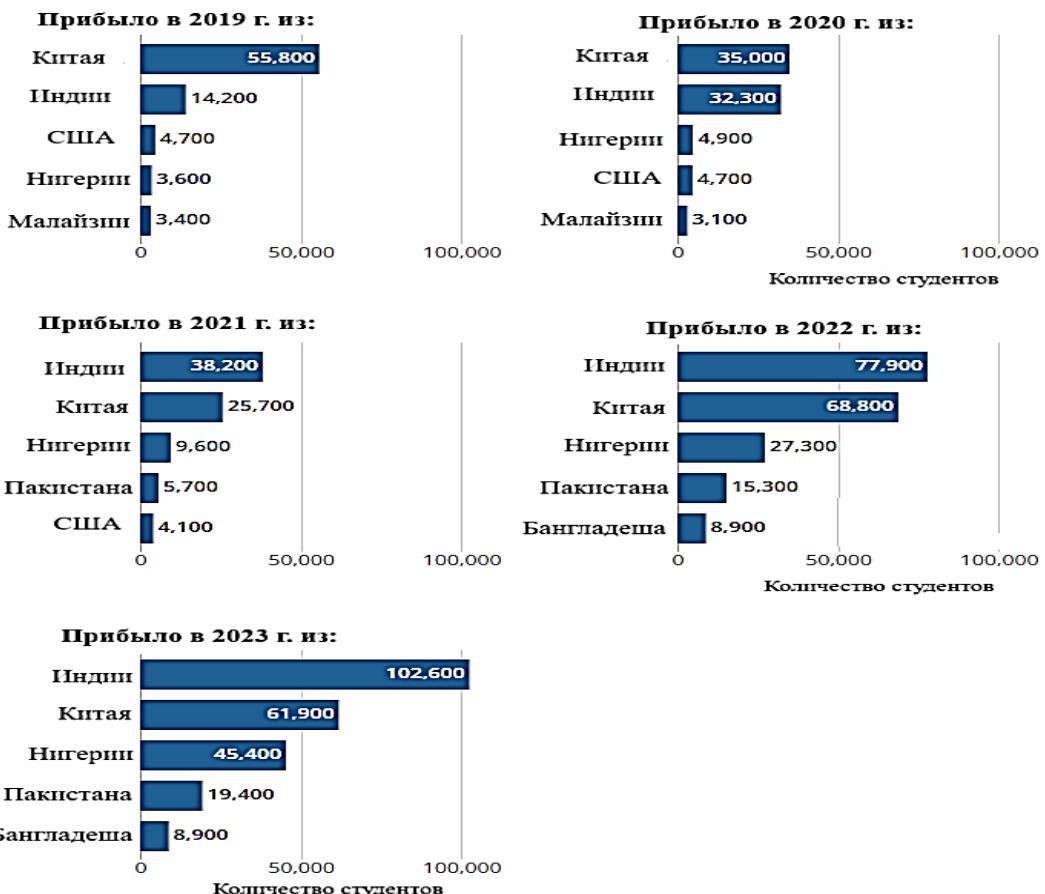

Рис. 3. Динамика количества студентов-выходцев из стран, не входящих в состав ЕС, 2019 - 2023 гг., чел.

Стоит отметить, что Индия и Нигерия считаются ключевыми странами для программы «Study UK», которая финансируется Британским советом [27]. Программа предлагает стипендии GREAT [11], которые направлены на продвижение британского образования (в основном, в третьих странах).

Кроме того, по данным Министерства внутренних дел и Национальной статистической службы Великобритании, мигранты из Индии занимают лидирующие позиции среди получателей виз для квалифицированных работников (в 2023 г. почти 40 тыс. человек подали заявки) и для медицинского обслуживающего персонала (число индийских заявителей на получение этой визы увеличилось на 76% в период с 2022 по 2023 год) [3].

Однако вместе с ростом числа прибывающих студентов и трудовых мигрантов из Индии с 2019 г. отмечается также рост количества иждивенцев, приехавших в страну вместе с лицом, получившим студенческую визу. В 2023 г. граждане Индии занимали второе место по количеству иждивенцев в Великобритании - их число увеличилось с 2 тыс. до 43,5 тыс. чел. [3].

Для того чтобы продлить свое пребывание в стране в условиях новых вводимых ограничений, все большее количество мигрантов стремится поменять тип визы после трехлетнего пребывания. Так, до введения «Нового плана об иммиграции» в 2021 г. только 20% индийцев изменили тип визы после трехлетнего пребывания в стране, в то время как в 2024 г. их соотношение к общему числу мигрантов увеличилось до 67% (рис. 4) [16].

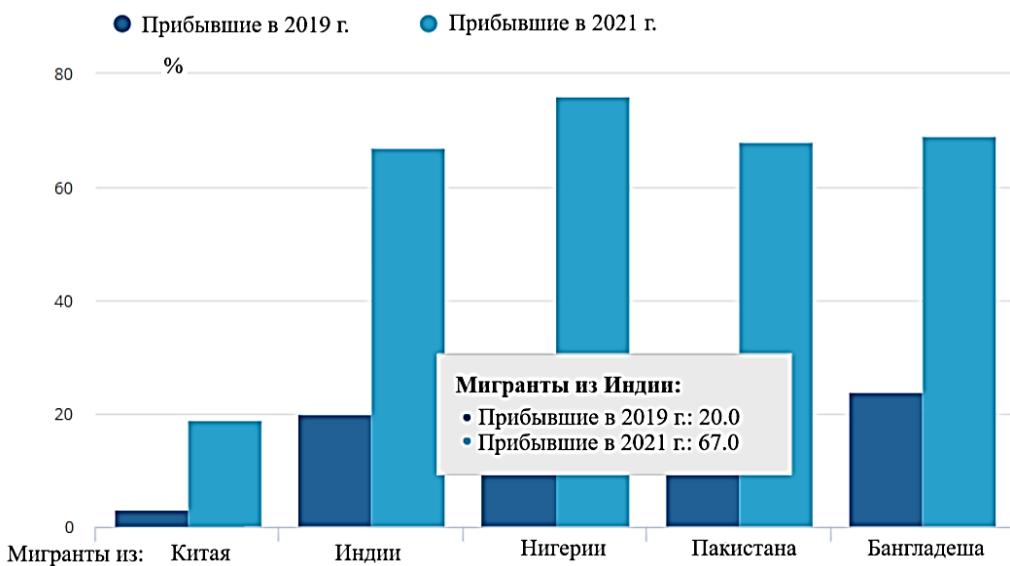

Рис. 4. Количество мигрантов из стран, не входящих в состав ЕС, поменявших тип визы после трехлетнего пребывания в стране, 2019 и 2021 г., %

Стремление выходцев из Индии оставаться в Великобритании на более длительный срок приводит к расширению индийской диаспоры, являющейся одной из самых многочисленных в стране, и оказывающей все большее влияние на социально-экономическую сферу. Так, если в 2000 г. индийская диасpora в Великобритании составляла 1,2 млн чел., в 2021 г. - 1,4 млн чел [2], то к 2023 г. это число увеличилось до 1,6 млн чел., составляя более 3% от общего числа населения [33].

Неудивительно, что Великобритания уделяет особенное внимание развитию отношений с Индией. Это нашло отражение в ее внешнеполитической концепции «Глобальная Британия», в которой указано, что «в течение следующих десяти лет уже и так прочные британо-индийские отношения будут преобразовываться по всему спектру общих интересов» [10]. Более того, в обновленной внешнеполитической стратегии 2023 г. было обозначено стремление двух стран разработать план стратегического партнерства [15].

Важную роль в развитии британо-индийских отношений играет «особая связь» между народами. Согласно совместному заявлению лидеров двух стран, сделанному во время официального визита премьер-министра Б. Джонсона в Индию по приглашению Н. Моди в 2022 г., они договорились об укреплении «глубоких и динамичных связей между народами двух стран, поддерживаемых «живым мостом» в виде многочисленной индийской диаспоры в Великобритании» [34].

В 2020 г. Верховная комиссия Индии в Великобритании и Федерация торгово-промышленных палат Индии подготовила отчет «Индия в Великобритании: эффект диаспоры», целью которого было «подчеркнуть огромный вклад индийской диаспоры, проживающей в Великобритании, во все сферы жизни» [14]. В исследовании представлены основные выводы об экономическом вкладе более 650 предприятий, принадлежащих индийской диаспоре в Великобритании, на основе их последних опубликованных отчетов. В нем также указаны ведущие работодатели из числа индийской диаспоры – компании, в которых работает более 1000 человек.

Было выявлено, что 654 компании имеют годовой оборот не менее 100 тыс. фунтов, а их совокупные доходы составляют почти 37 млрд. фунтов. Как отмечают аналитики, 30 лет назад состояние, накопленное индийской диаспорой в Великобритании, оценивалось примерно в 7 млрд. фунтов, в настоящее же время - примерно в 75 млрд. фунтов [14].

Важно отметить изменение основных сфер деятельности наиболее прибыльных компаний, принадлежащих индийской диаспоре, произошедшее в период с 2020 по 2024 г. Так, если основными секторами в 2020 г. был гостиничный бизнес (19%), здравоохранение и

фармацевтика (15%), розничная и оптовая торговля (13%), то в 2024 г. здравоохранение и фармацевтика заняли третье место (16%), уступив позиции таким отраслям, как технологии, медиа и телекоммуникации (27%), а также производство и инжиниринг (20%) [32].

Аналитиками признается также стремление выходцев из Индии развивать свою карьеру в стране. Так, по данным отчета британского бизнесмена и политика Р. Мак-Грегор-Смита, более 50% индийцев в Великобритании имеют высшее образование, и более 40% - работают на руководящих должностях [25].

Тем не менее, растущее число мигрантов, приезжающих в Великобританию на длительный срок, продолжает вызывать обеспокоенность британского правительства. Так, в конце 2023 г. государственный секретарь МВД Великобритании Дж. Клеверли отметил, что «миграция слишком высока, и ее необходимо снизить» [17]. Им было обозначено создание «плана из пяти пунктов» по ограничению миграции, реализация которого, по его словам, должна привести к сокращению количества мигрантов до 300 тыс. чел. в год [17].

План включает в себя ограничения для работников социальной сферы (мигранты из Индии в основном являются работниками этой сферы), которые больше не смогут привозить с собой иждивенцев по своей визе [3], увеличение базовой минимальной заработной платы для получения визы квалифицированного работника с 26,2 до 38,7 тыс. фунтов. Также был сокращен список профессий, для которых можно спонсировать кого-либо для получения визы квалифицированного работника по схеме сниженной минимальной зарплаты. Учрежден минимальный доход, который требуется британским гражданам для получения партнерской визы с 18,6 тыс. фунтов до 29 тыс. фунтов [7].

Сменившее консерваторов в 2024 г. лейбористское правительство поддержало идею о введении более строгих миграционных ограничений для сокращения миграционных потоков в страну [18].

Кроме того, в британской общественности, как и в направлении миграционной политики, сохраняется двойственное отношение к мигрантам из Индии. Так, в феврале 2025 г. общественный резонанс получил подкаст, на котором бывший редактор газеты «Spectator» Ф. Нильсон и писатель-сатирик К. Кисин обсуждали вопросы миграции. На высказывание Нильсона о том, что бывший премьер-министр страны Риши Сунак «англичанин, он родился и вырос здесь», Кисин ответил: «Он смуглый индус. Какой же он англичанин?» [9]. По мнению редактора газеты «The Guardian» К. Малика, этот подкаст отражает «современный парадокс, где либеральная Британия продолжает использовать старые расистские клише» [6].

Подводя итог, стоит отметить, что истоки современных миграционных процессов между Индией и Великобританией находятся в прошлом. В период колониального правления Британская империя перевезла миллионы индийцев в качестве кабальных рабочих для работы на плантациях, железных дорогах и инфраструктурных проектах по всему миру. Сегодня потомки этих рабочих образуют значительные общины индийского происхождения в этих странах.

Однако, несмотря на трудности и дискриминацию, с которыми сталкивались индийцы в прошлом, их община внесла значительный вклад в экономику и общество Великобритании. Индийские иммигранты отличаются высоким уровнем образования, обладают академическими и профессиональными квалификациями и активно работают в различных сферах, включая бизнес, медицину, юриспруденцию и технологии [12].

Тем не менее, Великобритания сохраняет неоднозначную позицию по поводу миграции. С одной стороны, правительство поощряет развитие многочисленных программ для студентов и молодых специалистов из стран Содружества, что является одним из инструментов «мягкой силы», применяемых для укрепления влияния Великобритании в странах АТР и привлечения наиболее талантливых специалистов. В последние годы были внедрены ряд программ для привлечения квалифицированных специалистов из Индии, например, визовая схема «Tier 2» [25], позволяющая работодателям спонсировать трудоустройство в Великобритании квалифицированных работников из стран, не входящих в ЕС, включая индийцев. Кроме того, были запущены различные инициативы по укреплению

культурных и образовательных связей между Индией и Великобританией, такие как Программа сотрудничества в сфере образования и исследований Великобритании и Индии (UK-India Education and Research Initiative) [30].

С другой стороны, правительство стремится ужесточить правила въезда в страну. Повышенные требования и увеличенные сборы за рассмотрение визовых заявлений создают дополнительные барьеры для иммиграции. Особые трудности это представляет для индийцев, не имеющих предварительного трудового контракта или не соответствующих строгим критериям отбора.

Отдельной проблемой является рост антииммигантских настроений и национализма в стране, что привело к усилению враждебности и дискриминации в отношении мигрантов, включая индийцев.

Несмотря на эти сложности, перед компаниями и организациями, ориентированными на индийскую диаспору в Великобритании, открываются значительные перспективы. Индийцы представляют собой высокообразованную и состоятельную группу с существенной покупательной способностью и выраженным интересом к различным товарам и услугам, что благоприятно сказывается на экономике страны.

Следует учитывать тот факт, что влияние диаспоры будет только усиливаться по мере появления нового поколения предпринимателей индийского происхождения, которые сочетают восточное наследие и традиционные ценности своих предков с современным высоким уровнем образования. Этот фактор следует учитывать также и на политическом уровне.

Однако, как показал доклад Комитета по иностранным делам Великобритании 2019 г., стране необходимо активизировать усилия по развитию отношений с Индией. В отчете отмечается, что, пока Великобритания ищет новые торговые возможности за пределами ЕС, существует реальный риск того, что правительство упускает шанс разработать стратегию, учитывающую растущее глобальное влияние Индии [14].

Между тем, значение иммиграции для британской экономики нельзя недооценивать и для того, чтобы миграция приносила больше пользы принимающему обществу, Великобритания может, например, обратиться к иммиграционному опыту зарубежных стран, в основе которого находится балльно-рейтинговая система, которая учитывает профессиональные навыки иммигрантов, их потенциальный вклад в экономику и социальную значимость для страны. Такой подход позволит укрепить взаимовыгодное партнерство между двумя странами.

Библиографический список

1. 1948 British Nationality Act. - URL: <https://www.uniset.ca/naty/BNA1948.htm>
2. 2021 census results and analysis // UK Parliament. - URL:<https://commonslibrary.parliament.uk/data-tools-and-resources/2021-census-results/>
3. 253000 Indians Migrated To The Uk In 2023 You Could Be Next // Y-AXIS. - 04.12.2023 г. - URL: <https://www.y-axis.com/news/253000-indians-migrated-to-the-uk-in-2023-you-could-be-next/>
4. A Passage From India – Explaining The Unexpected Rise Of Indians Crossing The Channel // Migration Watch UK. - URL: <https://www.migrationwatchuk.org/news/2023/04/28/a-passage-from-india-the-unexpected-rise-of-indians-crossing-the-channel/>
5. British Nationality Act 1981. - URL: <https://m.bigenc.ru/vault/26e7f482f4f7e8d46056b0497deb6ac3.pdf>
6. Can a brown Hindu be English? Most Britons say yes. Why do so many on the right say no? // The Guardian. - 23.02.2025 г. - URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/feb/23/can-a-brown-hindu-be-english-most-britons-say-yes-why-do-so-many-on-the-right-say-no>

7. Changes to legal migration rules for family and work visas in 2024 // UK Parliament. - 12.12.2024 г. - URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9920>
8. Commonwealth Immigrants Bill // UK Parliament. - URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/1961-11-16/debates/be2be54a-6786-4426-86df-72a6f183a482/CommonwealthImmigrantsBill>
9. DEBATE: Can Immigrants Become English? Konstantin Kisin vs Fraser Nelson // YouTube. - 18.02.2025 г. - URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ei2_zQLg9Lg
10. Global Britain in a competitive world // GOV.UK. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf
11. GREAT Scholarships // Study in the UK. - URL: <https://study-uk.britishcouncil.org/scholarships-funding/great-scholarships>
12. Historical Background about Indian immigration to the UK // Fresh Global Alliance. - URL : <https://freshstartuk.org/indian-immigration-to-the-uk/>
13. Immigration Act 1971 // European Database of Asylum Law. - URL: https://www.asylumlawdatabase.eu/sites/default/files/aldfiles/UK%20%20Immigration%20Act%201971%20_en.pdf
14. India in the UK: The diaspora effect // Grant Thornton. - 2020 г. - P. 22. - URL: <https://www.grantthornton.co.uk/globalassets/1.-member-firms/united-kingdom/pdf/documents/india-in-the-uk-the-diaspora-effect.pdf>
15. Integrated Review Refresh 2023 // GOV.UK. - C. 24. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresher_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf
16. International migration research, progress update: November 2024 // Office for National Statistics. - 28.11.2024 г. - URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/articles/reasonforinternationalmigrationinternationalstudentsupdate/november2024>
17. Legal Migration // UK Parliament. - 04.12.2023 г. - URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2023-12-04/debates/921A08A2-F615-48F2-8C56-423A29556F9F/LegalMigration>
18. Legal Migration. - UK Parliament. - 30.07.2024 г. - URL: <https://questions-statements.parliament.uk/written-statements/detail/2024-07-30/hcws51>
19. Long-term international migration, provisional: year ending June 2024 // Office for National Statistics. - 28.11.2024 г. - URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/longterminternationalmigrationprovisional/yearendingjune2024>
20. Migration and mobility partnership // GOV.UK. - 04.05.2021 г. - URL: <https://www.gov.uk/government/publications/migration-and-mobility-partnership>
21. MoU on the migration and mobility partnership between India and the United Kingdom // GOV.UK. - 04.05.2021 г. - URL: <https://www.gov.uk/government/publications/migration-and-mobility-partnership/mou-on-migration-and-mobility-partnership-between-india-and-the-united-kingdom>
22. Net migration to the UK // The Migration Observatory. - 02.12.2024 г. - URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/long-term-international-migration-flows-to-and-from-the-uk/>
23. New Plan for Immigration: legal migration and border control (accessible) // GOV.UK. - 25.11.2022 г. - URL: <https://www.gov.uk/government/publications/new-plan-for-immigration-legal-migration-and-border-control-strategy/new-plan-for-immigration-legal-migration-and-border-control-accessible>

- 24.Overview of the UK Immigration Act 1988 Explained // DavidsonMorris. - 17.02.2025 г.
- URL: https://www.davidsonmorris.com/uk-immigration-act-1988/#elementor-toc_heading-anchor-1
- 25.Race in the workplace: The McGregor-Smith review // GOV.UK. -
URL:https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/594336/race-in-workplace-mcgregor-smith-review.pdf
26. Skilled Worker visa // Gov.UK. - URL: <https://www.gov.uk/skilled-worker-visa/switch-to-this-visa>
- 27.Официальный сайт “Study in the UK”. - URL: <https://study-uk.britishcouncil.org/>
- 28.The Politics of Immigration: 1945-2018 // Spartacus Educational. - 27.05.2018 г. - URL:
<https://spartacus-educational.com/spartacus-blogURL110.htm>
- 29.The U.K. and India sign landmark partnership migration deal // Y-AXIS. - 07.05.2021 г.
- URL: <https://www.y-axis.com/news/u-k-india-sign-landmark-partnership-migration-deal/>
- 30.The UK-India Education and Research Initiative (UKIERI) // British Council. - URL:
<https://www.britishcouncil.org/education/he-science/opportunities/uk-india-education-research-initiative>
- 31.Weston Th. The UK economy in the 1980s / Th. Weston // House of Lords. - 29 May, 2024. - URL: <https://lordslibrary.parliament.uk/the-uk-economy-in-the-1980s/>
- 32.Tracker finds new high for Indian-owned companies in the UK // GrantThornton. 12.06.2024 г. - URL:<https://www.grantthornton.co.uk/insights/india-meets-britain-tracker-2024/?hubId=1601424>
- 33.UK and India collaboration: Roadmap to 2030 // UK Parliament. - 12.01.2023 г. - URL:<https://lordslibrary.parliament.uk/uk-and-india-collaboration-roadmap-to-2030/>
- 34.UK-India joint statement April 2022: Towards shared security and prosperity through national resilience // GOV.UK. - 22.04.2022 г. -
URL:<https://www.gov.uk/government/publications/prime-minister-boris-johnsons-visit-to-india-april-2022-uk-india-joint-statements/uk-india-joint-statement-april-2022-towards-shared-security-and-prosperity-through-national-resilience>
- 35.Shan T. British colonial expansion through the Indian diaspora: the pattern of Indian overseas migration / T. Shan, J. Haitao // Cappadocia Journal of Area Studies (CJAS). - 2020. - Vol. 2, No.1. – P. 65. (p. 56–81). – URL : <https://cjas.kapadokya.edu.tr/index.php/cjas/article/view/13> (дата обращения: 06.05.2025)
36. Sh. Sharma. Immigrants in Britain: A Study of the Indian Diaspora / Sharma Sh // Diaspora Studies. - 2012. - p. 14-43. - URL:
https://www.researchgate.net/publication/272989310_Immigrants_in_Britain_A_Study_of_the_Indian_Diaspora

УДК 32.019.51

Воронежский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,
В.Н. Морозова.

Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru

Воронежский государственный университет
студент факультета международных отношений
А.А. Бортников
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(953)-717-01-14;
e-mail: bornikov.advert@mail.ru

Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department

V.N. Morozova.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru

Voronezh State University
Student of the International Relations Department
A.A. Bortnikov
Russia, Voronezh,
tel. +7(953)-717-01-14;
e-mail: bornikov.advert@mail.ru

В.Н. Морозова, А.А. Бортников

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ В США

В статье рассматривается трансформация избирательного процесса в США под влиянием цифровых технологий и социальных сетей в период с 2008 по 2024 год. Особое внимание уделяется эволюции инструментов политической коммуникации, от ранних форм интернет-агитации и массовых рассылок до современных алгоритмических систем персонализированной рекламы и средств генеративного искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется преимуществами риска цифровизации политической среды США.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальные сети, политическая коммуникация, выборы в США, Cambridge Analytica, искусственный интеллект, дипфейк, политическая реклама.

V.N. Morozova, A.A. Bortnikov

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND SOCIAL MEDIA IN US ELECTION CAMPAIGNS

The article examines the transformation of the electoral process in the United States under the influence of digital technologies and social media from 2008 to 2024. Special attention is given to the evolution of political communication tools, from early forms of online campaigning and mass emailing to modern algorithmic systems of personalized advertising and generative artificial intelligence tools. Particular emphasis is placed on the advantages and risks of the digitalization of the U.S. political environment.

Key words: digital technologies, social media, political communication, U.S. elections, Cambridge Analytica, artificial intelligence, deepfake, political advertising.

В современном мире цифровые технологии и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни общества и политических институтов. Практически в любой стране избирательная кампания кандидатов в президенты строится на привлечении голосов избирателей на основе использования политической рекламы и агитации в социальных сетях. США стали одной из первых стран, в которой инструменты политического привлечения избирателей приобрели цифровой характер. В связи с этим растет актуальность того, как использование современных технологий искусственного интеллекта, алгоритмов персонализированной рекламы и вирусного контента влияют на президентские выборы и меняют ход истории в США.

Использование средств медиа и социальных сетей как среди избирателей, так и в президентских кампаниях США впервые начали массово прослеживаться на выборах 2008 года. На то время кандидат в президенты Брака Обама выстроил свою политическую кампанию с использованием сети Интернет и онлайн-платформ [1]. Кампания Обамы использовала массовые e-mail рассылки, создала собственный сайт My.BarackObama.com, для общения среди сторонников демократической партии, а также продвигала популярность кандидата через социальные сети и видеохостинги, такие как: MySpace и YouTube [2].

При этом именно с 2008 года политическая активность избирателей в интернете составила 55% взрослого населения США, а обмен и получение информации о компаниях кандидатов с помощью электронной почты, автоматизированных рассылок и текстовых сообщений составил 59% всех интернет-пользователей США, о чем свидетельствует отчеты Pew Research Center [3].

Если в 2008 году интернет только становился средством мобилизации граждан к участию в выборах, то уже к 2016 году цифровые технологии стали неотъемлемой частью политического цифрового маркетинга. Президентская кампания 2016 года между представителем республиканской партии Дональдом Трампом и его соперницей со стороны демократической партии Хиллари Клинтон считаются переломным моментом в формировании цифровых стратегий избирательного процесса в США. Именно эти выборы впервые продемонстрировали всесторонний масштаб применения алгоритмов персонализированной рекламы, анализа больших данных и создания психологических портретов избирателей, основанных на их активности в интернете [4].

Вместе с уже привычными инструментами агитации к 2016 году начали использоваться коммерческие кампании, которые собирали большие массивы данных из открытых источников и профилей в социальных сетях граждан для создания персонализированной рекламы, с учетом психологических и поведенческих особенностей избирателей. Одной из наиболее известных компаний стала Cambridge Analytica, которая использовала данные технологии для разработки стратегических коммуникаций в ходе избирательных компаний [5].

Предвыборная кампания представителя демократической партии Хиллари Клинтон, в отличие от кампании Дональда Трампа в большей степени опиралась на традиционные методы привлечения избирателей, такие как телевидение, печатные и новостные издания. При этом команда Трампа активно использовала цифровые технологии и делала ставку на социальные сети и таргетированную рекламу, направленную на более узкую группу избирателей, из-за чего в 2018 году республиканская партия подверглась критике, связанным со скандалом с Cambridge Analytica, обвинив платформу Google в предумышленной выдаче поисковых результатов с левой направленностью [6].

До 2018 года не было известно о каких конкретно методах сбора данных идет речь и для чего они в конечном счете использовались. Однако, согласно данным журналистских расследований, в том числе от новостного издания The Guardian, в марте 2018 года бывший сотрудник Cambridge Analytica обнародовал информацию об использовании компанией более чем 50 миллионов профилей пользователей социальной сети Facebook¹ без их ведома для дальнейшей персонализации контента, влияющего на решения людей и от части на исход президентских выборов в США [7].

Скандал вокруг Cambridge Analytica привел к масштабным расследованиям, слушаниям и обсуждению необходимости ужесточения регулирования обработки персональных данных и прозрачности политической рекламы в интернете [8]. Сами платформы, которые делились данными с компанией, подверглись критике и начали вводить новые правила прозрачности и ограничения доступа к персональным данным пользователей. Этот пример показал, насколько важным фактором в избирательных кампаниях стали

¹Принадлежат Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности».

цифровые технологии и их способы мониторинга, что в дальнейшем нашло свое отражение в президентских выборах 2020 года, где внимание к интернет-платформам и вопросам безопасности личных данных граждан значительно возросло.

Если в 2008 году использование социальных сетей являлось всего лишь инструментом мобилизации молодежи, а кампания 2016 года вошла в историю массовым применением таргетированной рекламы и скандалом вокруг Cambridge Analytica, то в 2020 году цифровая среда стала главным пространством политического взаимодействия в условиях пандемии.

Президентские выборы 2020 года между Дональдом Трампом и Джо Байденом стали самыми необычными в истории современной Америки. В разгар пандемии COVID-19, которая характеризовалась массовыми ограничениями на мероприятия и общего перехода американского общества в онлайн-пространство, привычные методы агитации граждан оказались невозможными – их заменили интернет и социальные сети, которые стали практически единственным способом для коммуникации между кандидатами и избирателями.

Обе партии активно использовали социальные сети и видеохостинги для продвижения своей предвыборной кампании и призыву граждан к регистрации и участию на выборах [9]. Так, согласно исследованию CIRCLE, 72% молодых граждан США в возрасте от 18 до 24 лет отметили, что получали информацию о выборах через соцсети [10]. Основными каналами связи с молодым населением США стали такие платформы как: Snapchat, YouTube и TikTok [11].

С другой стороны, согласно исследованию Pew Research Center, среди взрослых избирателей 53% заявили, что за последние шесть месяцев они участвовали по крайней мере в одной из шести политических активностей, которые включали в себя: посещение политического митинга или мероприятия; посещение митинга в онлайн формате или в качестве участника онлайн-кампании; пожертвование денег кандидату или политической партии; демонстрация публичной поддержки кандидата; работа и волонтерство в кампании; публичное выражение поддержки в социальных сетях [12].

Кроме того, в ходе компании 2020 года наблюдалось значительное изменение, связанное с процессом работы цифровых платформ и регуляции персональных данных граждан. Так на уровне штатов были введены меры по учету и архивированию политической рекламы, что повышало прозрачность избирательного процесса и косвенно защищало данные избирателей [13]. В свою очередь ряд крупных цифровых платформ (YouTube, Reddit, TikTok и др.) изменили политику конфиденциальности с целью защиты данных пользователей и обязали рекламодателей, занимающихся агитацией выборов, подтверждать свою личность и указывать расходы на закупку политической рекламы.

Таким образом, президентская кампания 2020 года продемонстрировала, что агитация и политическая активность граждан по средствам использования социальных сетей и иных средств медиа стали не просто дополнительными инструментами в условиях пандемии, а главным каналом связи между кандидатами и избирателями. Платформы, которые еще несколько лет назад считались вспомогательными инструментами к участию в выборах, в 2020 году стали единственным возможным средством поддержки связи в новых для мира условий, связанных с пандемией COVID-19.

Растущий тренд внедрения цифровых политических технологий устойчиво продолжился на президентских выборах 2024 года, сопровождаясь новыми тенденциями в медиапространстве. Данные выборы продемонстрировали качественно новый этап развития средств и методов политической агитации избирателей, существенно отличающийся от кампаний 2008, 2016 и 2020 годов.

Впервые в таком масштабе ключевую роль в президентской кампании играли социальные сети, а точнее их алгоритмы, системы рекомендательных лент и новые форматы короткого видеоконтента [14]. В подтверждение того, что онлайн-пространство стало доминирующим каналом политической агитации, можно привести тот факт, что в 2024 году

на платформе Google и Meta² были зафиксированы рекордные расходы на цифровую рекламу, которые составили свыше 1,35 млрд долларов [15]. Также заметны существенные изменения в алгоритмической подаче контента, так социальная сеть TikTok демонстрировала тенденцию к усилению политической рекламы в период президентских выборов в США, рекомендуя пользователям контент республиканской и демократической направленности, что свидетельствовало о растущем влиянии рекомендательных систем на политические предпочтения избирателей.

Новым инструментом политической агитации на президентских выборах 2024 года стал искусственный интеллект, который не только расширил способы влияния на избирателей, но и обострил недоверие к достоверности публикуемой информации. Современный искусственный интеллект, существенно отличающийся от предыдущих моделей, способен быстро генерировать правдоподобные изображения, аудио и видео контент, что в свою очередь вызывает проблему, связанную с созданием дипфейк-материалов, которые отличаются высокой степенью правдоподобности.

Именно поэтому выборы 2024 года в США стали идеальным примером того, как искусственный интеллект может использоваться для подрыва доверия к избирательному процессу в США. Одним из наиболее обсуждаемых эпизодов использования ИИ для подрыва доверия к кандидату стала публикация видео о Камале Харис, созданного блогером Кристофером Колсом [16]. Видео содержало сгенерированный голос кандидатки в качестве «политической пародии» на свою же партию, что вызвало широкое обсуждение и критику по отношению к тому, как ИИ-контент может легко использоваться для формирования ложных нарративов о представителях Демократической партии.

Не менее резонансным примером стал так называемый «автоматический звонок Байдена» на праймериз в Нью-Гэмпшире, созданный с использованием ИИ и подделывающий голос на то время действующего президента Джо Байдена [17]. В данном аудиосообщении избирателей призывали не приходить на участки и не участвовать в выборах, что являлось одним из первых случаев прямого вмешательства ИИ в избирательный процесс США. [18].

Во время президентской кампании 2024 года цифровая среда стала важнейшей частью электоральной стратегии обеих партий. Со стороны демократической партии активно использовались таргетированные рекламные инструменты на платформах Google, особенно применялась стратегия масштабного тестирования визуальных и текстовых политических сообщений в колеблющихся штатах [19]. Кроме того, Демократическая партия сделала упор на TikTok, где акцент был сделан на взаимодействие с молодежной аудиторией, в частности по привлечению избирателей среди поколений Z и миллениалов.

С другой стороны, Республиканская партия тоже не отставала в цифровом пространстве. Дональд Трамп, который в прошлом критиковал платформу TikTok за ее непосредственную угрозу национальной безопасности, аргументируя это возможным контролем со стороны Китая, присоединился к данной платформе и набрал миллионы подписчиков за считанные часы [20]. Его команда также широко использовала инструменты цифровой и таргетированной рекламы, однако в 2024 году расходы на такого рода рекламу были меньше по сравнению с демократами, что свидетельствовало о большем внимании на мобилизацию избирателя, который уже являлся сторонником республиканцев и от которого в дальнейшем требовалось явиться на выборы. [21].

Перестройке также подвергся и сектор традиционных СМИ, под которым обычно считают телевидение и газеты. Крупные телекомпании и новостные издания адаптировали свою работу под новые реалии цифровизации, уйдя в сторону мультимедийного формата и интегрируя новостной контент в социальные сети, поисковые платформы и подкасты. Этот шаг стал необходим для сохранения аудитории, привыкшей потреблять новостные

² Принадлежат Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности».

сообщения онлайн. В контексте президентских выборов в США перестройка традиционных СМИ в онлайн пространство повысило значимость цифровых каналов как основного поля для политической агитации избирателей.

Динамика внедрения цифровых инструментов в электоральный процесс США с 2008 по 2024 год показывают, что они стали не просто вспомогательным средством политической агитации, а неотъемлемой частью американского избирательного процесса, но, в связи с этим породили множество проблем и вызовов, которые могут проявиться в следующем избирательном цикле 2028 года.

Информационная перегруженность на последних выборах дала ясно понять, что социальные сети постепенно сформировали условия, при которых избиратели находятся в «информационном пузыре», получая новости благодаря алгоритмам, которые подбирают персонализированный контент, в зависимости от политических предпочтений человека [22]. Данный процесс внедрения персонализированных рекомендаций повышает риск поляризации общества и создает предпосылки для мобилизации граждан участвовать в выборах не на основе их волеизъявления, а через манипуляцию контентом с различных платформ. Это ставит под вопрос доверие граждан к выборам. После выборов 2020 и 2024 годов в обществе усилились сомнения в достоверности и прозрачности онлайн-агитации кандидатов, что способно подорвать признание результатов выборов и вызвать общественные волнения по всей стране.

Параллельно с этим усилилась угроза манипуляции избирателем с помощью искусственного интеллекта, так как появление генеративных нейросетей способствовало увеличению фальсифицированных медиа-материалов [23]. Легкая доступность данных нейросетей и их визуальная реалистичность достигли такого уровня, при котором обычный пользователь с трудом способен отличить подделку от подлинных материалов. Пример избирательной компании 2024 года усиливает реалистичность этой проблемы, что может вылиться в угрозу на следующих выборах, где данные технологии будут использоваться для прямой дискредитации кандидатов и потери доверия общества к институтам власти в США.

Кроме того, цифровизация электоральной системы привела к росту киберугроз. Если раньше вмешательство в избирательный процесс могло характеризоваться классическими методами взлома, то сейчас для манипуляции электоратом прибегают к использованию большого количества автоматизированных аккаунтов, сгенерированным комментариям и обсуждениям, которые создают видимую поддержку кандидата. В дальнейшем это может вызвать существенные риски для избирательной системы, из-за увеличения масштаба политического влияния на избирателей.

Таким образом, роль цифровых технологий и социальных сетей является важной частью современного избирательного процесса в США. Они стали главным инструментом для политической агитации граждан, особенно после пандемии COVID-19 и массового перемещения всего новостного пространства в онлайн среду. При этом к следующему электоральному циклу 2028 года подходят с рядом вызовов, накопленных в результате предыдущих кампаний, когда возможности онлайн агитации сочетаются с рисками распространения дезинформации и усилением поляризации общества, что ставит под сомнение доверие граждан к институтам власти и выборам.

Библиографический список

1. Obama, Propelled by the Net, Wins Democratic Nomination [Электронный ресурс] // Wired. – URL: <https://www.wired.com/2008/06/obama-propelled/> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Payne, A. The New Campaign: Social Networking Sites in the 2008 Presidential Election [Электронный ресурс] / A. Payne // Honors College Capstone Experience/Thesis Projects. Paper 204. – URL: https://digitalcommons.wku.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1210&context=stu_hon_theses (дата обращения: 01.11.2025).

3. The Internet's Role in Campaign 2008 [Электронный ресурс] // Pew Research Center. – URL: https://www.pewresearch.org/internet/wp-content/uploads/sites/9/media/Files/Reports/2009/The_Internets_Role_in_Campaign_2008.pdf (дата обращения: 05.11.2025).
4. Bakir, V. Psychological Operations in Digital Political Campaigns: Assessing Cambridge Analytica's Psychographic Profiling and Targeting [Электронный ресурс] / V. Bakir // Frontiers in Communication. – 2020. – Article 67. – URL: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00067> (дата обращения: 05.11.2025).
5. Gatra, A. R. P. The Power of Data Analytics and Microtargeting in Political Campaigns: Cambridge Analytica Strategy, Donald Trump Victory the 2016 U.S. Presidential Election [Электронный ресурс] / A. R. P. Gatra // EAI Research Article. – 2023. – Sep 27. – URL: <http://dx.doi.org/10.4108/eai.15-9-2022.2335937> (дата обращения: 06.11.2025).
6. Facebook's week of shame: the Cambridge Analytica fallout [Электронный ресурс] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/mar/24/facebook-week-of-shame-data-breach-observer-revelations-zuckerberg-silence> (дата обращения: 06.11.2025).
7. Data scandal is huge blow for Facebook – and efforts to study its impact on society [Электронный ресурс] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/18/data-scandal-is-huge-blow-for-facebook-and-efforts-to-study-its-impact-on-society> (дата обращения: 07.11.2025).
8. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach [Электронный ресурс] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (дата обращения: 07.11.2025).
9. Pew Research Center. 2016 presidential candidates differ in their use of social media to connect with the public [Электронный ресурс] // Pew Research Center. – 2016. – URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2016/07/18/candidates-differ-in-their-use-of-social-media-to-connect-with-the-public/> (дата обращения: 10.11.2025).
10. Siegel-Stechler, K. Youth Rely on Digital Platforms, Need Media Literacy to Access Political Information [Электронный ресурс] / K. Siegel-Stechler, K. Hilton, A. Medina // Center for Information & Research on Civic Learning and Engagement. – 2025. – URL: <https://circle.tufts.edu/latest-research/youth-rely-digital-platforms-need-media-literacy-access-political-information> (дата обращения: 11.11.2025).
11. Pew Research Center. Teens, Social Media and Technology 2023 [Электронный ресурс] // Pew Research Center. – 2023. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2023/12/11/teens-social-media-and-technology-2023/> (дата обращения: 11.11.2025).
12. Pew Research Center. Key findings about voter engagement in the 2020 election [Электронный ресурс] // Pew Research Center. – 14 Dec 2020. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2020/12/14/key-findings-about-voter-engagement-in-the-2020-election/> (дата обращения: 13.11.2025).
13. National Conference of State Legislatures. Digital Political Ads [Электронный ресурс] / National Conference of State Legislatures. – URL: <https://www.ncsl.org/elections-and-campaigns/digital-political-ads> (дата обращения: 14.11.2025).
14. Election Analysis. The fragmented social media landscape in the 2024 U.S. election [Электронный ресурс] – URL: <https://www.electionanalysis.ws/us/president2024/section-6-digital-campaign/the-fragmented-social-media-landscape-in-the-2024-u-s-election/> (дата обращения: 14.11.2025).
15. Brennan Center for Justice, OpenSecrets, Wesleyan Media Project. Online Ad Spending in the 2024 Election Topped \$1.35 Billion [Электронный ресурс] / Brennan Center for Justice, OpenSecrets, Wesleyan Media Project. – URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/online-ad-spending-2024-election-topped-135-billion> (дата обращения: 14.11.2025).

16.X user who shared altered Kamala Harris video sues to block California's new anti-deepfakes law [Электронный ресурс] // Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/sites/siladityaray/2024/09/19/x-user-who-shared-altered-kamala-harris-video-sues-to-block-californias-new-anti-deepfakes-law> (дата обращения: 16.11.2025).

17.AI deepfakes and disinformation in elections [Электронный ресурс] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/feb/26/ai-deepfakes-disinformation-election> (дата обращения: 17.11.2025).

18.Biden robocall New Hampshire primary [Электронный ресурс] // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/01/22/biden-robocall-new-hampshire-primary/> (дата обращения: 17.11.2025).

19.2024 Digital Ads Report [Электронный ресурс] // Tech for Campaigns. – URL: <https://www.techforcampaigns.org/results/2024-digital-ads-report> (дата обращения: 17.11.2025).

20.Donald Trump joins TikTok video platform he once sought to ban [Электронный ресурс] // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/world/us/donald-trump-joins-tiktok-video-platform-he-once-sought-ban-2024-06-02/> (дата обращения: 18.11.2025).

21.Kamala Harris spends 10 times as much as Trump on digital ad blitz [Электронный ресурс] // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/691eda86-0124-44d0-bf5a-cb1b0a3ceb8c> (дата обращения: 18.11.2025).

22.The power of social networks and social media's filter bubble in shaping polarisation: an agent-based [Электронный ресурс] // Springer Link. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41109-024-00679-3> (дата обращения: 19.11.2025).

23.Disinformation casts shadow over global elections [Электронный ресурс] // USIP. – URL: <https://www.usip.org/publications/2024/01/disinformation-casts-shadow-over-global-elections> (дата обращения: 20.11.2025).

УДК 329.17; 327

Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,
В.Н. Морозова.

Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru

Воронежский государственный университет
студент факультета международных отношений
А.А. Павлова

Россия, г. Воронеж,
тел. +7(951)-767-56-03;
e-mail: lika.pavlova.2004@mail.ru

Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department

V.N. Morozova.
Russia, Voronezh,
tel. (473) 224-74-02;

e-mail: morozova@ir.vsu.ru
Voronezh State University
Student, International Relations Department

A.A. Pavlova
Russia, Voronezh,
tel. +7(951)-767-56-03;

e-mail: lika.pavlova.2004@mail.ru

В.Н. Морозова, А.А. Павлова

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ЕВРОПЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС ИЛИ ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ?

В статье рассматривается электоральная динамика правопопулистских партий после миграционного кризиса 2015–2016 гг. в ряде европейских стран (ФРГ, Франции, Венгрии, Швеции), а также рост правопопулистских движений как проявление системного кризиса либеральной демократии в условиях глобальных изменений.

Ключевые слова: популизм, миграционный кризис, правые партии, Европа.

V.N. Morozova, A.A. Pavlova

RIGHT-WING POPULISM IN EUROPE: A POLITICAL REACTION TO THE MIGRATION CRISIS OR A MANIFESTATION OF A SYSTEMIC DEMOCRATIC CRISIS?

The article examines the electoral dynamics of right-wing populist parties in several European countries (Germany, France, Hungary, Sweden) following the 2015–2016 migration crisis, as well as the rise of right-wing populist movements as an expression of the systemic crisis of liberal democracy under global transformations.

Key words: populism, migration crisis, right-wing parties, Europe.

В современной политической науке значительно возросло количество исследований, посвященных феномену правого популизма. За последние десятилетия европейский политический ландшафт претерпел значительные изменения, такие как правый поворот, усиление евроскептицизма, электоральная динамика на фоне миграционного кризиса. Все эти процессы оказали большое влияние на рост популистских партий, который стабильно наблюдается с 2010-х годов.

До этого времени правые популистские партии не играли важной роли в политике стран Западной Европы и воспринимались как периферийные игроки. Однако миграционный кризис 2015–2016 гг., сопровождавшийся увеличением числа беженцев в Европейский союз, привёл к существенному изменению партийно-политической системы и стал переломным моментом в динамике избирательных предпочтений.

Для Европы, которая всегда была привлекательным местом для миграции, такой поток мигрантов стал беспрецедентным. По сравнению с 2014 годом, в который границы ЕС пересекли 282 тыс. человек, в 2015 году эта цифра составила 1,32 млн человек, что стало историческим максимумом [1]. Важным будет отметить, что основная часть беженцев были выходцами из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Это вызвало немедленную общественную реакцию и, соответственно, потребовало и политического ответа, который бы затрагивал вопросы безопасности, контроля границ и культурной интеграции новоприбывших.

Для оценки влияния миграционного кризиса на динамику правопопулистских настроений в Европе, были выбраны следующие страны: Франция и Германия – как ключевые двигатели европейской политики, Венгрия и Швеция – в качестве стран, столкнувшихся с наибольшим наплывом иммигрантов. Также соблюдался принцип регионального деления.

Так, страной, на которую пришлась третья часть всего миграционного потока (около 440 тыс. человек), стала Германия [2]. Ответная реакция на всевозрастающую миграцию была поляризованной. С одной стороны, можно было наблюдать всплеск солидарности, который выражался, например, в политике «открытых дверей» правительства Германии под руководством Ангелы Меркель. Но, с другой стороны, было крайне негативно настроенная в отношении мигрантов часть общества. Главным оппозионером курса, выбранного немецким правительством, стала партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая открыто выступила не только за ужесточение миграционного законодательства, но и за ограничение финансовой помощи бедным странам европейского юга.

АдГ была создана в 2013 году, и изначально основной линией партии была критика евроинтеграции, а именно выделение финансов для спасения экономики Греции, пострадавшей после кризиса 2008 года. Но после 2015 года АдГ резко изменила свою риторику на антиисламскую и националистическую. Если на выборах 2013 года партия не смогла преодолеть 5% барьер, то в 2017 году она победила с результатом 12,6% и стала третьей силой в стране [3]. На выборах в Бундестаг 2025 года, избирательная поддержка партии только усилилась, и АдГ набрала 20,8%, что сделало ее второй партией в стране [4].

Франция традиционно принимала беженцев-мусульман, но в 2015 году ситуация отличалась коренным образом. До 2014-2015 гг. основную долю мигрантов составляли беженцы из бывших французских колоний, стран Maghrib, с которыми Францию связывал общий исторический и культурный бэкграунд. Также приезжие владели французским языком. Наплыв беженцев 2015 года был в основном из Сирии, Афганистана, Ирака. Им были чужды французские ценности, культура и язык. Но еще больше на общественное мнение оказало влияние усиление террористической активности (теракт в редакции «Шарли Эбдо» 7 января 2015 г., серия терактов в Париже и его пригородах 13 ноября 2015 г., террористический акт в Ницце 14 июля 2016 года).

Марин Ле Пен – лидер партии «Национальное объединение» (до 2018 г. – Национальный фронт) окрестила это наплыв мигрантов как «нашествие варваров» на Европу. Поддержка ее партии, традиционно относящейся к правопопулистским, начиная с 1990-х только росла. Но настоящий успех и признанное место второй по популярности партии во Франции «Национальное объединение» приобрело в последние 10 лет. На президентских выборах 2017 г. и 2022 г. Марин Ле Пен оба раза проходила во второй тур, проигрывая Эммануэлю Макрону с показателями в 33,90% [5] и 41,45% [6] соответственно. В настоящее время партия является второй по величине силой в Национальном собрании, получив 125 мест на парламентских выборах 2024 года [7].

Для Венгрии миграционный кризис стал причиной разногласий с европейскими институтами. Территория Венгрия была транзитным пунктом, через который беженцы могли попасть в Германию, Францию, Нидерланды и др. Венгрия стала четвертой страной ЕС (после Греции, Хорватии и Сербии) по количеству нелегальных мигрантов. В июне 2015 года страны ЕС договорились переселить 40 тыс. беженцев [8], а в сентябре был одобрен план расселения в течение двух лет еще 120 тыс. человек [9]. Решение было принято большинством из 28 стран-членов. Венгрия, чья квота предусматривала размещение на ее территории 1294 мигрантов (0,01% от населения страны), наряду с Чехией, Румынией и Словакией, проголосовала против [10]. В сентябре 2015 года правительство резко перекрыло сухопутную границу с Сербией — возвело заборы и развернуло жёсткий контроль.

Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан выступает резко против программы распределения иммигрантов, заявляя, что «иммиграция должна быть прекращена» и «мы не хотим видеть среди себя значительное меньшинство с иными культурными особенностями и происхождением» [11]. Он находится у власти в стране с 2010 года. Партия «ФИДЕС», лидером которой он является, выделяется популистской риторикой. Меры по борьбе с потоком беженцев-нелегалов оказались успешными. В декабре 2015 года его переизбирают в качестве лидера партии. А на парламентских выборах он одерживает очередную победу и сохраняет власть.

Хотя Швеция имела репутацию особенно «щедрой» страны в отношении приёма беженцев, миграционный кризис 2015 года оказался шоком: в том году около 163 000 человек подали заявки на убежище — больше, чем в любой другой год, и по данным Миграционной службы, пик пришёлся на осень, когда число заявок доходило до 9–10 000 в неделю [12]. Это сделало Швецию страной с одним из самых высоких показателей заявлений относительно населения среди стран Европейского союза. Под давлением такого притока в ноябре 2015 года шведское правительство ввело временный контроль на внутренних границах в отношении других стран ЕС, а позднее — ужесточение правил предоставления убежища, введение временных видов на жительство и проверки удостоверений личности в поездах и автобусах.

Это усилило влияние правых популистов, в частности партии «Шведские демократы». На парламентских выборах 2018 года они получили 17,53 % голосов [13]. Их поддержка продолжила расти: в 2022 году партия добилась 20,54 % голосов, став второй по величине силой в Риксдаге [14].

Как мы видим, правые популистские партии в ряде европейских государств прошли путь от маргинальных протестных движений к институционализированным участникам политического процесса — либо в роли оппозиции с устойчивой избирательной базой, либо в качестве полноправных участников исполнительной власти.

Для объяснения этого процесса обратимся к теоретическим обоснованиям. В настоящее время распространены трактовки популизма в контексте идеологии, дискурса, стиля или стратегии [15, с. 14].

Как отмечает нидерландский исследователь Кас Мудде, популизм следует рассматривать как «тонкую идеологию», которая представляет общество однозначно разделенным на две гомогенные и антагонистические группы, истинный народ против коррумпированной элиты, и которая утверждает, что политика должна быть выражением народной общей воли, *volonté générale* [16]. В концепцию правого популизма так же включается националистический компонент, когда под истинным народом подразумевается этнически, религиозно и культурно однородная общность, нуждающаяся в защите от внешней угрозы.

Правый популизм предлагает простые ответы на сложные вопросы, апеллируя к «здравому смыслу» обычного человека и противопоставляя «народ» коррумпированной «элите» и опасным «чужакам». Эта триада — народ, элита, другие — составляет ядро популистской риторики.

Бенджамин Моффит рассматривает популизм прежде всего как определённый стиль политического действия: он опирается на демонстративную эмоциональную мобилизацию и постоянное создание чувства кризиса, формируя образ лидера, говорящего «от имени народа» [17]. В свою очередь Де Клин и Ставракакис подчёркивают, что правый популизм выстраивает свою риторику на двух видах разделения — вертикальном («народ» против «элит») и горизонтальном («мы» против «них»), — что делает тему миграции особенно удобной для политического использования [18].

В результате миграционного кризиса 2015 года европейскому обществу был явлен конкретный и наглядный образ «чужака», что позволило популистским партиям перевести абстрактное недовольство в эмоционально заряженную политическую мобилизацию.

Тем не менее было бы упрощением объяснять подъём правого популизма исключительно миграцией. Исследователи подчёркивают, что миграционный кризис 2015 года стал скорее катализатором уже существовавших процессов, а не их первопричиной. Кризис политического представительства, падение доверия к государственным институтам и ослабление традиционных партий подтачивали легитимность демократических систем как минимум с конца 1990-х годов. Разочарование усиливалось на фоне череды политических скандалов — от «дела расходов» в Великобритании до коррупционных расследований в Италии и Испании, — которые в глазах многих граждан подтвердили представление об оторванности политической элиты. Всё это формировало ощущение политической отчуждённости, не сводимое к конкретной политической теме, но укоренённое в более глубоком восприятии «неслышиности» и «непредставленности».

Правый популизм опирается на чувство утраты политического контроля, которое нарастало задолго до 2015 года. Глобализация, ускорившаяся после вступления в силу Маастрихтского договора и создания внутреннего рынка ЕС, сопровождалась существенным ростом трансграничной конкуренции, перемещением производств и сжатием сектора стабильной занятости. Технологическая трансформация 2000-х—2010-х годов, в свою очередь, изменила структуру рынка труда: автоматизация и цифровизация вытеснили значительную часть рутинных профессий, прежде обеспечивавших социальную стабильность. Интеграционные процессы ЕС, например, усиление наднационального регулирования в рамках Пакта стабильности и роста или расширение полномочий Еврокомиссии после кризиса 2008 года — укрепляли впечатление, что национальные правительства действуют в условиях резко сокращённого пространства для самостоятельных решений. Часть граждан воспринимала это как свидетельство того, что демократический контроль ослаб, а ключевые решения принимаются «где-то вовне», что усиливало эмоциональное восприятие популистских лозунгов о «возвращении страны её гражданам».

Не менее значимыми были и глубокие социально-экономические сдвиги. После мирового финансового кризиса 2008–2009 годов многие европейские государства столкнулись с длительным периодом бюджетной консолидации. Сокращения расходов, реформы пенсионных систем, deregulирование рынка труда и уменьшение социальных гарантий делали повседневную жизнь всё менее предсказуемой. Рост региональных диспропорций, например, между деиндустриализированными районами Северной Франции или Восточной Германии и динамичными мегаполисами — усиливал ощущение структурной несправедливости. На этом фоне правые популисты предлагали эмоционально ёмкие интерпретации происходящего: они связывали экономическую уязвимость с действиями «космополитических элит», глобальных корпораций или Брюсселя, обещая восстановить социальную защиту через укрепление национального суверенитета и контроль над экономическими потоками.

Рост правопопulistских настроений во многом зависел от позиции центристских партий и их способности или неспособности реагировать на новые вызовы [19].

Кризис представительства стал ещё одним ключевым звеном. В Европе десятилетиями ослабевала связь между избирателями и традиционными партиями. То, что раньше казалось устойчивой системой, к 2010-м стало раскалываться: появлялись новые,

узкоспециализированные или протестные движения, старые партии теряли способность собирать разные интересы под одной крышей. Всё больше людей оставались в политическом промежутке — они не видели в существующем выборе ничего, что отражало бы их собственные ожидания. На этом фоне популисты предлагали альтернативу: ясный, эмоциональный и конфликтный язык, который помогал многим сформулировать накопившееся недовольство. На этом фоне популистские партии становились удобным инструментом политической артикуляции недовольства, предлагая понятный и эмоционально насыщенный язык критики системы, часто построенный на противопоставлении «народа» и «элиты».

Социальные сети перевернули правила политической коммуникации. Алгоритмы показывали пользователям эмоционально окрашенный контент, который подтверждал их взгляды, а не ставил их под сомнение. Так появлялись «информационные пузыри», где упрощённые, но яркие политические истории распространялись с необычайной скоростью. Правые популисты быстрее многих адаптировались к новой среде: прямые обращения, минование традиционных медиа, собственные каналы мобилизации. Пороги участия в политике снизились, а поляризация выросла. Любая тревога или локальный конфликт легко превращались в политический инструмент.

Таким образом, рост правого популизма в Европе следует рассматривать как проявление системного кризиса либеральной демократии, вызванного сложным переплетением экономических, институциональных и культурных факторов. Миграционный кризис стал лишь одним из элементов более масштабного процесса, в рамках которого коллективные страхи, недоверие к элитам и кризис политического представительства стимулировали формирование новой политической реальности, в которой популистские партии заняли устойчивое и значимое место.

Библиографический список

1. Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015 [Электронный ресурс] // Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/-/3-04032016-ap> (дата обращения: 1.11.2025).
2. Number of Refugees to Europe Surges to Record 1.3 Million in 2015 [Электронный ресурс] // Pew Research Centre, – URL : <https://www.pewresearch.org/global-migration-and-demography/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015/#e4358b04b5d345dbdec54e9fae25fb0b> (дата обращения: 1.11.2025).
3. Bundestag election 2017 [Электронный ресурс] // The Federal Returning Officer, – URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/en/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/bund-99.html#zweitstimmen-prozente11> (дата обращения: 1.11.2025).
4. Bundestagswahl 2025: Endgültiges Ergebnis [Электронный ресурс] // Die Bundeswahlleiterin, – URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/29_25_endgueltiges-ergebnis.html (дата обращения: 1.11.2025).
5. France Entière: Résultats au 2d tour [Электронный ресурс] // Ministère de l'Intérieur, – URL: <https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/presidentielle-2017/FE.php> (дата обращения: 7.11.2025).
6. France Entière: Résultats au 2d tour [Электронный ресурс] // Ministère de l'Intérieur, – URL: <https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/presidentielle-2022/FE.php> (дата обращения: 7.11.2025).
7. Publication des candidatures et des résultats aux élections: Législatives 2024 [Электронный ресурс] // Ministère de l'Intérieur, – URL: https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr/resultats/legislatives2024/ensemble_geographique/index.php (дата обращения: 7.11.2025).

8. Refugee Crisis: European Commission takes decisive action - Questions and answers [Электронный ресурс] // European Commission, – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/memo_15_5597 (дата обращения: 7.11.2025).

9. European Commission Statement following the vote of the European Parliament in favour of an emergency relocation mechanism for a further 120,000 refugees [Электронный ресурс] // European Commission, – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_15_5664 (дата обращения: 7.11.2025).

10. Visegrad nations united against mandatory relocation quotas [Электронный ресурс] // Euractiv, – URL: <https://www.euractiv.com/news/visegrad-nations-united-against-mandatory-relocation-quotas/> (дата обращения: 7.11.2025).

11. From liberal hero to right-wing icon, Orbans appeal trumps rivals quotas [Электронный ресурс] // Reuters, – URL: <https://www.reuters.com/article/world/from-liberal-hero-to-right-wing-icon-orbans-appeal-trumps-rivals-idUSKBN1HF0YW/> (дата обращения: 7.11.2025).

12. Ten years since 2015 – what happened? [Электронный ресурс] // Migrationsverket, – URL: <https://www.migrationsverket.se/en/about-the-swedish-migration-agency/the-swedish-migration-agency-answers/2025/2025-10-27-ten-years-since-2015---what-happened.html> (дата обращения: 7.11.2025).

13. Election results 2018 [Электронный ресурс] // Valmyndigheten, – URL: <https://www.val.se/servicelankar/servicelankar/other-languages/english-engelska/election-results/election-results-2018.html> (дата обращения: 7.11.2025).

14. Election results 2022 [Электронный ресурс] // Valmyndigheten, – URL: <https://www.val.se/servicelankar/servicelankar/other-languages/english-engelska/election-results/election-results-2022.html> (дата обращения: 7.11.2025).

15. Осколков, П.В. Правый популизм в Европейском союзе – Right-Wing Populism in the European Union : [монография] / П.В. Осколков. – М. : Ин-т Европы РАН , 2019. – 164 с.

16. Mudde, C. The Populist Zeitgeist [Электронный ресурс] / C. Mudde // Government and Opposition. – URL: <https://www.jstor.org/stable/44483088> (дата обращения: 12.11.2025).

17. Moffit, B. The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation [Электронный ресурс] / Benjamin Moffit. – Stanford University Press, 2016. – 240 с.

18. De Cleen, B., Stavrakakis, I. Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism [Электронный ресурс] / B. De Cleen, I. Stavrakakis // The Public, 2017. – Р. 301–319. – URL: <https://doi.org/10.1080/13183222.2017.1330083> (дата обращения: 12.11.2025).

19. Слинько А.А. Кризис партийно-политической системы в странах ЕС: квазиоднопартийность и поиск альтернативы / А.А. Слинько, С.ИТ. Дмитриева, В.Н. Морозова // Среднерусский вестник общественных наук. - 2019. – Т14. №. 5.- С.52 - 64

УДК 327

Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
регионального и экономики зарубежных стран
А.В. Погорельский
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(908) 132-19-63;
e-mail: pogorelsky@mail.ru

Voronezh State University
PHD in History, Associate Professor of the Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
A.V. Pogorelsky
Russia, Voronezh,
tel. +7(908) 132-19-63;
e-mail: pogorelsky@mail.ru

А.В. Погорельский

ВЛИЯНИЕ «ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА» НА ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И США

Тайваньский вопрос занимает центральное место в стратегии внешней политики Китая. С момента окончания гражданской войны в 1949 году, Тайвань стал ареной глобальной политической борьбы с участием ведущих мировых держав. Вопрос о статусе Тайваня не теряет своей актуальности и продолжает оставаться важнейшим элементом в отношениях Пекина с другими государствами. Одним из ключевых аспектов тайваньского вопроса является международное вмешательство. Внешние силы, такие как Соединенные Штаты, играют важнейшую роль в эскалации конфликта, предоставляя Тайваню политическую, экономическую и военную поддержку. По мнению автора, политика КНР в отношении Тайваня оказывает многоуровневое воздействие на весь регион Восточной Азии. Усиление китайского давления и рост военной активности КНР формируют условия, при которых региональные акторы вынуждены адаптироваться к новой стратегической среде, балансируя между рисками эскалации и желанием сохранить стабильность.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Тайвань, тайваньский вопрос, международные отношения, внешняя политика, международное вмешательство, Восточная Азия, Соединенные Штаты Америки.

A.V. Pogorelsky

THE IMPACT OF THE "TAIWAN QUESTION" ON CHINA'S RELATIONS WITH EAST ASIAN STATES AND THE UNITED STATES

The Taiwan question occupies a central place in China's foreign policy strategy. Since the end of the civil war in 1949, Taiwan has become an arena for global political struggle involving leading world powers. The question of Taiwan's status remains relevant and remains a crucial element in Beijing's relations with other countries. One of the key aspects of the Taiwan question is international intervention. External powers, such as the United States, play a crucial role in escalating the conflict by providing Taiwan with political, economic, and military support. According to the author, China's Taiwan policy has a multifaceted impact on the entire East Asian region. Increased Chinese pressure and growing military activity are forcing regional actors to adapt to a new strategic environment, balancing the risks of escalation with the desire to maintain stability.

Key words: People's Republic of China, Taiwan, Taiwan question, international relations, foreign policy, international intervention, East Asia, United States of America.

В настоящее время Тайваньский вопрос занимает центральное место в стратегии внешней политики Китая. С момента окончания гражданской войны в 1949 году, когда правительство Китайской Республики (КР) бежало на остров после поражения от коммунистов, Тайвань стал символом не только политических разногласий внутри самого Китая, но и ареной глобальной политической борьбы с участием ведущих мировых держав.

Вопрос о статусе Тайваня не теряет своей актуальности и продолжает оставаться важнейшим элементом в отношениях Пекина с другими государствами.

Одним из ключевых аспектов тайваньского вопроса является международное вмешательство. Внешние силы, такие как Соединенные Штаты, играют важнейшую роль в эскалации конфликта, предоставляя Тайваню политическую, экономическую и военную поддержку.

Тайваньский вопрос органично вплетён в сложную ткань региональной безопасности, отражая конкуренцию великих держав, борьбу за политическое влияние и переосмысление постбиполярной архитектуры международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На протяжении последних десятилетий формирование политики Китая в отношении других стран региона во многом опосредовано позицией этих государств по тайваньскому вопросу. Это объясняется тем, что для Пекина признание принципа «одного Китая» и отказ от официальных контактов с Тайбэем являются не просто дипломатическим условием, но критерием политической лояльности. Особенно чётко данная парадигма проявляется в отношениях КНР с Соединёнными Штатами, Японией, Южной Кореей, а также в рамках взаимодействия с многосторонними структурами, такими как АСЕАН.

Сложность и многослойность современного этапа тайваньской проблематики определяется не только ростом конфронтации между Китаем и Западом, но и тем, что сам Тайвань стал полноправным участником региональных процессов. Его действия, направленные на расширение международного присутствия, активизация связей с Вашингтоном и Токио, а также участие в неформальных экономических и оборонных платформах, оказывают прямое воздействие на геостратегическую конфигурацию в Восточной Азии.

Соединённые Штаты Америки на протяжении последних десятилетий придерживаются политики так называемой «стратегической неопределенности» по отношению к Тайваню. Этот подход был официально оформлен в 1979 году с принятием «Закона о взаимоотношениях с Тайванем» [1] (TRA) после разрыва дипломатических отношений с Тайбэем и установления официальных связей с Пекином. Суть стратегии состоит в том, что США формально признают существование одного Китая и не поддерживают независимость Тайваня, однако одновременно обязуются оказывать острову оборонительную помощь, не уточняя, будет ли она включать прямое военное вмешательство в случае конфликта с КНР. С 1950 года на Тайвань было продано оборонительных систем на сумму почти \$50 млрд. Тайвань планирует потратить в 2025 примерно \$2,2 млрд. на закупку зенитных ракет и систем ПВО [2].

Этот нормативный акт не только стал важной частью законодательной базы американо-тайваньских отношений, но и служит инструментом стратегического воздействия на регион. Фактически он формализовал существование неформального альянса между Вашингтоном и Тайбэем, создавая устойчивую основу для взаимодействия в сфере безопасности. Периодические поставки оборонительных вооружений, обучение тайваньских военных и развитие обменов в сфере разведки служат подтверждением сохраняющейся глубокой взаимозависимости. Стратегическая неопределенность тем самым трансформировалась в инструмент проактивного сдерживания КНР, повышая порог риска при планировании возможных силовых сценариев [3].

С начала 2010-х годов, особенно после 2017 года, тайваньский вопрос стал центром нового этапа американо-китайской конкуренции, перешедшей из экономической плоскости в военно-дипломатическую. Принятый в марте 2018 года «Закон о поездках на Тайвань» (TTA), позволяющий и поощряющий визиты официальных лиц США на остров и приём тайваньских чиновников в Вашингтоне, а также усиление военно-технического сотрудничества и инициативы по включению Тайваня в международные площадки, воспринимаются Пекином как прямой вызов принципу «одного Китая» [4].

Кульминацией стало прибытие в Тайбэй в августе 2022 года спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси, что вызвало бурную реакцию КНР, выразившуюся в

беспрецедентных военных учениях вокруг острова, блокаде воздушного пространства и приостановке двустороннего диалога по ряду направлений. С позиции Пекина, данный визит не только подорвал основы ранее достигнутых соглашений, но и стал свидетельством стремления Вашингтона пересмотреть установленные «красные линии» в рамках политики «одного Китая». Это, в свою очередь, усилило риск возникновения инцидентов в районе Тайваньского пролива и возможной эскалации при любом, даже незначительном, провоцирующем событии.

Немаловажным аспектом усиления американского присутствия в регионе является интеграция тайваньского вопроса в архитектуру новых военно-стратегических союзов, таких как QUAD (США, Япония, Индия, Австралия) и AUKUS (США, Великобритания, Австралия). Хотя Тайвань формально не включён в данные форматы, его значение как «молчаливого союзника» усиливается по мере углубления взаимодействия в сфере информационной безопасности, киберобороны и морской логистики. Эти связи усиливают озабоченность КНР, поскольку создают дополнительные внешние риски при реализации любых инициатив по «воссоединению» острова с материком [5]

В условиях, когда Тайвань становится центром геостратегического напряжения, возрастающее внимание к этому региону со стороны других ключевых акторов является закономерным. Усиление китайско-американской конфронтации вокруг Тайваньского пролива способствует не только росту напряжённости в двусторонних отношениях, но и втягивает в орбиту конфликта государства, чьи интересы непосредственно затрагиваются как в политическом, так и в военном, экономическом и технологическом измерениях. Одним из таких государств выступает Япония, чья вовлеченность в вопросы региональной безопасности неуклонно возрастает на фоне растущих вызовов, исходящих как от амбиций КНР, так и от стремления США укрепить систему союзов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Япония занимает уникальное место в системе восточноазиатской безопасности, обладая как географической близостью к Тайваню, так и статусом важнейшего стратегического союзника США. Позиция Токио по тайваньскому вопросу на протяжении десятилетий характеризовалась осторожным соблюдением баланса между официальной поддержкой политики «одного Китая» и неформальной солидарностью с Тайбэем. Однако начиная с 2020 года наблюдается постепенный сдвиг в сторону большей стратегической открытости в вопросе возможной поддержки Тайваня в случае кризисной ситуации. Ключевым фактором в формировании японской позиции становится растущее осознание уязвимости архипелага перед лицом активной экспансии КНР. В «Стратегии национальной обороны Японии» 2022 года прямо указано, что «ситуация в Тайваньском проливе имеет прямое влияние на безопасность Японии», а стабильность вокруг острова — важный элемент обеспечения свободы судоходства и регионального равновесия [6]

Дипломатически Япония всё чаще выступает в «трехстороннем фронте» с США и Австралией в рамках QUAD и AUKUS. Лидеры QUAD на саммите 21 сентября 2023 в Делавэр договорились поддерживать мир в Индо-Тихоокеанском регионе и противостоять принуждению силой [7]. Японские политики всё чаще высказываются в поддержку Тайваня, подчеркивая необходимость его включения в международные форматы по линии здравоохранения, логистики и технологического сотрудничества. Эти высказывания вызывают резкую реакцию Пекина, который расценивает подобные шаги как отход от прежнего курса и вмешательство в свои внутренние дела.

Совместные военные учения США, Японии и Австралии, проведённые в июне 2024 года, подтвердили высокий уровень оперативной готовности и взаимодействия между союзниками. В рамках серии учений AUKUS Pillar II и манёвров «Autonomous Warrior 2024» в районе залива Джервис в Австралии, были задействованы новейшие автономные морские платформы и беспилотные системы [8]. Кроме того, в июне-июле 2024 года указанные государства приняли участие в учениях RIMPAC — крупнейших морских манёврах в Тихоокеанском регионе, где применялись корабли ВМС США, Королевского флота

Австралии и Японских сил самообороны. Одним из приоритетов стало отработка слаженного взаимодействия с использованием автономных и полуавтономных военных технологий, что подчёркивает стремление к усилению коллективной безопасности в регионе.

Позднее, в марте 2025 года, Япония, США и Южная Корея выступили с единым политическим заявлением, в котором выразили обеспокоенность действиями Китая вблизи Тайваня и подтвердили, что стабильность в Тайваньском проливе является ключевым фактором региональной безопасности. В документе были прямо осуждены «provокационные учения КНР», и подчёркнута общая приверженность сохранению мира и недопустимости одностороннего изменения статус-кво в регионе [9].

Помимо прочего, Япония активно наращивает оборонные ресурсы: на финансовый 2025 год запланированы расходы 9,9 трлн. иен (~ \$70 млрд), что составляет около 1,8 % ВВП [10]. Это существенное увеличение по сравнению с 2024 годом, когда оборонный бюджет составлял около 8 трлн. иен или 1,4 % ВВП [11]. В результате, Япония постепенно трансформируется из стороннего наблюдателя в потенциального участника конфигурации, направленной на сдерживание КНР по тайваньской линии. Её позиция, несмотря на дипломатическую сдержанность, отражает растущую стратегическую синхронизацию с американской политикой в регионе.

В отличие от Японии, позиция Республики Корея по тайваньскому вопросу остаётся более сдержанной и прагматичной. Южная Корея формально придерживается политики «одного Китая» и избегает активной риторики в поддержку Тайваня [12]. Такой подход отражает геополитические реалии и экономические интересы Южной Кореи. Китай является основным торговым партнером. В 2024 году примерно 19,5 % экспорта Республики Корея приходилось на Китай [13]. Это соответствует приблизительно \$133 млрд. из общего объёма экспортруемых товаров, что подчёркивает сильную экономическую зависимость Сеула от китайского рынка.

Тем не менее, в последнее десятилетие и в Сеуле стали происходить определённые сдвиги в риторике. На фоне растущего давления со стороны Вашингтона, а также усиления китайской дипломатической и военной активности в регионе, в южнокорейском истеблишменте всё чаще поднимается вопрос о необходимости стратегического переосмысливания роли Тайваня [14]. Несмотря на осторожность официальной позиции, Южная Корея принимает участие в совместных заявлениях и других многосторонних форматах, где подчёркивается важность мира и стабильности в Тайваньском проливе [15].

Однако реальное участие Сеула в тайваньском вопросе по-прежнему ограничено. Южная Корея не участвует в военных манёврах, направленных на поддержку Тайваня, избегает поставок вооружения и сохраняет определённую дипломатическую дистанцию. Это объясняется в том числе уязвимостью перед экономическим давлением со стороны КНР, которая уже прибегала к неформальным санкциям в ответ на развёртывание системы ПРО THAAD в 2016 году [16]. Позиция Южной Кореи иллюстрирует пример прагматичного «взвешенного нейтралитета», в рамках которого Сеул стремится сохранить баланс между союзническими обязательствами и необходимостью поддержания стабильных отношений с Пекином. Это подтверждается и избранием в июне 2025 года президента Ли Джэ Мёна, который заявил, что Южная Корея должна держаться в стороне, если возникнет кризис по Тайваню [17].

На фоне осторожного подхода Южной Кореи к тайваньскому вопросу, подобная логика сдержанности и стратегического маневрирования прослеживается и в политике других государств региона, особенно в Юго-Восточной Азии. Эти страны, как и Сеул, оказываются в сложной геоэкономической и геополитической конфигурации, где необходимость поддержания тесных экономических связей с Китаем сочетается с заинтересованностью в стабильности и предсказуемости региональной безопасности. Однако, в отличие от относительно унифицированной внешнеполитической линии Южной Кореи, внутри Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) наблюдается заметное расхождение в подходах, что делает анализ её позиции по тайваньскому вопросу

особенно значимым с точки зрения выявления региональных приоритетов и противоречий. Политика стран АСЕАН по данному направлению определяется, прежде всего, прагматическими соображениями — экономическими интересами, характером двусторонних отношений с КНР и внутренними политическими балансами.

С одной стороны, подавляющее большинство государств региона официально поддерживают принцип «одного Китая» и избегают любых шагов, которые могут быть восприняты Пекином как нарушение этого принципа. С другой стороны, в последние годы активизировались неофициальные каналы взаимодействия между Тайванем и рядом стран АСЕАН, особенно в сферах торговли, инвестиций, технологий и образования. Такие формы сотрудничества, как правило, развиваются в рамках неформальных соглашений и не сопровождаются официальными заявлениями, что позволяет государствам региона лавировать между интересами Пекина и Тайбэя. Например, согласно официальному отчёту за 2024 год от Министерства финансов Тайваня, экспорт Тайваня в страны АСЕАН достиг рекордного уровня в 87,8 млрд. долларов, что на 15,1 % больше, чем годом ранее [18]. В результате, АСЕАН утвердился в качестве одного из ведущих внешнеторговых партнёров Тайваня, заняв второе место после Китая. На долю стран этого объединения приходится около 15,0 % всего торгового оборота Тайваня — показатель, близкий к общему торговли с США (14,9 %) и уступающий только Китаю (21,2 %) [19].

Одним из главных каналов взаимодействия выступают так называемые «Тайбэйские экономические и культурные представительства», действующие в большинстве стран АСЕАН и не только. Эти учреждения выполняют функции, аналогичные дипломатическим миссиям, однако не признаются официальными посольствами, что формально не нарушает принцип «одного Китая». Через эти представительства развиваются торговые связи, заключаются инвестиционные соглашения, налаживаются образовательные обмены и реализуются научно-технические программы. В рамках своей «Новой политики продвижения на юг»(NSP) [20], инициированной в 2016 году, Тайвань активно углубляет отношения с Юго-Восточной Азией, включая не только торговлю и технологии, но и культуру, здравоохранение и гуманитарные инициативы.

Среди стран АСЕАН наибольшую активность в неофициальном сотрудничестве с Тайванем проявляют Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Индонезия. По состоянию на июнь 2024 года во Вьетнаме насчитывалось около 3 200 тайваньских проектов с зарегистрированным капиталом более \$39,5 млрд, и Тайвань занимал четвёртое место среди инвесторов в этой стране [21]. Производственные цепочки тайваньских корпораций, таких как Foxconn и Pegatron, частично перенесены во Вьетнам в рамках стратегии «China+1» [22]. Филиппины, в силу географической близости, поддерживают интенсивные экономические, образовательные и культурные связи с Тайванем. Более 150 тысяч филиппинцев работают на острове, и существует широкая сеть миграционных, гуманитарных и бизнес-связей. По оценкам Taipei Times, инвестиции Тайваня в Филиппины выросли с \$27,7 млн. в 2016 году до \$73,34 млн. в 2024 году, а туристический поток увеличился более чем в два раза - с 172 000 до 415 635 человек [23]. Индонезия и Малайзия являются активными участниками образовательных и технологических программ Тайваня, как через обмен студентов в рамках Elite Study и NSP, так и посредством технических и инновационных соглашений с университетами, правительственные и гражданскими структурами [24]. Эти проекты не требуют дипломатического признания Тайваня и реализуются без конфликтов с официальной позицией «одного Китая», позволяя странам региона провести прагматичную и стратегически гибкую политику.

В то же время страны, находящиеся в более плотной зависимости от Китая, такие как Камбоджа, Лаос и частично Мьянма, занимают значительно более осторожную позицию. Их сотрудничество с Тайванем носит ограниченный характер и не выходит за рамки гуманитарных программ или эпизодических экономических контактов. Такая осторожность продиктована рисками дипломатического или экономического давления со стороны Пекина.

Таким образом, позиция АСЕАН по вопросу Тайваня остаётся внутренне противоречивой: при формальном соблюдении дипломатической нейтральности ряд государств стремится использовать гибкие механизмы для диверсификации внешнеэкономических и технологических связей, включая взаимодействие с Тайбэем.

Учитывая внутреннюю противоречивость позиции АСЕАН по тайваньскому вопросу и стремление отдельных государств региона к диверсификации внешнеэкономических связей, Китай всё активнее действует многосторонние форматы как инструмент продвижения собственной региональной повестки. Политика Пекина в отношении Тайваня всё чаще реализуется не только через двустороннее давление, но и в рамках институционализированных механизмов сотрудничества, где Китай стремится формировать нормы и правила, исключающие международную субъектность Тайбэя.

КНР активно участвует в ключевых институционализированных платформах регионального сотрудничества в Восточной Азии, таких как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Восточноазиатский саммит, Форум АСЕАН+3, Азиатский диалог по безопасности (ADMM+) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Через эти механизмы Пекин стремится укреплять имидж ответственного регионального лидера, способного предлагать альтернативу западным инициативам, включая концепции совместной безопасности, устойчивого развития и мультиполярности.

Одним из главных препятствий для полной инклюзивности этих форматов становится тайваньский вопрос, поскольку Пекин жёстко отстаивает политику «одного Китая» и добивается исключения Тайваня из всех организаций, где он может быть представлен как суверенный субъект. Это привело к тому, что Тайвань участвует в ряде региональных форматов лишь в ограниченном виде, как «китайский Тайбэй», без флага и без возможности заключения международных соглашений от собственного имени. Даже в рамках экономических платформ, таких как АТЭС, делегации Тайваня не имеют официального статуса, что отражает эффективность китайской дипломатии в изоляции острова от международного признания [25].

Внутри этих форматов Китай последовательно использует тайваньскую повестку для продвижения собственной интерпретации международного права и усиления давления на страны, склонные к взаимодействию с Тайбэем. Пекин активно продвигает тезис о том, что поддержка политики «одного Китая» должна быть обязательным условием участия в китайских инициативах, включая экономические проекты в рамках «Пояса и пути» [26]. Таким образом, Китай не только ограничивает пространство для дипломатического манёвра Тайваня, но и формирует устойчивую архитектуру международной изоляции острова.

Кроме того, Пекин использует региональные оборонные платформы, такие как ADMM+ и АСЕАН+3, для демонстрации «мягкой силы» и контроля над дискуссией о безопасности. Этот формат позволяет Китаю не только позиционировать себя как защитника стабильности, но и формировать рамки взаимодействия по вопросам, связанным с Тайванем. В частности, на сессии ADMM+ в ноябре 2024 года, КНР отказалась встречаться с представителем Пентагона, ссылаясь на торговлю оружием США с Тайванем [27]. Такое поведение подчеркивает, что Пекин рассматривает данные платформы как инструмент для «верификации» и давления на других участников, демонстрируя, что любые контакты с Тайванем могут негативно сказаться на двустороннем сотрудничестве.

В то время как Китай стремится заблокировать возможности международного признания Тайваня, США и их союзники, напротив, предпринимают шаги по его постепенной интеграции в глобальные и региональные форматы. Тайвань активно вовлекается в двусторонние и неофициальные многосторонние консультации по вопросам кибербезопасности, производства микрочипов и устойчивых цепочек поставок [28]. Кроме того, Вашингтон использует участие Тайваня в вопросах глобального здравоохранения, борьбы с COVID-19 и технологического развития в качестве аргумента в пользу признания его конструктивной международной роли, несмотря на отсутствие формального статуса.

Это противостояние усиливает поляризацию внутри региональных платформ. Например, в рамках АТЭС США не раз поднимали вопрос об «искусственном ограничении возможностей Тайваня», тогда как КНР реагировала угрозами прервать участие или изменить формат. Подобные дипломатические столкновения демонстрируют, что Тайвань стал не только предметом конфликта, но и инструментом символического давления в многосторонней политике.

Ситуация усугубляется отсутствием устойчивых механизмов разрешения конфликтов, связанных с Тайванем, в рамках существующих региональных форматов. Большинство из них не имеют юридических инструментов для реагирования на односторонние действия, будь то китайские военные учения или дипломатическое давление. В результате региональная архитектура безопасности оказывается под давлением, что создаёт риск институциональной эрозии и ослабления доверия между странами-участниками. В долгосрочной перспективе тайваньская проблема будет продолжать оказывать значительное влияние на участие КНР в региональных форматах.

Таким образом, политика КНР в отношении Тайваня оказывает многоуровневое воздействие на весь регион Восточной Азии, заставляя государства региона делать сложный выбор между экономической рациональностью и стратегической лояльностью. Усиление китайского давления, рост военной активности и дипломатическая изоляция Тайваня формируют условия, при которых региональные акторы вынуждены адаптироваться к новой стратегической среде, балансируя между рисками эскалации и желанием сохранить стабильность.

Библиографический список

1. H.R.2479: Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] // U.S. Congress. 1979. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479> (дата обращения: 14.11.2025).
2. Taiwan plans to spend US 22 billion on American weapons next year [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3287096/taiwan-plans-spend-us22-billion-american-weapons-next-year> (дата обращения: 14.11.2025).
3. Relations between Taiwan and United States deepen amid regional tensions [Электронный ресурс] // Reuters. 17.07.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/relations-between-taiwan-united-states-2024-07-17/> (дата обращения: 14.11.2025).
4. China-Taiwan Relations: Tension and U.S. Policy under Trump [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations (CFR). URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-taiwan-relations-tension-us-policy-trump> (дата обращения: 14.11.2025).
5. Perspectives: What does AUKUS mean for Taiwan? [Электронный ресурс] // University of Technology Sydney (UTS) News. Ноябрь 2024. URL: <https://www.uts.edu.au/news/2024/11/perspectives-what-does-aokus-mean-taiwan> (дата обращения: 15.11.2025).
6. Taiwan in Tokyo's 2022 Defense White Paper [Электронный ресурс] // Institute for Security and Development Policy (ISDP). URL: <https://www.isdp.eu/publication/taiwan-in-tokyos-2022-defense-white-paper/> (дата обращения: 15.11.2025).
7. Republic of China (Taiwan), Ministry of Foreign Affairs. “Joint Statement on Taiwan–U.S. Relations” [Электронный ресурс] // MOFA, Taiwan. URL: https://en.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=1328&s=118098 (дата обращения: 15.11.2025).
8. AUKUS Pillar II in Action at Exercise Autonomous Warrior 2024 [Электронный ресурс] // Asia Pacific Defence Reporter. URL: <https://asiapacificdefencereporter.com/aukus-pillar-ii-in-action-at-exercise-autonomous-warrior-2024/> (дата обращения: 15.11.2025).
9. Taipei Times. “U.S. to supply air-to-air missiles to Taiwan under \$345 M arms package”, 04.04.2025 [Электронный ресурс] // Taipei Times. URL:

<https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/04/04/2003834623> (дата обращения: 15.11.2025).

10. Japan's Military Transformation [Электронный ресурс] // GIS Reports Online. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/japan-military-transformation/> (дата обращения: 15.11.2025).

11. Japan's Defense Budget Surpasses \$50 bn in 2024 Amid Regional Tensions [Электронный ресурс] // Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/en/japan-data/h02398/> (дата обращения: 15.11.2025).

12. South Korea to boost defense spending to \$60 billion amid tensions [Электронный ресурс] // The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/article/3400693> (дата обращения: 15.11.2025).

13. South Korea's Top Import Partners (June 2025 data) [Электронный ресурс] // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/south-koreas-top-import-partners/> (дата обращения: 15.11.2025).

14. Back to Normal? End of the THAAD Dispute with China and South Korea [Электронный ресурс] // Jamestown Foundation. URL: <https://jamestown.org/program/back-normal-end-thaad-dispute-china-south-korea/> (дата обращения: 15.11.2025).

15. Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). "News Content" [Электронный ресурс] // MOFA, Taiwan. URL: https://en.mofa.gov.tw/News_Content.aspx (дата обращения: 16.11.2025).

16. Lee, Jae-Min. South Korea and Chinese Conflict over THAAD: How It Started and the Way It Ended [Электронный ресурс] // ResearchGate. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349148524_South_Korea_and_Chinese_Conflict_over_T_HAAD_How_it_started_and_the_way_it_ended (дата обращения: 16.11.2025).

17. ¹ Focus Taiwan. "Taiwan, U.S. hold Joint Crisis Communication and Coordination Mechanism for first time" [Электронный ресурс] // Focus Taiwan (CNA). 19.06.2025. URL: <https://focustaiwan.tw/cross-strait/202506190030> (дата обращения: 16.11.2025).

18. Ministry of Finance, Taiwan. "Annual Import and Export Trade Statistics of Taiwan (2024)" [Электронный ресурс] // Ministry of Finance, ROC (Taiwan). URL: https://service.mof.gov.tw/public/Data/statistic/bulletin/114/113年我國出進口貿易概況_英文版_上網.pdf (дата обращения: 16.11.2025).

19. Taiwan's economic pivot towards Southeast Asia could help maintain peace in the Taiwan Strait [Электронный ресурс] // ThinkChina.sg. URL: <https://www.thinkchina.sg/economy/taiwans-economic-pivot-towards-southeast-asia-could-help-maintain-peace-taiwan-strait> (дата обращения: 17.11.2025).

20. Glaser, Bonnie S. Taiwan's New Southbound Policy: Opportunities and Challenges [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies (CSIS). Январь 2018. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/180113_Glaser_NewSouthboundPolicy_Web.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

21. Taipei Times. «Editorial: Taiwan's security landscape facing new challenges» [Электронный ресурс] // Taipei Times. 06.08.2024. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2024/08/06/2003821827> (дата обращения: 17.11.2025).

22. China-plus-one strategy [Электронный ресурс] // CME Group. URL: <https://www.cmegroup.com/education/featured-reports/china-plus-one-strategy.html> (дата обращения: 17.11.2025).

23. Taipei Times. "Taiwan's digital defense plan unveiled, seeking U.S. partnership" [Электронный ресурс] // Taipei Times. 07.02.2025. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2025/02/07/2003831486> (дата обращения: 17.11.2025).

24. Exploring Digital Resilience: Case Study Analysis [Электронный ресурс] // Atlantis Press. URL: <https://www.atlantis-press.com/article/125970920.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).

25. APEC's Continued Salience for Taiwanese Diplomacy [Электронный ресурс] // Ketagalan Media. 08.12.2021. URL: <https://ketaganlanmedia.com/2021/12/08/apecs-continued-salience-for-taiwanese-diplomacy/> (дата обращения: 18.11.2025).
26. China's Massive Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations (CFR). URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (дата обращения: 18.11.2025).
27. Vincent B. DOD leaders link up with counterparts in Asia — but China declines US invite to connect [Электронный ресурс] // DefenseScoop. URL: <https://defensescoop.com/2024/11/20/admm-plus-asean-laos-china-declines-us-invite-to-connect/> (дата обращения: 18.11.2025).
28. Wu M-C. Can New Taiwan-U.S. Cooperation on Cybersecurity Raise the Profile of Taiwan in the Global Chip Supply Chain? [Электронный ресурс] // SEMI. URL: <https://www.semi.org/en/blogs/technology-and-trends/can-new-taiwan-us-cooperation-on-cybersecurity-raise-the-profile-in-the-global-chip-supply-chain> (дата обращения: 19.11.2025).

Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
Д.В. Щукин
Россия, г. Елец,
тел. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru
Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
бакалавр 4 курса, институт культуры, истории и
права
И.Р. Калитин
Россия, г. Елец,
тел. +7 (953) 437-18-93
e-mail: HiKKimo210986@yabndex.ru

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
PhD in History, Associate Professor of the department of
History and Historical and Cultural Heritage
D.V. Shchukin
Russia, Yelets,
tel. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru
Yelets State University named after
I.A. Bunin
bachelor of 4 courses, Institute of Culture, History and
Law
I.R. Kalitin
Russia, Yelets,
tel.. +7 (953) 437-18-93
e-mail: HiKKimo210986@yabndex.ru*

Д.В. Щукин, И.Р. Калитин

МУЗЕЙ КАК ПЛАТФОРМА СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ XXI ВЕКА

В исследовании проведен анализ проблематики роли музеев в современном обществе и их трансформация из-за стремительного развития цифровых технологий. Выявлены ключевые вызовы и возможности цифровизации музейной деятельности: от расширения аудитории и внедрения AR/VR-технологий до рисков утраты уникальности и проблем сохранения цифрового наследия. Рассматриваются сценарии эволюции музеев, их роль в формировании культурной идентичности, образовательных практик и общественного диалога. Особое внимание уделено необходимости баланса между инновациями и сохранением традиционных ценностей музеяного дела.

Ключевые слова: цифровизация музеев, виртуальные музеи, культурное наследие, AR/VR-технологии, геймификация, искусственный интеллект, музейная аудитория, образовательные практики, культурная идентичность.

D.V. Shchukin, I.R. Kalitin

THE MUSEUM AS A PLATFORM FOR PRESERVING THE HERITAGE OF CULTURAL CODE AND HISTORICAL IDENTITY IN THE DIGITAL SPACE OF THE XXI ST CENTURY

This study analyzes the evolving role of museums in contemporary society and their transformation driven by the rapid advancement of digital technologies. Key challenges and opportunities of museum digitalization are identified, ranging from audience expansion and the integration of AR/VR technologies to the risks of losing uniqueness and the complexities of preserving digital heritage. The research explores possible scenarios for the evolution of museums, their role in shaping cultural identity, educational practices, and public dialogue. Special attention is given to the need for balancing innovation with the preservation of traditional museum values.

Key words: museum digitalization, virtual museums, cultural heritage, AR/VR technologies, gamification, artificial intelligence, museum audiences, educational practices, cultural identity.

С начала XXI века человечество стало свидетелем стремительного развития цифровых технологий, которые кардинально изменили все сферы жизни общества – от экономики и образования до культуры и досуга. Появление интернета, мобильных устройств, искусственного интеллекта и виртуальной реальности не только трансформировало способы коммуникации и получения информации, но и поставило перед человечеством новые вопросы о сохранении культурного наследия и роли традиционных институтов в цифровую эпоху. Одним из таких институтов, оказавшихся на перекрестке инноваций и традиций, является музей.

Музеи на протяжении веков выполняли важнейшую функцию – они были хранителями материальных и нематериальных свидетельств человеческой истории, искусства, науки и техники. Их миссия заключалась не только в сохранении и экспонировании артефактов, но и в просвещении, формировании общественного сознания, поддержании диалога между прошлым, настоящим и будущим. Однако в условиях цифровизации, когда доступ к информации становится практически безграничным, а новые формы взаимодействия с культурой и искусством появляются с каждым годом, роль музея неизбежно меняется. Возникает вопрос: «Каким будет музей будущего в цифровом мире, и какую роль он сможет и должен играть в жизни современного общества?» [2, с. 113].

С одной стороны, цифровизация открывает перед музеями уникальные возможности: расширение аудитории за счет онлайн-экспозиций, создание интерактивных образовательных программ, использование искусственного интеллекта для анализа коллекций и персонализации опыта посетителей. С другой стороны, она ставит перед музеями новые вызовы: необходимость переосмыслиения своей миссии, поиска баланса между физическим и виртуальным пространством, обеспечения сохранности цифровых данных и защиты авторских прав.

Современный посетитель, выросший в условиях цифровой среды, ожидает от музея не только традиционной экспозиции, но и интерактивности, возможности самостоятельного исследования. Музеи вынуждены адаптироваться к этим ожиданиям, внедряя новые форматы работы, такие как виртуальные туры, дополненная реальность, геймификация, однако при этом: «сохраняется и потребность в «аутентичном» опыте – непосредственном контакте с оригиналами объектами, который невозможно полностью заменить цифровыми технологиями» [2, с. 114-115].

Особое значение приобретает вопрос о сохранении культурного наследия в цифровую эпоху. С одной стороны, цифровые технологии позволяют оцифровывать и сохранять уникальные артефакты, делая их доступными для миллионов людей по всему миру. С другой стороны, возникает проблема «цифрового забвения» – быстрого устаревания форматов, потери данных, необходимости постоянного обновления инфраструктуры. Музеи оказываются в ситуации, когда им необходимо не только сохранять физические объекты, но и заботиться о сохранности цифровых копий, метаданных, цифровых произведений искусства» [7, с. 56].

В свете этих изменений роль музея в будущем цифрового мира становится предметом активных дискуссий среди специалистов в области музеиного дела, культурологии, информационных технологий и образования, однако: «Одни исследователи видят в цифровизации шанс для музеев стать центрами инноваций, площадками для междисциплинарного диалога, пространствами для формирования новых форм культурной идентичности. Другие предупреждают о рисках утраты уникальности музеиного опыта, «размыивания» границ между оригиналом и копией, коммерциализации культурного наследия» [7, с. 87-89].

Важно не только анализировать современные тенденции, но и пытаться предвидеть возможные сценарии развития, чтобы музеи могли не просто реагировать на изменения, а активно формировать будущее культуры и общества.

В XXI веке цифровая трансформация стала неотъемлемой частью глобального

развития общества. Влияние цифровых технологий ощущается во всех сферах жизни: «... от экономики и образования до досуга и культуры. Музеи, как важнейшие культурные институты, оказались в центре этого процесса, сталкиваясь с новыми вызовами и одновременно получая уникальные возможности для развития» [1, с. 18].

Цифровизация – это не просто внедрение новых технических средств, а изменение способов коммуникации, хранения и передачи информации. По данным отчета International Telecommunication Union (международного союза электросвязи), к началу 2024 года более 5,5 миллиардов человек имели доступ к интернету, а цифровые сервисы стали неотъемлемой частью повседневной жизни [9]. В этих условиях музеи вынуждены пересматривать свои традиционные функции и искать новые пути взаимодействия с аудиторией.

Одним из главных вызовов для музеев становится изменение ожиданий и поведения посетителей. Современная аудитория, особенно молодое поколение, привыкла к интерактивности, мгновенному доступу к информации и персонализированному опыту. Традиционные формы музейной экспозиции, построенные на пассивном созерцании, все чаще воспринимаются как устаревшие, все это: «требует от музеев внедрения новых форматов работы, способных удержать внимание и интерес посетителей» [1, с. 22].

Еще одной проблемой является конкуренция за внимание. В условиях информационного перенасыщения музеи вынуждены конкурировать не только друг с другом, но и с другими актуальными формами досуга, а именно: «... социальными сетями, видеоиграми, стриминговыми сервисами. Для того чтобы оставаться актуальными, музеи должны предлагать уникальный опыт, который невозможно получить в других местах» [1, с. 23].

Важным вызовом становится и вопрос сохранения культурного наследия в цифровую эпоху. Оцифровка коллекций требует значительных ресурсов, а также решения вопросов авторских прав, безопасности данных и долгосрочного хранения цифровых копий. Кроме того, существует риск «цифрового разрыва» – неравного доступа к цифровым ресурсам между разными социальными группами и регионами [9].

Несмотря на перечисленные вызовы, цифровизация открывает перед музеями широкие перспективы. Прежде всего, это возможность расширения аудитории, что возможно за счет: «... онлайн-экспозиций, виртуальных туров и образовательных платформ» [1, с. 24], музеи же благодаря данному стали доступными для людей, которые по разным причинам не могут посетить их физически – будь то: географическая удаленность, ограниченные физические возможности или пандемийные ограничения.

Цифровые технологии позволяют музеям создавать новые формы взаимодействия с посетителями. Например, использование дополненной и виртуальной реальности дает возможность «погружаться» в исторические эпохи, рассматривать артефакты в мельчайших деталях, участвовать в интерактивных квестах и образовательных играх. Искусственный интеллект и большие данные помогают: «анализировать поведение посетителей, персонализировать контент и разрабатывать индивидуальные маршруты по экспозициям» [4, с. 71].

Еще одной важной возможностью становится создание и распространение цифровых копий уникальных артефактов. Это не только способствует сохранению оригиналам, но и позволяет использовать их в образовательных и научных целях по всему миру. Примером может служить проект Europeana, объединяющий цифровые коллекции европейских музеев, библиотек и архивов и предоставляющий свободный доступ к миллионам объектов культурного наследия [8].

В условиях цифровой трансформации музеи могут стать не только хранителями прошлого, но и активными участниками формирования будущего. Они способны выступать в роли образовательных и исследовательских центров, площадок для общественного диалога, лабораторий инноваций. Для этого необходима интеграция цифровых технологий во все аспекты музейной деятельности: «от управления коллекциями до работы с аудиторией и партнерскими организациями» [4, с. 73].

Однако успешная цифровая трансформация требует не только технических решений, но и изменения организационной культуры музеев, развития новых компетенций у сотрудников, а также активного взаимодействия с внешними экспертами и сообществами. Только в этом случае музеи смогут не только адаптироваться к вызовам цифровой эпохи, но и: «... использовать ее возможности для собственного развития и укрепления своей роли в обществе» [4, с. 74].

В условиях стремительной цифровизации музеи вынуждены не только адаптироваться к новым технологическим реалиям, но и активно осваивать инновационные форматы работы. Эти изменения затрагивают все аспекты музейной деятельности: «... от экспонирования и интерпретации коллекций до образовательных программ и взаимодействия с аудиторией» [2, с. 115].

Одним из наиболее заметных явлений последних лет стало появление виртуальных музеев и онлайн-экспозиций. Виртуальный музей – это не просто цифровая копия физического пространства, а самостоятельная платформа, позволяющая пользователям взаимодействовать с коллекциями в интерактивном режиме. Особенно актуальным этот формат стал в период пандемии COVID-19, когда многие музеи были вынуждены закрыть свои двери для посетителей и перенести деятельность в онлайн [9].

Примером успешной реализации виртуального музея является проект Google Arts & Culture, который предоставляет доступ к цифровым коллекциям более 2000 музеев и галерей по всему миру. Пользователи могут совершать виртуальные туры по залам Лувра, Британского музея, Эрмитажа, рассматривать произведения искусства в высоком разрешении, читать экспертные комментарии и участвовать в онлайн-мероприятиях [10].

Технологии дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR) открывают перед музеями новые горизонты в области экспонирования и интерпретации коллекций. С помощью современных технологий, таких как: «AR – посетители могут рассмотреть «оживленную» модель экспонатов, реконструкции исторических событий, а так же получить дополнительную информацию в интерактивной форме. VR – позволяет создавать полностью иммерсивные среды, в которых пользователь может «переместиться» в другую эпоху или место» [4, с. 73].

Например, Британский музей реализовал проект «Virtual Reality Weekend», в рамках которого посетители могли с помощью VR-очков оказаться в Древней Греции и исследовать Парфенон в его историческом облике [6].

В России также достаточно примеров подобного рода. Так, можно привести сайт Государственного Эрмитажа на котором представлены виртуальные туры с элементами дополненной реальности, позволяющие рассматривать детали: картин, скульптур, драгоценностей, костюмов, разных по формату выставочных проектов, внешний вид зданий самого музейного комплекса и «Собственного сада Николая II», которые недоступны при традиционном посещении музея [3].

Геймификация – внедрение игровых элементов в неигровые процессы – становится все более популярной стратегией в музейной деятельности. Интерактивные квесты, викторины, мобильные приложения с элементами игры позволяют вовлекать посетителей в: «... активное исследование экспозиций, стимулируют самостоятельное обучение и развитие критического мышления» [4, с. 74]. Ярким примером является проект «Space Night at the Museum» в Музее естественной истории в Лондоне, где для детей и подростков организуются ночные квесты с использованием мобильных приложений и AR-технологий [11]. А в Москве существует Музей советских игровых автоматов. Посетители не только узнают о культуре СССР, но и играют на автоматах «Морской бой», «Городки» и «Сапер» [5]. Таким образом, геймификация способствует не только повышению интереса к музеинм коллекциям, но и формированию новых моделей образовательного взаимодействия, ориентированных на активное участие и сотрудничество.

Современные цифровые технологии позволяют музеям предлагать

персонализированный опыт для каждого посетителя. С помощью искусственного интеллекта и анализа больших данных музеи могут: «рекомендовать индивидуальные маршруты по экспозициям, предлагать контент, соответствующий интересам пользователя, а также собирать обратную связь для дальнейшего совершенствования своих сервисов» [4, с. 75].

В Музее Виктории и Альберта в Лондоне внедрена система персональных гидов на основе искусственного интеллекта, которая анализирует предпочтения посетителя предлагая на основе его предпочтений наиболее подходящую экспозицию, что на современном этапе, является хорошим примером поиска способов привлечения аудитории к искусству и повышению удовлетворенности от посещения музея [13].

Важным направлением становится и развитие музейных сообществ в социальных сетях. Благодаря активному присутствию в цифровом пространстве музеи могут поддерживать постоянный диалог с аудиторией, делиться новостями, проводить онлайн-опросы, конкурсы и флешмобы, а также получать мгновенную обратную связь. Это способствует формированию лояльного сообщества вокруг музея и повышает его узнаваемость среди различных возрастных и социальных групп.

Однако внедрение новых форматов музейной деятельности связано и с определёнными вызовами. Среди них – необходимость постоянного обновления технической базы, обучение сотрудников новым цифровым компетенциям, а также обеспечение доступности цифровых сервисов для всех категорий посетителей, включая людей с ограниченными возможностями. Кроме того, важно сохранять баланс между виртуальными и традиционными формами музейной работы, чтобы не утратить уникальную атмосферу живого общения с искусством и историей.

Таким образом, процессы цифровизации XXI века открывают перед музеями широкие перспективы для развития и взаимодействия с современной аудиторией. При этом, новые форматы – виртуальные туры, AR/VR-технологии, геймификация, персонализированные сервисы и онлайн-образование – позволяют музеям не только сохранять актуальность, но и становиться центрами инноваций, образования и культурного диалога.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения общественных запросов музеи оказываются перед необходимостью не только реагировать на вызовы времени, но и формировать собственные стратегии развития. Рассмотрим возможные сценарии эволюции музеев в будущем цифрового мира, а также проанализируем их роль в формировании культурной идентичности, образовательных практик и общественного диалога.

Современные исследования выделяют несколько возможных сценариев развития музеев в условиях цифровизации:

1. Интеграционный сценарий предполагает гармоничное сочетание физических и цифровых форматов. Музеи становятся гибридными пространствами, где традиционные экспозиции дополняются виртуальными турами, интерактивными приложениями и онлайн-мероприятиями. Такой подход позволяет: «расширить аудиторию, повысить доступность коллекций и создать новые формы взаимодействия с посетителями» [7, с. 91].

2. Цифровой сценарий ориентирован на создание полностью виртуальных музеев, не имеющих физического пространства. В этом случае основное внимание уделяется разработке цифровых платформ, 3D-моделей, виртуальных выставок и образовательных программ. Такой формат особенно актуален для новых поколений, привыкших к цифровой среде, а также: «... для сохранения и популяризации культурного наследия, находящегося под угрозой исчезновения» [7, с. 92].

3. Сценарий «музея как платформы» подразумевает: «превращение музея в открытую систему, где посетители, исследователи, художники и другие участники могут не только потреблять, но и создавать контент, участвовать в совместных проектах, обмениваться знаниями и опытом. Такой подход способствует развитию сообществ вокруг музея и формированию новых моделей культурного производства» [7, с. 94].

4. Сценарий «музея-лаборатории» предполагает активное внедрение инноваций,

экспериментирование с новыми технологиями, методами экспонирования и образовательными форматами. Музеи становятся площадками для: «апробации и распространения передовых решений в области цифровой культуры, науки и образования» [7, с. 95].

В реальности эти сценарии часто сочетаются, а выбор конкретной стратегии зависит от миссии музея, его ресурсов, особенностей коллекции и запросов аудитории.

В цифровую эпоху, когда информация становится все более фрагментированной, а традиционные формы передачи культурных ценностей подвергаются трансформации, роль музея как хранителя и транслятора культурной идентичности приобретает особое значение. При этом музеи «способны не только сохранять и интерпретировать наследие прошлого, но и способствовать формированию новых идентичностей, основанных на принципах открытости, инклюзивности и диалога» [2, с. 117]. Цифровые технологии позволяют музеям обращаться к более широкой и разнообразной аудитории, учитывать различные точки зрения, вовлекать в диалог представителей разных культур и социальных групп.

Отметим, что важную роль играют и инициативы по сохранению нематериального культурного наследия – языков, традиций, обрядов, которые могут быть оцифрованы и представлены в новых форматах, доступных для будущих поколений [9].

В будущем музеи все больше будут выполнять функции образовательных и исследовательских центров. Цифровые платформы позволяют разрабатывать индивидуальные образовательные траектории, создавать онлайн-курсы, проводить виртуальные лекции и мастер-классы, вовлекать аудиторию в научные исследования и проекты.

Музеи становятся площадками для междисциплинарного диалога, где встречаются искусство, наука, технологии и общество. Например, Музей науки в Лондоне активно сотрудничает с университетами и исследовательскими центрами, реализуя совместные проекты в области STEM-образования и популяризации науки [12]. Кроме того, музеи играют важную роль в развитии цифровой грамотности, тем, что: «обучает посетителей критическому восприятию информации, навыкам работы с цифровыми ресурсами и пониманию этических аспектов использования технологий» [1, с. 22].

В условиях глобальных вызовов – от изменения климата до социальных конфликтов – музеи могут стать важными площадками для общественного диалога, обсуждения актуальных проблем и поиска совместных решений. Цифровые технологии позволяют организовывать: «онлайн-дискуссии, форумы, выставки, посвященные современным темам, вовлекать в обсуждение широкие слои общества» [4, с. 74].

Важным направлением развития музеев в цифровую эпоху становится решение этических и правовых вопросов, связанных с оцифровкой, хранением и распространением культурного наследия. Необходимо учитывать права авторов, вопросы места хранения артефактов, защиту персональных данных посетителей, а также обеспечение равного доступа к цифровым ресурсам.

Несмотря на огромный потенциал цифровых технологий, музеи сталкиваются с рядом рисков: «технологическим неравенством, угрозой утраты уникальности «живого» музейного опыта, проблемами долгосрочного хранения цифровых данных, а также необходимостью постоянного обновления инфраструктуры и компетенций сотрудников» [1, с. 23].

Для успешного развития музеев в цифровом мире требуется: «стратегическое планирование, инвестиции в инновации, развитие партнерств с технологическими компаниями, образовательными и научными организациями, а также активное вовлечение аудитории в процессы создания и распространения культурного контента» [2, с. 119].

В конечном итоге, очевидно, что музей в цифровую эпоху XXI века перестает быть исключительно хранилищем артефактов и становится динамичной, открытой системой, способной к быстрой адаптации, инновациям и формированию новых смыслов. В этом процессе цифровые технологии выступают не просто инструментом, а катализатором

изменений, которые затрагивают все аспекты музейной деятельности – от экспонирования и образования до коммуникации и управления.

Одной из ключевых тенденций становится открытость музея, его стремление к расширению аудитории и вовлечению новых сообществ. Благодаря цифровым платформам, виртуальным турам, онлайн-экспозициям и социальным сетям музеи выходят за пределы своих физических стен, становясь доступными для миллионов людей по всему миру. Это не только способствует расширению доступа к культурному наследию, а также: «формирует новые формы взаимодействия, основанные на принципах диалога, сотрудничества и соучастия» [7, с. 99].

Вместе с тем цифровизация открывает перед музеями уникальные возможности для развития новых форматов работы. Виртуальная и дополненная реальность, геймификация, искусственный интеллект – все эти инструменты позволяют сделать музейный опыт более персонализированным, интерактивным и значимым для каждого посетителя.

Музеи интегрируются в глобальное цифровое пространство, становятся частью международных платформ и сетей, что способствует формированию единой экосистемы культурного обмена и диалога. Однако эти возможности требуют от музеев не только технической оснащенности, но и также: «стратегического мышления, готовности к экспериментам, постоянного профессионального развития сотрудников и поиска новых моделей взаимодействия с аудиторией» [2, с. 119].

Наряду с преимуществами цифровизации, музеи сталкиваются с серьезными вызовами. Среди них – вопросы этики, авторских прав, сохранности и аутентичности цифровых копий, обеспечение равного доступа к цифровым ресурсам для разных социальных групп. Важно осознавать, что цифровые технологии не являются универсальным решением всех проблем: они могут, как расширять возможности, так и создавать новые формы неравенства, отчуждения, утраты уникальности «живого» музейного опыта.

В условиях глобализации и цифрового обмена информацией особое значение приобретает вопрос репрезентации и интерпретации культурного наследия. Музеи должны стремиться к тому, чтобы их деятельность отражала многообразие культурных традиций, учитывала различные точки зрения, способствовала развитию критического мышления и уважения к другому» [4, с. 75].

В будущем музеи могут и должны стать не только хранителями прошлого, но и активными участниками формирования будущего. Музеи способны играть ключевую роль в развитии цифровой грамотности, популяризации науки и искусства, формировании гражданской идентичности и культуры участия. Они могут стать площадками для обсуждения актуальных проблем современности – от изменения климата до вопросов социальной справедливости, местом поиска совместных решений и развития инноваций.

Важным направлением становится развитие музея как платформы – открытой системы, где каждый может внести свой вклад в сохранение и интерпретацию культурного наследия. Для успешного развития музеев в цифровом мире необходимы: «интеграция цифровых и физических форматов, развитие персонализированных сервисов, укрепление партнерств, обеспечение этической и правовой прозрачности, а также постоянное обновление инфраструктуры и компетенций» [2, с. 120].

Значимость музея определяется не только количеством экспонатов или посещаемостью, но и способностью быть актуальным, открытым, инновационным. В условиях стремительных изменений важно не только следовать за технологическим прогрессом, но и сохранять верность основным ценностям музейного дела: уважению к наследию, стремлению к просвещению, открытости и гуманистическим идеалам. Только так музей сможет сохранить свою актуальность, стать по-настоящему значимым для современного и будущего общества, так как цифровая трансформация – это не конечная цель, а непрерывный процесс, требующий постоянного поиска баланса между инновациями и традициями, между глобальным и локальным.

Библиографический список

1. Богомазова Т. Г., Гук Д. Ю., Харитонова Т. Ю. Музей в современном информационном пространстве / Т. Г. Богомазова, Д. Ю. Гук, Т. Ю. Харитонова // Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения. Евразийский Союз Ученых – 2015. – № 21. – С. 17 – 23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25606432> (дата обращения 20.09.2025).
2. Горелов О. И., Горелова С. И., Третьяков А. Л. Развитие музея в цифровом пространстве: постановка проблемы / О. И. Горелов, С. И. Горелова, Третьякова А. Л. // Мир образования. – 2020. – № 1(77). – С. 112 – 121. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44537468> (дата обращения 20.09.2025).
3. Государственный Эрмитаж – URL: <https://www.heritagemuseum.org/> (дата обращения 19.06.2025).
4. Гук, Д. Ю., Харитонова, Т. Ю. Управление проектами в музее в эпоху цифровой трансформации / Д. Ю. Гук, Т. Ю. Харитонова // Культура и технологии, 2017 – Том 2. Вып. 2. – С. 68 – 75. – URL: <https://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i2-3/113> (дата обращения: 30.09.2025).
5. Музей советских игровых автоматов – URL: <https://15kor.ru/> (дата обращения 21.06.2025).
6. The British Museum – URL: <https://www.britishmuseum.org/> (дата обращения 09.09.2025).
7. Drotner, Kirsten., Dziekan, Vince, Parry, Ross, et al. The Routledge Handbook of Museums, Media and Communication. / Drotner, Kirsten., Dziekan, Vince, Parry, Ross, et al. Oxon, UK. : Routledge, 2019. – 359 p.
8. Kerstin Arnold, Tom Miles, Marie-Véronique Leroi, Henning Scholz. Europeana Aggregators' Forum Activity Report 2023 / Arnold Kerstin, Miles Tom, Marie-Véronique Leroi, Scholz Henning // Europeana PRO – URL: <https://pro.europeana.eu/post/europeana-aggregators-forum-activity-report-2023> (дата обращения 11.09.2025).
9. International Telecommunication Union (ITU). Measuring digital development: Facts and Figures 2024 – URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2024/index/> (дата обращения 13.09.2025).
10. Google Arts & Culture. 10 Museums You Can Explore Right Here, Right Now – URL: <https://artsandculture.google.com/story/nwWRKBBnEBSGKg> (дата обращения 17.09.2025).
11. Natural History Museum. Space Night at the Museum – URL: <https://www.nhm.ac.uk/events/space-night-at-the-museum.html> (дата обращения 19.09.2025).
12. Science Museum. Annual Review 2023-24 – <https://www.sciencemuseumgroup.org.uk/about-us/annual-review> (дата обращения 17.09.2025).
13. The family of art, design and performance museums V&A – URL: <https://www.vam.ac.uk/> (дата обращения 19.09.2025).

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Выпуск № 4 (45), 2025

Дата выхода в свет 25.12.2025.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 17,4. Усл. печ. л. 19,8. Тираж 25 экз. Заказ № 290

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84